Академик В. В. БАРТОЛЬД.

ИРАН.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР.

ТАШКЕНТ.
1926.

„Пров 38"

Типография «Востказгосиздата»

Ташкент, 1926 г.

DS
278

БИБЛИОТЕКА
[illegible]
АКАДЕМИИ
211
27

Заказ № 1704. Ташоблит № 344. Тираж—2000.

Оглавление.

Стр.

От издателя . . . . . 3.

Введение . . . . . 5.

I. Место иранцев Ирана и иранской культуры в мировой истории . . . . . 8.

II. География и этнография Ирана . . . . . 35.

III. Историческая литература на персидском языке (с переводами и подражаниями) . . . . . 55.

IV. Европейские исследования по истории Ирана и иранской культуры . . . . . 96.

V. Русские исследования . . . . . 113.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Настоящий труд акад. В. В. Бартольда предполагалось первоначально напечатать в серии издательства „Наука и Школа", где особым выпуском вышел в 1922 г. труд того же автора „Мусульманский мир". Появление „Ирана" в этой серии оправдывалось особым местом, которое в истории занимает страна с этим именем—единственная из стран классического Востока, где население доныне сохранило свой персидский язык и свое национальное самосознание. Даже государственные традиции до-мусульманского периода, прерванные арабским завоеванием, продолжают оказывать влияние на современную жизнь; цари, например, современного Ирана и теперь носят тот же титул шаханшах—„царь царей", как в VII в. по Р. Х. и раньше. Вследствие этого история Ирана до-мусульманского и мусульманского периодов до некоторой степени может рассматриваться как одно целое, хотя мы и не видим здесь той непрерывности культурных традиций, как в Индии и Китае.

С прекращением издательской деятельности фирмы „Наука и Школа" настоящий труд остался не напечатанным. В настоящее время Восточный факультет Средне-Азиатского Государственного Университета, с согласия автора, постановил напечатать „Иран" отдельным изданием, пользуясь любезным материальным содействием для этого „Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами".

Этот труд печатается по рукописи автора, которая в свое время была сдана им вышеупомянутому издательству; так как автор в настоящее время находится в научной командировке в Турции и всякие сношения с ним очень затрудительны, факультет печатает эту рукопись без всяких изменений.*)

По просьбе Факультета чтение корректур принял на себя А. А. Семенов.

Деканат Восточного факультета САГУ.

*) Ввиду отсутствия в типографиях Ташкента необходимых подстрочных и надстрочных знаков, при печатании этого труда не могла быть воспроизведена в точности примененная автором в подлиннике латинская транскрипция.

При составлении исторического обзора Ирана необходимо считаться с фактом, что Иран, как географическое понятие, не совпадает ни с областью расселения иранцев, как этнографической единицы, ни с областью влияния иранской культуры, ни с областью распространения персидского, т. е. иранского литературного языка. В древности Индия и Иран одинаково были заняты народом, называвшим себя арианами (арийцами)—arya в Индии, ariya или airya в древне-иранских наречиях [1].

В надписях царя Дария слово „арии" относится, повидимому, исключительно к населению Ирана; Индия и индийцы получили название по пограничей реке Синд (Sindhu), в иранском произношении Hindu (индийскому *s* вообще соответствует в иранском *h*), на современных картах Инд; от персов это название перешло к грекам и, как большая часть греческих названий, вошло в обиход современной географической науки. В иранском священном писании (Авесте) термин Hindu употребляется как название реки и говорится о „семи Индах" (hapta hindu), что вполне соответствует индийскому термину sapta sindhavah. Индийское „Семиречье" получило такое название по Инду, Кабулу и пяти рекам „Пенджаба" (т. е. „Пятиречья"). Чинабу с его притоками Джеламом и Рави и Сетледжу с его притоком Биасом. Ариям противополагаются туры (tûra, прилагательное tûirya) и саримы (sairima); если под последними, как полагают, надо понимать сарматов или савроматов греческих писателей, то имеется в виду средне-азиатский народ, по мнению большинства ученых родственный иранцам: очень вероятно, что и туры были того же происхождения и тоже жили в Средней Азии. Другими словами, население Ирана обособило себя одинаково от индийских „ариев" и от родственных средне-азиатских народов. Слово „Иран", первоначально Эран, появляется позже и есть родительный падеж множественного числа от слова airya (airyanam), в

[1] Ср. свод лингвистического материала у Chr. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch (Air Wb), 1904.

смысле: (страна) ариев. Впервые мы встречаем его в греческой форме Ariane у Эратосфена (III в. до Р. Х.), у которого заимствовал эти сведения Страбон. Границей этой „Арианы" или Ирана считались: Инд на востоке, Гиндукуш и горные цепи к западу от него—на севере, Индийский океан на юге; западная граница шла от Каспийских ворот, т.-е. горного прохода к востоку от Тегерана, по линии, отделявшей Парфию от Мидии и Караманию (Керман) от Персиды (Фарса). Очевидно, термин „страна ариев" понимался не в этнографическом, но исключительно в политическом смысле; так называлась страна, об'единенная под властью династии арсакидов, поднявшей восстание против греческих завоевателей; области, остававшиеся под властью греков, как на западе (государство селевкидов), так и на северо-востоке (греко-бактрийское царство), не причислялись к Ирану. [1]) Впоследствии, при сасанидах, область с семитским населением, Вавилония, где находилась столица „царя царей", не только причислялась к Ирану, но даже считалась „сердцем иранской области".[2]) И в настоящее время в самой Персии под Ираном понимают государство шаханшаха. Происхождение слова Иран и этнографический термин „арии", от которого оно происходит, были забыты уже в средние века; от слова „Иран" для обозначения населения этой страны был образован термин „иранцы" (перс. *ирани*). Ирану чаще всего противоставлялся „Туран", слово образованное от „туры" таким же образом, как Иран от „арии"; только впоследствии „Туран" отождествили с „Туркестаном", страной турок.

Совершенно иное значение получили слова „Иран" и „Туран" в географической науке; под Ираном понимали плоскогорье, представляющее внутренний бассейн и граничащее на севере с бассейном Каспийского и Аральского морей, на юге, западе и востоке—с бассейном Индийского океана, между Тигром и Индом; под Тураном—бассейн Аральского моря. Слова „Туран" и „туранцы" иногда употребляли в более обширном значении, об'единяя под этими терминами весь средне-азиатский мир от южно-русских степей до Китая, и противополагая „туранцев" не только „иранцам", но вообще „арийцам".

---

[1]) J. Marquart в ZDMG, 49 (1895), 628.

[2]) Арабский текст в географ. слов. Якута, I, 417.

Название „арии" вновь сделалось известно европейцам в XVIII в. не из живой речи, но из древнейших памятников письменности Индии и Ирана. После установления близости языков Индии и Ирана с европейскими, арийцами (Arier, Ariens, Aryans) стали называть всех представителей лингвистической группы, обнимающей народы „от Индии до Исландии" [1]; впоследствии вместо этого термина были предложены другие: индо-европейцы, индо-германцы (особенно в немецкой науке), арио-европейцы, с сохранением названия „арийцы" только для азиатских индо-европейцев, предки которых действительно называли себя этим именем; тем не менее слово „арийцы" и до сих пор иногда употребляется в науке в прежнем смысле, даже в Германии[2]). Арийцы, в смысле „азиатские индо-европейцы", были разделены на две ветви, индийцев и иранцев; иранцами в лингвистическом смысле стали называть, независимо от политических границ, народы, об'единенные в одно целое по лингвистическим признакам. Когда в конце XIX века возникла мысль составить свод научного материала, относящегося к области „иранской филологии" (языкам, литературе и истории иранцев[3]), то в лингвистический отдел этого свода вошли наречия от самого восточного из памирских, сарыкольского, до западных курдских, в восточной части малоазиатского полуострова, т.-е., приблизительно, от 75 до 38° вост. долг. от Гринвича; кроме того, рассматривается наречие так называемых осетин (называющих сами себя и р о н), живущих отдельно от прочих „иранцев" на Кавказе, к западу от прежней военно-грузинской дороги. Еще обширнее была область распространения иранских наречий в древности, хотя во многих случаях вопрос о том, какие именно народы говорили по ирански, остается спорным.

---

[1]) Так еще в 1920 г. N. Söderblom, Einführung in die Religionsgeschichte, 7.

[2]) Кроме приведенного выше примера еще Th. Poesche, Die Arier, 1878. Время появления в науке термина «индо-германцы» не установлено. По статье «Aryans» в Encycl. Brit. его впервые употребил Фр. Шлегель; цитуется его «Ueber die Sprache und Weisheit der Inder» (1808), где, однако, слова «Indogermanen» нет. Можно только сказать, что термин «индо-германцы» существовал ко времени появления «Asia Polyglotta» Клапрота (1823), причем из слов Клапрота не видно, чтобы этот термин был впервые придуман им. См. С. К. Булич. Очерк истории языкознания, I, 2.

[3]) Grundriss der Iranischen Philologie. Начато в 1895 г., закончено в 1904 г.

Еще большее пространство обнимала область распространения главного литературного языка Ирана, так называемого „новоперсидского", образовавшегося уже при исламе; на нем писали далеко за пределами лингвистического Ирана, от Константинополя (к числу персидских поэтов принадлежал турецкий султан Селим II, 1566—1574) до Калькутты и городов Китайского Туркестана. Историку иранской культуры необходимо считаться и с этим фактом, и с еще более многочисленными переводами с персидского и подражаниями персидским образцам.

I

Место иранцев, Ирана и иранской культуры в мировой истории.

Исторический вопрос о судьбах иранцев вне пределов Ирана тесно связан с вопросами, решаемыми с помощью лингвистического и отчасти археологического материала: о первоначальной родине [1]) и передвижениях индо-европейцев, арийцев и иранцев и о том, какие из народов, известных нам по названию, должны быть причислены к иранцам. По каждому из этих вопросов существует обширная литература. Вследствие несомненной лингвистической и культурной близости между иранцами и восточными славянами вопроса об иранцах приходилось касаться каждому исследователю начального периода истории русского языка и народа, в том числе автору последнего классического труда в этой области, покойному А. А. Шахматову. [2]) Тем не менее наука еще не дает точного ответа ни на один из поставленных вопросов; многое, что казалось прочно установленным, за последние годы вновь подвергнуто сомнению, частью под влиянием новых теорий, частью под влиянием открытия нового материала. Взгляды, выраженные в книге Шахматова, были результатом исследований нескольких поколений ученых и могли считаться прочно установленными; но

[1]) Ср., напр., статью «Urheimat der Indogermanen» в «Reallexicon der Indogermanischen Altertumskunde» О. Шрадера (1901). Вопрос был поставлен еще в конце XVIII в.; ср. Works of sir W. Jones, III, 185—204 (речь, произнесенная Джонсоном 23 февраля 1792 г.), где говорится о трех главных ветвях народов—индийской, арабской и татарской и о предполагавшейся общей родине их в Иране.

[2]) Введение в курс истории русского языка, ч. I, 1916.

этой теории, независимо от более раннего переселения арийцев (общих предков индийцев и иранцев) из Европы в Азию [1]), происходило впоследствии движение нескольких иранских народов из Азии в Европу и через Европу с востока на запад, [2]) от геродотовских скифов, первые известия о которых восходят, повидимому, к VII в. до Р. Хр., до алан [3]), часть которых в V в. до Р. Хр. вместе с другими народностями проникла до Испании и Африки; другая часть оставалась в южной России до монгольского нашествия и после; остатком алан признавались осетины, собственно „осы" (слово „Осетия" образовано с грузинским суффиксом, служащим для обозначения стран, как Кахетия, Имеретия и т. п.). На основании археологического материала, иранскому элементу отводилось значительное место в культурной истории России и даже западной Европы; по мнению М. И. Ростовцева, появление сарматов „способствовало появлению в римских провинциях нового стиля-романского, повлияло на так называемый готический и внесло свою лепту в историю западно-европейского искусства"; [4]) по мнению А. А. Спицина, аланы „давали тон хазарской культуре". [5]) Эти выводы связаны с датировкой археологического материала, крайне трудной и до сих пор вызывающей споры, даже среди выдающихся исследователей. [6]) Сверх того в последнее время Н. Я. Марр [7]) сделал попытку дать иное решение „скифскому вопросу" и установить этнологическую связь между скифами и „яфетидами" Кавказа, т.-е. до-арийским слоем армянского народа, грузи-

---

[1]) Ссылка Шахматова (стр. 20) на Латама (Latham) относится к изданию «Германии» Тацита (1851); о предшественниках Латама (польских) Th. Poesche, Die Arier, 62.

[2]) Ср. у Шахматова стр. 35 и сл., раньше Ed. Meyer в Zeitschr. für vgl. Sprachf. 42 (1909), 26 и след., где иранцы по обширности района своих передвижений сопоставляются с турками. Из более ранних трудов об иранстве скифов напр. W. Tomaschek, Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden (SbW, 116 и 117), В. Ф. Миллер в ЖМНП, 1886, окт.; Ф Браун. Розыскания в области гото-славянских отношений, 1899, 73 и сл.

[3]) Об аланах на русском языке исследование проф. Ю. Кулаковского «Аланы по сведениям классических и византийских писателей», Киев, 1899.

[4]) М. И. Ростовцев, Эллинство и иранство на юге России, 1918, 139

[5]) ЖМНП, 1909, янв., 71.

[6]) Ср. рецензию Б. В. Фармаковского на труд М. И. Ростовцева, Русск. истор. журнал, кн. 7 (1921), 203—208, конец.

[7]) Яфет. Сборник, I (1922), 67—132.

нами, абхазами, и другими; в пользу яфетического происхождения скифов высказался и Б. В. Фармаковский[1]). При таких условиях трудно дать определенный ответ на вопрос о вкладе иранцев в историю восточной Европы. Столь же мало выяснено, можно ли найти следы влияния иранских кочевников в быте и культуре последующих обитателей тех же степей, турок.

Археологическими открытиями первых десятилетий XX века поставлен на очередь еще ряд вопросов, касающихся передвижений иранцев: но выводы относящихся к этим вопросам исследований еще менее могут быть признаны окончательно установленными. В 1906 г. начались раскопки Гуго Винклера (умер в 1913 г.) в Малой Азии, в селении Богаз-Кэй, на месте древней столицы хаттов (хеттитов), процветание которой относится к эпохе от XV до начала XII века до Р. Хр. [2]) В архиве этого народа сохранились, между прочим, документы, относящиеся к народу Митанни, жившему в северной части Месопотамии; имена богов этого народа привели к заключению, что во главе его находились арийцы, еще не распадавшиеся тогда на индийцев и иранцев; Эд. Мейер видит в этом „первое появление арийцев в истории“ [3]). Впоследствии было установлено, что язык Митанней—не арийский, а принадлежит к числу яфетических; [4]) слово Charri или Harri, в котором Винклер видел название арийского элемента, тоже оказалось названием яфетического народа. В 1919 г. была сделана попытка[5]) доказать, что в богазкэйских надписях представлено всего восемь языков; из них язык, к которому относится $^9/_{10}$ надписей, был признан смешанным, хотя и с индо-германской основой. В противоположность мнению Эд. Мейера, теперь пришли к заключению, что разделение арийцев на индийцев и иранцев произошло еще в Европе, что древнейшие индийцы [6]) (Urindier) перешли через Кавказ с севера на юг около 2500 г. до Р. Хр. и заняли местность вдоль правого берега Куры от современной Гянджи

[1]) В упомянутой рецензии, стр. 206.

[2]) Ed. Meyer в Zeitschr. für vgl. Sprachf., XLII, 24.

[3]) Его статья под этим заглавием (Ueber das erste Auftreten der Arier. SPAW, 1908) цитуется у Б. А. Тураева, История древн. Востока [2], I, 76.

[4]) F. Born. Die Mitanni—Sprache. 1909.

[5]) E. Forrer, Die acht Sprachen der Boghazköi—Inschriften; . SPAW, 1919, 1029—1041.

[6]) О них еще P. Jensen. Indiche Zahlwörter in keilschrifflichen Texten: ibid., 367 и сл.

(Елисаветполя) до Каспийского моря. По другой теории, [1]) индийцы перешли через Кавказ около 1700 г., иранцы шли за ними, постепенно оттесняя их, приблизительно с 1000 г., к востоку; от тех и других отличается третья ветвь арийцев, саки (это слово встречается, как народное название, в персидских клинообразных надписях и приводится у Геродота, VII, 64, как персидское название скифов); саки двинулись из Европы в Азию не через Кавказ, но путями к северу от Каспийского моря и впоследствии в Туркестане и Афганистане образовали клин между индийцами и иранцами. Все эти теории отнюдь не могут считаться научно установленными фактами; ими только намечаются вопросы, требующие дальнейшего исследования.

Приблизительно, в то же время экспедициями, снаряженными для изучения памятников буддийской культуры Китайского Туркестана, особенно немецкими, начиная [2]) с экспедиции Грюнведеля 1902—3 г. и английскими экспедициями Штейна 1901 и 1906—7 гг. был установлен факт существования в Средней Азии, в эпоху от I, может быть, до X в. по Р. Хр., нескольких неизвестных прежде индо-европейских литературных языков. На двух из этих языков [3]) имеется только переводная буддийская литература VII в. по Р. Хр. и более позднего времени; эти языки получили первоначально название I и II, с разделением каждого на два наречия, A и B; язык I был в употреблении в округе Кучи, язык II—в округе Хотана. Язык I был признан индо-европейским, но не арийским и во многих отношениях стоящим ближе к европейским, чем к азиатским языкам индо-европейской группы; язык II—иранским по грамматическому строю и в значительной степени индийским по словарному составу, вследствие чего даже было предложено видеть

---

[1]) J. Strzygowski, Altai—Iran Völkerwanderung, 1917, 187 и сл., ср. Изв. АИМК, II, 364.

[2]) Некоторые отрывки были добыты раньше Св. Хедином (путешествие 1893—97) и в особенности экспедицией Роборовского и Козлова (1893—5).

[3]) О них напр. E. Leumann в ZDMG 61 (1907), 648—658; на русском языке Н. Д. Миронов в ЗВО, XIX, стр. XXII—XXIII; XXI, 0107—0114; Сталь—Гольстейн в ЗВО, XX, 016—020, там же ссылки на другие сочинения; против мнения Сталь-Гольстейна Jarl Charpentier в ZDMG 71 (1917), 347 и сл. В новейшее время несколько статей в SPAW 1919 и в Festschrift für Fr. Hirth, Berl. 1920 (Ostas. Ztschr. VIII), раньше в ZDMG 71 (1917).

в нем третий („северный") язык [1]) арийской ветви; в ответ на это справедливо было замечено, что, несмотря на словарные заимствования из чужого языка, язык II остается иранским, как английский—германским. С 1908 г. начался спор о том, какие народы говорили на обоих языках. Некоторыми немецкими и французскими учеными (прежде всего Ф. В. К. Мюллером, в 1907 г.) было предложено назвать язык I тохарским, по имени народа тохаров, упоминаемого в греческих источниках среди завоевателей греко-бактрийского царства во II в. до Р. Хр. и раньше жившего на границах собственного Китая, на реке Булунцзир; по имени этого народа часть Бактрии еще в мусульманское время носила название „Тохаристан"; из одного турецкого буддийского памятника видно, что на тохарском языке была буддийская литература: говорится о переводе с тохарского на турецкий сочинения, найденного среди памятников языка I. Другими (прежде всего Стель-Гольстейном, в 1908 г.) этот довод был признан недостаточным; доказывали, что нет никаких известий о тохарах близ Кучи, тогда как вполне определенно говорится о тохарах близ Хотана, так что на название „тохарский" имел бы больше прав язык II, обыкновенно называемый „сакским", „древне-хотанским" или „восточно-иранским". [2])

Больше следов оставил в мировой истории третий язык, несомненно иранский, на котором были найдены в Средней Азии документы (I в. по Р. Хр.) и литературные памятники (VII—IX вв.) и которому с 1904 г. присвоено название „согдийский", под влиянием труда мусульманского автора XI в. Бируни, где говорится о двух языках до-мусульманского Туркестана, согдийском и хорезмийском. Язык вновь открытых памятников был признан тождественным с согдийским языком Бируни, хотя памятники были найдены в местностях, расположенных значительно восточнее Согда (т.-е. долины Заряфшана), до развалин на пути от Лоб-Нора к китайской пограничной крепости Дун-хуан. Вследствие этого главным французским исследователем согдийского языка, R. Gauthiot,

[1]) Термин «nordarisch» предложил Leumann (Zur nordarischen Sprache und Literatur, 1912). Характеристика того же языка, как иранского, напр. у Lüders, Die sakische Mura (SPAW, 1919, 734 и сл.)

[2]) Все три термина в упомянутой статье Lüders'a. Попытку характеризовать современное (1920) состояние вопроса сделал S. Feist в Festschrift für Fr. Hirth, 74–84: «Der gegenwärtige Stand des Tocharerproblems».

было высказано мнение, что согдийский язык был распространен от Самарканда до Китая. [1]) Возможно, однако, что это был действительно язык Согда и что широкое распространение его на восток от Китая связано с образованием тех многочисленных согдийских колоний, о которых мы имеем как китайские, так и мусульманские известия. В мусульманскую эпоху согдийский язык был вытеснен языком Персии и сохранился теперь только в виде двух наречий долины речки Ягноб, одного из притоков Заряфшана; но, несомнено, что еще до победы персидского языка и ислама началось культурное влияние средне-азиатских иранцев на более восточные народы, в особенности на турок, и впоследствии через посредство турок на монголов, отчасти и на Китай. Едва ли может подлежать сомнению согдийское происхождение алфавита турок-уйгуров, [2]) в свою очередь передавших письменность монголам, как монголы—манджурам. До нас дошли литературные памятники трех религий, буддийской, манихейской и христианской, на трех языках: согдийском, турецком и китайском, [3]) причем влияние согдийцев на распространение всех трех религий может считаться вполне доказанным. До сих пор в языках турецком и монгольском сохранились некоторые культурные слова согдийского происхождения, в том числе буддийские термины; существуют специальные работы о культурном влиянии средне-азиатских иранцев на Китай. [4])

Замечательно, что между среднеазиатскими находками нет ни одного отрывка, который бы относился к национальной религии Ирана, обыкновенно называемой зороастризмом (по имени его основателя в его греческой форме-Зороастр; древне-иранское имя-Заратуштра или, по мнению Андреаса, [5]) Зуратуштро) или маздеизмом.

---

[1]) Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscr. etc 1913, p. 671.

[2]) R. Gauthiot, De l'alphabet sogdien (JA 10, XVII, 81—95).

[3]) О языке согдийских и христианских фрагментов F. C. Andreas в SPAW 1910, 307—314, о буддийских особенно R. Gauthiot в ряде статей (напр. JA, 10, XVII, 81—95; XVIII, 49—67; XIX, 163—193, 429—510; Mém. de la soc. ling. de Paris, XVII, 137—161; 357—367).

[4]) Особенно E. Chavannes et P. Pelliot. Un traité manichéen retrouvé en Chine, JA, 10, XVIII, 499—617; II, I, 99—199, 261—394. Также P. Pelliot, Les influences iraniennes en Asie Centrale et en Extrême Orient, 1911 (из Revue d'hist. et de litt. religieuses); A. Stein, Ruins of Desert Catay, 1912, II, 186. B. Laufer, Sino-Iranica, 1919 (Chicago's Field Museum of Natural history. Anthrop Series, vol. XV, № 3).

[5]) GN 1911, 9.

по имени верховного бога Ахура-Мазда или, в более древних текстах, Мазда-Ахура, букв. «святой владыка». Эта религия, которой приписывают обыкновенно восточно-иранское происхождение и которая была также религией большинства согдийцев, распространялась преимущественно в западном направлении. (В Китае строились зороастрийские храмы для бежавших туда представителей сасанидской династии, но пропаганды зороастризма не было).

О значении зороастризма в мировой истории и в жизни самих иранцев высказывались крайне разноречивые мнения. По мнению некоторых ученых, древний Иран и в области религии был так же мало оригинален, как и в области материальной культуры; [1]) утверждали даже, что стремление европейских ученых «возвеличить Авесту (священное писание зороастрийцев) в ущерб Пятикнижию» связано с «их ненавистью к семитским расам и гордостью своим арийским происхождением»[2]). С другой стороны, красноречивым панегиристом зороастризма выступил с своем последнем большом труде Эдуард Мейер; [3]) по его словам, Зороастр-первая личность, оставившая в истории религии след своего творчества, [4]) зороастризм-первая из великих мировых религий; [5]) в надписях Дария, как у первых христиан, сказывается гордое сознание людей, что они обладают истиной и сражаются с ложью. Властители и высший класс мировой империи были восторженными приверженцами истинной веры и были исполнены презрения к безумству народов, представлявших себе богов обитающими в сделанных человеческими руками изображениях или в тесных храмах. [6])

Труднее всего согласиться с этим мнением. Только при крайне искусственном толковании надписей Дария можно видеть

---

[1]) Б. А. Фармаковский в Русск. Истор. Журн. VII, 204, с ссылкой на Герцберга (чит. Herzfeld), Eranische Felsreliefs, хотя нигде в этой книге не говорится так определенно, что у иранцев не было ничего, кроме наследия, полученного от их предшественников.

[2]) Слова Halevy, приведенные E. G. Browne'ом, A lit. history of Persia, I, 29.

[3]) Ed Meyer, Ursprung und Anfange des Christentums, Stuttg. u Berlin 1921, II, 58—94.

[4]) Die erste Persönlichkeit, die schöpferisch gestaltend in die Religionsgeschichte eingreift (58).

[5]) Die erste der grossen Weltreligionen.

[6]) Voll Geringschätzung schauten sie auf die Torheit der Völker herab, welche die Götter in Bildern von Menschenhand oder in engen Tempelbezirken hausend dachten.

в них признаки ревности к вере и ее распространению. Ахура-Мазда—великий бог прежде всего потому, что он поставил царем Дария, единого для многих царя, единого для многих повелителя. [1]) Человек призывается к благочестию, с которым тесно связано и исполнение долга верноподданного; главные представители лжи-самозванцы и мятежники. Ничего не говорится о том, чтобы персидская религия проникла туда, где ее раньше не знали; царь только гордился тем, что «копье персидского воина зашло далеко» и что «персидский воин вдали от Персии одерживал победы в сражениях». [2]) Если бог Ахура-Мазда, как полагает Эд. Мейер, не существовал до Зороастра, то Дарий был приверженцем зороастризма: но это был не тот зороастризм, который получил господство при династиях арсакидов и сасанидов. Эд. Мейер умалчивает о том, что при Дарии еще не было религиозного единства Ирана; в представителях жреческого сословия Мидии, магах, персидское государство видело своих врагов; [3]) победа Дария над магом Гауматой имела не только политический, но и религиозный характер, что видно из слов Дария: «храмы, разрушенные магом, я возобновил». [4])

В истории религиозных идей учению, связанному с именем Зороастра, принадлежит выдающееся место. В основу его положено несостоятельное с научной точки зрения, но имевшее высокую нравственную ценность, дуалистическое мировоззрение-учение о борьбе во всем мире добра со злом и о необходимости для каждого человека принять участие в этой борьбе. Эта идея потом оказала существенное влияние на несколько религий-позднейшее иудейство, культ Митры, христианство, манихейство, ислам; но в самом зороастризме она рано была заглушена мертвой обрядностью и механическим повторением затверженных формул. Как признает и Эд. Мейер, [5]) «мертвая обрядность и формализм» восходят к самому Зороастру, в этом отношении безусловно стоящему ниже великих еврейских пророков.

---

[1]) Б. Тураев, История древн. Востока: 2, II, 203.

[2]) Перевод F. H. Weissbach, Die Keilinschriften am Grabe des Darius Hystaspis (Abh. der phil.—hist. Klasse der Kön. Sachs. Ges. der. Wist, XXIX, 1, 1911), 26.

[3]) На это указывают и слова Геродота (III, 79).

[4]) Тураев, цит. соч., II, 179.

[5]) Цит. соч., II, 73 (starrer Ritualismus und Formalismus).

Впоследствии зороастризм все более становился языческим культом и в эпоху своего величайшего государственного могущества, при династии сасанидов (III-VII в.), не представлял никакой этической ценности, и только после победы ислама он в кругу немногих оставшихся ему верными последователей «очистился до степени чистого монотеизма». [1])

Еще больше значения, чем иранская религия, имела в истории древнего мира иранская государственность. Персидскими царями из рода ахеменидов была создана первая в истории мировая империя, об'единявшая в себе несколько культурных стран и народов. О значении этой государственности для подвластных ей народов тоже высказывались крайне разноречивые мнения. Специалисты по истории древнего Востока [2]) и по истории Греции нередко видели в персах только варварских поработителей, врагов культуры и свободы, в их государстве—соединение деспотизма и анархии. Самым красноречивым выразителем противоположного мнения и в этом случае был Эд. Мейер, [3]) по мнению которого персидская держава была первой в мировой истории, умевшей parcere subjectis [4]) (щадить покоренных), и которая ввела в покоренных странах более упорядоченное управление, чем существовавшее прежде. Большую гуманность персидских царей, особенно Кира, сравнительно с прежними завоевателями часто об'ясняли влиянием религии, [5]) что едва ли выдерживает критику; мидийские цари, разрушившие до основания Ниневию, повидимому, также были зороастрийцами. Было высказано мнение, что персы были для Востока тем же, чем потом сделалить римляне для древнего мира; [6]) но это мнение нуждается в оговорках. В противоположность значению Рима в истории Италии и западной Европы, двухсотлетнее существование

---

[1]) Тураев, цит. соч., II, 207.

[2]) Как неохотно признавалось ими какое-либо превосходство персидской государственности над ассиро-вавилонской, видно из слов Г. Винклера (Helmolts Weltgeschichte, III, 151: «Wir wissen, dass es weder die erste noch die dauerhafteste und mächtigste, wenn vielleicht auch (sic) ausgedehnteste Erscheinung seiner Art ist». В русском переводе также стр. 151.

[3]) Его слова часто повторялись, напр. J. V. Prasek, Geschichte der Meder und Perser, II, 233. Ср. еще Geschichte des Alterthums, III, Th. I, 24.

[4]) Известный стих Вергилия (Энеида, VI, 853).

[5]) Тураев, цит. соч., II, 168. Grundriss, II, 423.

[6]) Th. Lindner, Weltgeschichte, I, 161.

ахеменидской монархии не привело ни к культурному об'единению иранцев, ни к иранизации чужих народностей. Как показывает рассказ, которым заканчивается труд Геродота, жители Персии в тесном смысле слова, т. е. современного Фарса, в подавляющем большинстве остались и после образования персидской державы на своей прежней родине; в чужие области посылались только персидские военные отряды и их начальники. Поэтому господство персов почти не отразилось ни на культурном уровне восточных иранцев по сравнению с западными, ни на этнографических различиях между иранцами и их западными соседями. Бактрийцы и согдийцы и в эпоху Александра по своему культурному уровню стояли несравненно ниже мидян и персов; этнографическая граница Ирана на западе была и при Александре та же, как при Кире.

Вследствие этого было бы ошибочно, как это часто делалось, [1]) приписывать памятники ахеменидской эпохи всему персидскому народу и видеть в них проявление персидского национального идеала. Неизвестно, было ли в до-ахеменидскую эпоху у восточных иранцев, не затронутых влиянием старых культурных народов, какое-либо представление о государственности; в словах Геродота (III,117) можно видеть указание на существование государственной власти в Хорезме; во всяком случае в Мидии и Персии государственная власть сложилась под влиянием чуждых Ирану ассиро-вавилонских традиций и потом насильственно подчинила себе коренные иранские области, как впоследствии сложившаяся в Галлии франкская государственность насильно подчинила себе Германию.

Этим об'ясняется то полное разобщение, в эпоху ахеменидской монархии, между государством и народом, которое признается теперь почти всеми исследователями, [2]) в том числе и Эд. Мейером. [3]) С помощью иноземных деятелей ахемениды создали придворную письменность и придворное искусство, существование которых прекратилось вместе с существованием династии, не оставив следов ни в жизни, ни даже в памяти народа. Грандиозные памятники, в которых видели воплощение персидского идеала все-

[1]) Ср. напр. красноречивые отрицы в книжке Б. В Фармаковского, Художественный идеал демократических Афин, 1918, 51 и сл.
[2]) Ср. Тураев, цит. соч., II, 215.
[3]) Ed. Meyer, Geschichte des Alterthums, III, Th. I, 121.

могущества монарха, в противоположность греческому идеалу народной свободы, были делом рук не персидских [1]), а иноземных, в том числе и греческих, художников, служивших персидскому царю; один из них выражал в стихах свою радость, что сумел угодить царю Дарию и тем прославил не только себя, но и свой родной остров Самос [2]). Постройки, выдвигавшиеся ахеменидами на родине персидского народа, в Пасаргадах и Персеполе, имели только декоративное значение; настоящей столицей персидского царя были Сузы, город, расположенный вне пределов этнографического Ирана, в старой культурной области. Иран продолжал жить прежней жизнью, основанной на господстве землевладельческой аристократии, и мало подчинялся влиянию вавилонской городской культуры. В восточных областях Ирана [3]) в это время слагался народный эпос, отражавшийся и на изобразительном искусстве и сделавшийся потом достоянием всего народа, т. е. оказавшийся несравненно долговечнее, чем все, насаждавшееся династией.

Как все обширные империи, основанные малокультурными народами, империя ахеменидов имела меньше значения для создавшего ее народа, чем для его культурных современников; только благодаря персидским завоеваниям произошло то расширение географического и вообще умственного кругозора представителей греческой культуры, о котором свидетельствуют труды Геродота [4]) и его предшественников. После об'единения Греции под властью македонского царя грекам удалось отнять у персов также политическое господство: «великими царями» или «царями царей» сделались греческие властители, с тем существенным различием, что со времени Александра мировой владыка, или считавший себя таковым, был уже не только ставленником бога, как персидские цари, но сам называл себя богом. Это представление, усвоен-

---

[1]) Ibid. 122: «Schwerlich sind die Baumeister und Bildhauer der Paläste und Gräber Perser gewesen»

[2]) Геродот. IV, 88. По вопросу, насколько персепольские памятники сами свидетельствуют об участии греческих мастеров, мнения специалистов резко расходятся. Ср. напр. F. Justi, Geschichte der Orient, Völker im Altertum 405, («wie die ganze Terrasse den Eindruck hellenischer Kunstwerke in persischem Gewande erweckt») u. E. Herzfeld, Fr. Felsr, 145 («Weder die Prinzipien der Komposition, noch die Stoffe der Darstellungen, noch die Vortragsweise lassen auch nur einen Hauch griechischen Geistes verspüren».)

[3]) ЗВО, XXII, 258 и сл.

[4]) Ср. слова самого Геродота, IV, 44.

ное Александром в Египте, было принесено им в Иран,[1]) где продолжало жить и после уничтожения греческого господства и воцарения новых иранских династий, вплоть до победы ислама.

И в других отношениях возникшая после Александра иранская государственность существенно отличалась от государственности ахеменидов. Усилилось влияние северо-иранского и восточно-иранского элементов. Новая княжеская династия иранского происхождения возникла, еще при жизни Александра, в Мидии. Первое иранское государство, которое могло вступить в борьбу с греками, образовалось в III в. до Р. Хр. дальше к востоку, в Парфии, причем оно было основано не местными жителями, а пришельцами из соседних степей; основателя династии, Арсака, называли также бактрийцем. [2]) В эпоху арсакидов в состав населения Ирана вошли еще другие пришельцы из Средней Азии, саки, давшие название области Сеистан (собств. Сакистан) и оказавшие влияние на состав иранского народного эпоса; им принадлежит самый популярный эпизод этого эпоса, сказание о богатыре Рустеме.

Государство арсакидов имело более национальный характер, чем государство ахеменидов; на это указывает упомянутый уже факт, что в конце III в. до Р. Хр. под Ираном понимали только арсакидское государство, не распространяя этого названия на остававшиеся под властью греков области на западе и на северо-востоке Слова «Иран» на арсакидских монетах нет, и почти до конца I в. до Р. Хр. эти монеты чеканились исключительно с греческими надписями; несмотря, однако, на такое подчинение влиянию греческой культуры, государство арсакидов по своему патриархальному устройству более соответствовало иранским традициям, чем государство ахеменидов [3]) Влияние ахеменидских традиций не шло дальше принятия титулов «великий царь» или «царь царей», усвоенных также властителями греческого происхождения. После присоединения Мидии арсакиды подчинились влиянию мидийского зороастризма. В эту эпоху в северную Мидию,

---

[1]) Тураев, цит. соч., II, 262. ЗВО, XXIV, 265.

[2]) ЗВО, XXII, 266, пр. 1, куда надо присоединить еще ссылки на Страбона, § 515, и A. v. Gutschmid, Geschichte Irans und seiner Nachbarländer, 30.

[3]) A. Christensen, L'empire des Sassanides, 1907,7.

современный Азербайджан, были перенесены эпизоды жизни Зороастра; маги составляли особое отделение в государственном совете. К арсакидской эпохе относится первая известная нам, хотя и не дошедшая до нас, редакция Авесты; эта работа была произведена при царе Вологасе—имя, встречающееся среди имен арсакидских царей несколько раз; из европейских ученых некоторые относили это известие к Вологасу I (51-78), [1]) другие к Вологасу III (148-191 [2]).) В более ранних редакциях предание говорит только, что экземпляры Авесты исчезли при Александре; по одному рассказу один экземпляр был увезен греками и переведен на греческий язык. [3])

По мере успехов арсакидов в борьбе с преемниками Александра в Азии, селевкидами, столица арсакидской державы переносилась все дальше на запад, причем выбор места определялся исключительно условиями, сложившимися после Александра, почти без влияния ахеменидских традиций. Во второй половине I в. до Р. Хр. [4]) зимним местопребыванием арсакидов была деревня Ктесифон, напротив главного греческого города на Тигре, Селевкии. Первоначально Ктесифон был только военным лагерем, впоследствии вместе с Селевкией и некоторыми другими поселениями соединился в один обширный город.

После распадения государства Александра западный культурный мир (если можно так назвать Переднюю Азию вместе с Европой) уже не об'единялся в одну мировую монархию. Предшественники греков в притязании на мировое владычество, иранцы, не могли себе вернуть прежнее значение, но могли противоставить греческому и потом римскому великодержавию великодержавие азиатского народа. Такое положение, остававшееся потом неизменным до падения Византии, было создано арсакидами, оттеснившими селевкидов до Ефрата и, приблизительно, на той же линии остановившими успехи Рима. Уже при арсакидах определилось

---

[1]) Ср. ЗВО, XXII, 264 о мнении Маркварта, также предположение Гутшмида, цит. соч., 137.

[2]) Grundriss, II, 34 (K. F. Geldner) и 510 (F. Justi). В пользу этого последнего мнения очень решительно высказывается Эд. Мейер (Ursprung und Anfänge des Christentums, II, 74), но не говорит, почему.

[3]) Динкард (IX в.), последняя глава кн. 8; Grundriss, II, 33.

[4]) К этому времени относятся почти все известия Страбона, хотя он писал позже, в I в. по Р. Хр. О Ктесифоне § 743.

также характерное для всего средневековья преимущество восточной державы перед западной в господстве над путями мировой торговли. Это преимущество было вызвано установлением, после Александра, более оживленных, чем прежде, сношений с Индией и началом торговых сношений, во II в. до Р. Хр., между Передней Азией и Китаем.

В большей степени, чем арсакиды, воспользовалась этим преимуществом сменившая их династия сасанидов (III-VII вв.), вышедшая, подобно ахеменидской династии, из Фарса. Последние два века существования арсакидской династии были для Ирана временем политического распада [1]), (хотя и в этот период Риму не удалось прочно подчинить себе даже Месопотамию); персидским преданием такое представление было распространено на весь период арсакидского владычества. Сасанидам было приписано восстановление разрушенной Александром персидской государственности; с их воцарением связывали также установление господства религии Зороастра. В действительности падение арсакидов не было связано с таким переломом в жизни Ирана, как падение ахеменидов. Столица арсакидов, Ктесифон, построенная в области не-иранской по составу населения, оставалась столицей и при сасанидах. В памятниках сасанидов, пока они были только князьями Фарса, [2]) можно отметить некоторые следы влияния ахеменидских традиций; в сооружениях, воздвигнутых ими, хотя бы в пределах Фарса, в эпоху их великодержавия, нет никаких следов такого влияния. [3]) Вошедшие в обиход при арсакидах фигуры всадников занимают выдающееся место и среди памятников сасанидского искусства. В деле покровительства религии и духовенству, как и в деле собирания священных текстов, сасаниды были также продолжателями политики последних арсакидов. Главной государственной святыней оставался и при них храм в мидийском городе Ганзаке (разрушенный в 623 г.

[1]) До сих пор, если не ошибаюсь, не опровергнуто мнение Гутшмида (цит. соч. 164): «Aller Wahrscheinlichkeit nach hat von dem Jahre 58 an Komisene die östlichste Satrapie des Arsacidenreichs gebildet».

[2]) Об этих памятниках см. напр. Grundriss, II, 486 и сл. Несколько преувеличивается, повидимому, связь сасанидских памятников с ахеменидскими в «Iranische Felsreliefs» Herzfeld'a, особенно стр. 242 и сл.

[3]) К ним относятся слова Эд. Мейера (Geschichte des Alterthums, III, Th I, 122): «von einer Anlehnung der sassanidischen Kunst an die achaemenidische ist nirgends etwas zü spüren».

императором Ираклием); так называемый «средне-персидский язык», на котором толковались священные тексты и писались другие сочинения, преимущественно религиозные, продолжал называться и при исламе «пехлевийским», т. е. парфянским; в виду этого едва-ли может считаться доказанным мнение Андреаса о средне-персидском языке, как об одном из диалектов юго-западного Ирана. [1])

Сасанидская государственность, подобно арсакидской, была более иранской, чем ахеменидская; сасанидский царь называл себя «царем царей Ирана», впоследствии «царем царей Ирана и не-Ирана»; в последней формуле мы видим удачное соединение национальной идеи с идеей мировой империи. На востоке сасанидов и впоследствии считали такими же владыками вселенной, как в Европе-римских императоров, может быть, с большим правом. При военных столкновениях победа обыкновенно была на стороне сасанидов; влияние их государства, если не политическое, то экономическое, простиралось гораздо дальше; торговля с Индией и Китаем, сухопутная и морская, всецело была в их руках. Сасанидами был выработан могущественный государственный аппарат, может быть, самый стройный в истории передней Азии. [2]) Даже в эпохи величайших внутренних потрясений их государство могло вести победоносные войны. В истории сасанидов мы не видим, как в истории ахеменидов и в особенности арсакидов, картины постепенного развития и упадка; государство было основано как бы «одним ударом»; [3]) эпоха высшего блеска сасанидской державы, достигнутого, повидимому, посредством чрезмерного напряжения сил, непосредственно предшествовала катастрофе.

Последнее указывает на несколько искусственный характер величия сасанидского Ирана и, может быть, опровергает мнение, по которому сасанидская эпоха была во всех отношениях лучшей в истории Ирана, в том числе и в его культурной жизни. В действительности эта эпоха только подготовила будущее культурное первенство Ирана; в то время Иран по абсолютному уровню культуры, как материальной, так и духовной, еще стоял значительно ниже Византии. Мировая торговля находилась в руках пер-

[1]) GN 1911,2: «ein südwestiranischer Dialekt».

[2]) Мнение Т. Нельдеке (Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, aus Tabari, 1879, 453): «für den Orient fast das Muster eines wohlgeordneten Staats»

[3]) Выражение Nöldeke (LDMG, XXXIX, 347): «mit einem Schlage gegründet».

сов, но орудием ее была византийская золотая монета; Персия была страной серебряной валюты, тогда как при ахеменидах персидский царь чеканил золотую монету, греки только серебряную. Иран пользовался услугами пленных византийцев для строительных и ирригационных работ и для насаждения новых отраслей промышленности; в области умственной культуры выдающееся место принадлежало переводам с греческого и индийского, также трудам авторов семитского (арамейского) происхождения. Из владений персидского царя наибольшее экономическое значение имела семитская Вавилония, доставлявшая царю третью часть его доходов. Следующим фокусом культуры были восточно-иранские области, частью составлявшие окраину государства (Мерв), частью расположенные вне его пределов (Бактрия) [1]; во внутренних областях Ирана были только незначительные города. Религией освящался устарелый сословный строй; право на уважение признавалось только за тремя сословиями—духовенством, военной аристократией и земледельцами; четвертое сословие, сословие торговцев и промышленников, считалось неравноправным с прочими. Несоответствие между таким строем и требованиями жизни было одной из причин частых восстаний против государственной власти и частых случаев отпадения от государственной религии.

Сословному строю религия манихеев, представлявшая соединения зороастризма с буддизмом и христианством, противоставила идеал аскетизма, вышедшая из среды манихеев секта маздакитов—идеал коммунизма. В конце V и в начала VI в. на стороне коммунистов был царь Кавад, очевидно, надеясь с их помощью сломить силу духовенства и аристократии. После коммунистического кризиса [2]) сословный строй был восстановлен с тем существенным различием, что третьим правящим сословием, рядом с духовенством и военной аристократией, сделалось сословие светских чиновников; земледельцы слились в одно сословие с низшим классом городского населения. Такая перемена, очевидно, указывает на усиление городского сословия, но более значительное развитие городской жизни произошло только при исламе.

Более умеренные социальные элементы, чем манихейство и маздакитство, вероятно, привлекало на свою сторону христиан-

[1]) Изв. АИМК, II, 378.
[2]) О нем особенно Th. Nöldeke, цит. соч., 415—467.

ство. Организация в 410 г. особой, независимой от Рима христианской церкви в Персии была одним из самых важных событий в истории христианства; как уже было указано в очерке «Мусульманский мир», «идея христианства таким образом сделась более универсальной, чем идея римской империи». [1]) Археологические открытия в Средней Азии показали, что у христиан-персов в сасанидском государстве было богослужение на родном языке, из чего был сделан вывод.—что число христианских общин было значительнее, чем полагали до сих пор. [2]) Раньше указывалось на исключительный успех христианства в западных пограничных областях сасанидского государства, от устья Евфрата и Тигра до Армении и Кавказа. Ко времени мусульманского завоевания эти области, за исключением нескольких европейских колоний, сделались чисто-христианскими; зороастрицы как бы «были сметены с лица земли». [3]) При оценке этого факта необходимо, однако, помнить, что западная окраина сасанидского государства не была и прежде ни иранской по составу населения, ни зороастрийской по религии, хотя там и была столица персидского царя. Более важен факт, что христианской пропагандой было использовано господство сасанидской державы над торговыми путями на суше и на море; этим об'ясняется появление христианских общин в Индии, Средней Азии и Китае. И в этом случае остается невыясненным, насколько в этой пропаганде, рядом с арамейцами, принимали участие природные персы. Среди новообращенных во всяком случае были зороастрийцы, даже маги, несмотря на враждебное отношение к христианству сасанидских царей, иногда выступавших против христианства даже не во имя своей религии, а как защитники языческой культуры. Победа христианства в Византии и непринятие христианства сасанидами впервые придали соперничеству двух мировых держав или так называемых «запада» и «востока» характер религиозной борьбы, которого не было раньше и который сохранялся и после, когда в Иране господство зороастризма сменилось господством ислама.

---

[1]) В. Бартольд, Мусульманский мир, 11.

[2]) F. C. Andreas, SPAW 1910, 871.

[3]) Слова E. Sachau в Mitt. des Seminars für Orient. Sprachen, X (1907), Westas. Stud., 72: «wie von der Erde weggefegt».

Еще менее выяснен до сих пор вопрос о значении в жизни Ирана мусульманского периода и о значении мусульманского Ирана среди современных ему стран, азиатских и европейских. Специалисты по истории до-мусульманского Ирана обыкновенно видят в жизни Ирана при господстве ислама только картину постепенного упадка старой культуры. Justi распространил на Иран слова исследователя Сирии, графа M. de Vogüé об исламе, «под влиянием которого везде, как под влиянием стихийного бедствия, иссякают источники умственной и нравственной жизни, и человеческое общество выбрасывается из своей естественной колеи». По словам Justi, арабские властители предавали упадку свои владения, преследовали и истребляли жителей «со свойственным их расе религиозным фанатизмам». [1]) A. Christensen полагает, что вместе с сасанидской империей были сокрушены нравственные и политические силы иранского народа. Особенно гибельной была для Ирана, по мнению этого ученого, принесенная исламом демократизация. «Ревнителям Корана удалось то, чего не могли достигнуть маздакиты: знатные сословия постепенно терялись в других слоях, и характерные для них качества исчезали». [2])

Убеждение, что всемирно-историческая роль персов не окончилась ни с царством Дария, ни с царством сасанидов, определеннее всего, может быть, выражено во «Всемирной истории» Линднера. По его словам, персы, «постоянно снова поднимаясь после эпохи притеснения и спасая свою национальную сущность, переносили на своих победителей, греков, арабов, турок, монголов, значительную часть своего собственного духа и создавали для себя после разрушения новые культурные условия. Даже свою политическую самостоятельность они несколько раз возвращали себе после больших промежутков. Правда, это упорство, наконец, истощило свои силы, после того, как первоначальная народность изменилась почти до неузнаваемости. Все-таки, как ни слабы теперь основания на это рассчитывать, персам, может быть, суждено еще раз освободить свою первоначальную сущность от заслонивших ее примесей» [3]).

---

[1]) Grundriss, II, 549.
[2]) A. Christensen, L'empire des Sassanides, 110.
[3]) Th. Lindner: Weltgeschichte, I, 161.

Таким образом, благоприятный отзыв Линднера, как и противоположные ему отрицательные суждения, поставлен в зависимость от сохранения большей или меньшей чистоты национального типа. В этом отношении уже давно было отмечено существенное различие между греческим и арабским завоеванием; по замечанию Th. Nöldeke, влияние эллинизма на персов было только поверхностным, тогда как влияние арабской религии и арабских обычаев отразилось на всей жизни Ирана. [1]) Вопрос о последствиях культурного соединения двух «расовых» типов остается, однако, столь же спорным, как вопрос о последствиях антропологического смешения. Так, было высказано мнение о ново-персидском языке, как «символе того счастливого смешения индо-европейской и семитской сущности, которое совершилось на востоке в эпоху аббасидов». [2]) Тот же ученый говорит о «грациозной подвижности семитского духа», как о главном достоинстве не только арабской но и ново-персидской поэзии, которому нет ничего подобного в пехлевийской литературе. [3])

Достоинства ново-персидской поэзии—наиболее неоспоримый факт, опровергающий мнение о мусульманском периоде в истории Ирана, как о периоде безусловного упадка. Литературная форма памятников до-мусульманского Ирана «красноречиво говорит о рассудочности и прозаичности персидского народа»; [4]) персы мусульманской эпохи создали поэзию, имевшую влияние не только на поэзию других восточных народов, в особенности турок, но и на классических поэтов Европы. [5]) Что от до-мусульманского Ирана не осталось выдающихся литературных памятников, этого не могли отрицать ни персидские патриоты, старавшиеся доказать, что арабское завоевание принесло с собой только упадок культуры, ни европейские ученые; те и другие могли только утверждать, что такие памятники были, но были уничтожены варварством завоевателей. В действительности, по мере выяснения истории

---

[1]) Th. Nöldeke, Aufsätze zur persischen Geschichte, 1887, 134.

[2]) Tr. Veit в Studien zur vergleich. Literaturgeschichte, herausg. v. Prof. Dr. M. Koch, VII, 393.

[3]) Ibid. 394.

[4]) Тураев, цит. соч., II, 212.

[5]) Достаточно назвать «West-östlicher Divan» Гете (1814—19). О влиянии Индии и Персии на немецкую литературу имеется труд A. F. J. Remy, The influence of India and Persia on the poetry of Germany, New York. 1901.

первых веков ислама, часто повторявшаяся легенда о сознательном уничтожении арабами памятников до-мусульманской литературы все более опровергается. [1])

Сказанное о поэзии может быть распространено и на другие отрасли духовной культуры. В прозаической литературе арабский язык господствовал дольше, чем в поэзии; но после монгольского нашествия употребление арабского языка, напр. в исторической литературе, прекратилось совершенно; [2]) Иран в мусульманский период впервые получил достоверную историографию, тогда как даже сасанидское государство вместо оффициальной истории довольствовалось оффициальным эпосом. Значительных успехов достигли также точные науки—математика, астрономия и другие; научные труды сначала писались преимущественно на арабском языке, потом и на персидском; в XIV в. персидские астрономические сочинения переводились в Византии на греческий язык. [3])

Тоже самое относится к искусству, особенно к архитектуре. За последние годы уже была сделана попытка, едва ли вполне удачная, установить тесную связь, по месту и времени, между возникновением ново-персидского языка и литературы с одной стороны, и возникновением мусульманско-иранского искусства с другой. [4]) Более убедительны слова того-же ученого [5]) о мертвых формах и «четырехсотлетнем застое» сасанидского периода по сравнению с быстрым прогрессом форм мусульманской архитектуры от начала XI в. до эпохи ее высшего расцвета в XV в. Если, как полагают некоторые исследователи, [6]) прогресс персидской архитектуры закончился XV в., то это, приблизительно, совпадало бы с началом застоя в области литературы; другие склонны признавать некоторое самостоятельное значение за эпохой сефевидов, т. е. за постройками XVII в.

Труднее всего выяснить вопрос о материальной культуре. Мусульманскими авторами приводятся цифры доходов, поступавших от отдельных областей Ирана при сасанидах и при различ-

---

[1]) Напр. ZA, XXVI, 264.
[2]) C. Brockelmann, Geschichte der Arab. Litt. II, 192.
[3]) K. Krumbacher, Gesch. der Bysant. Litt.[2] 622 и сл.
[4]) E. Herzfeld в Der Islam, XI (1921), 107—174 и мои возражения в Изв. АИМК. II, 371 и сл.
[5]) Der Islam, XI, 156.
[6]) Напр. E. Diez, Churasanische Baudenkmäler (1918).

ных мусульманских правительствах; [1]) из этих цифр можно было бы заключить, что при исламе благосостояние страны, за исключением, может быть, кратковременных промежутков, неуклонно падало; тот же самый вывод был сделан, на основании такого же цифрового материала, относительно других стран, напр., Египта [2]) Если, однако, возможно процветание материальной культуры без духовной, то труднее допустить возможность прогресса духовной культуры при упадке материальной. Кроме того до нас дошел ряд известий о возникновении в мусульманском Иране больших городов и об установлении нового типа городских поселений, с базарной площадью по середине; [3]) при ахеменидах такая площадь считалась особенностью греческого города, совершенно неизвестной персам. [4]) Факт, что арабское завоевание в Азии, в противоположность германскому и славянскому в Европе, способствовало увеличению числа городов, нашел себе признание и в литературе по всемирной истории. [5]) но это явление считалось характерным только для арабского владычества и не распространялось на периоды господства турок и в особенности монголов. Было высказано мнение, что из опустошенных монголами городов многие или совсем не были восстановлены, или сделались жалкими селениями; во всех городах число населения, богатство и торгово-промышленное значение не могли бы выдержать никакого сравнения с прежним величием. [6]) В действительности последствия монгольских опустошений, как всякого другого военного разгрома, были далеко не столь продолжительны [7]) и не помешали возникновению нескольких новых крупных городов.

---

[1]) Напр В Бартольд, Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче, 1911, 20 и сл. Характерен приведенный там факт, что персидский автор XIV в., чтобы доказать, что „и сельджукская эпоха была временем упадка по сравнению с эпохой сасанидов", при исчислении доходов персидского царя заменяет серебряные монеты золотыми, без перемены цифр.

[2]) Enz. des Islam, II, 12 (unaufhaltsemer Rückgang) и 42 (mehr als 1000 jähriger Niedergang).

[3]) ZA, XXVI, 254 и сл.

[4]) Геродот, I, 153.

[5]) Th. Lindner, Weltgeschichte, I, 223.

[6]) Ibid., II, 98

[7]) На это теперь (1922) указывает E. Herzfeld, Oriental Studies presented to E G Browne, 198.

При оценке причин прогресса Ирана в мусульманский период необходимо воздерживаться от привлечения таких невесомых факторов, как влияние религии и расового скрещения. Наиболее простой ясной причиной прогресса является «простор, завоеванный мусульманами», и созданная этим завованием «культурно-историческая почва широкого мирового общения». [1]) Впервые после Александра в состав одного политического целого с остальной частью Ирана вошли северо-восточные области бывшего государства ахеменидов: страна согдийцев была названа «верхним Ираном»; [2]) между нею и западной Персией установилось более тесное культурное общение, чем когда-либо раньше. На западе торговля Сирии и Египта была направлена на восток, персидские купцы воспользовались этим для образования торговых колоний на берегах Средиземного и Красного морей. [3]) хотя эти переселенцы скоро утратили свою национальность и язык. Культурное единство мусульманского мира не только не пострадало от начавшегося в IX в. политического распадения, но сделалось даже более тесным. В самом Иране были уничтожены такие препятствия, стеснявшие простор развития, как господство устарелой религии и освящавшегося ею сословного строя.

Понимание этих процессов европейскими учеными затрудняется тем, что они совершались в совершенно иной обстановке, чем события истории Европы. Европейскому историку, даже ориенталисту, [4]) трудно представить себе успехи культуры, в особенности материальной, без соответствующих успехов государственности; между тем иранская государственность мусульманского периода не представляет ничего подобного таким величественным явлениям, какими были империи ахеменидская и сасанидская. Арабы во многом подражали до-мусульманскому Ирану и пользовались услугами чиновников иранского происхождения. Известны слова, приписанные халифу Сулейману (715—717): «удивляюсь я этим персам; они царствовали тысячу лет, и ни одного часа не нуждались в нас; мы царствовали сто лет, и ни одного часа не

[1]) ЗВО. XVIII, прил. 14 (слова Н. Я. Марра).
[2]) Fihrist, 18,2
[3]) О Триполи (в Сирии) BGA, VII, 327; об Адене и Джидде BGA III, 96.
[4]) Ср. пример Кремера, Мусульманский мир, 76.

могли обойтись без них». [1]) В другом месте персидскому вельможе приписываются слова, обращенные к арабскому наместнику Хорасана: «мы, персы, извлекали доход из земного мира 400 лет [2]) посредством умеренности, ума и достойного поведения: не было у нас ни красноречивого священного писания, ни (богом) посланного пророка». [3]) Государственное устройство халифата не было, конечно, воспроизведением сасанидского государственного строя, но дальнейшим его развитием. Когда началось распадение халифата, появились династии иранского происхождения; но только основателю одной династии, зияридов, [4]) в X в. приписывается намерение взять Багдад, восстановить, как столицу, Ктесифон [5]) и об'явить себя там «царем царей« (шаханшах) Более продолжительно было в том же столетии могущество другой династии, буидов. [6]) Самый могущественный представитель этой династии, Адуд-ад-дауля Фанахусрау (949—983), называл себя на своих монетах, как и некоторые другие правители из буидов, шаханшахом; он был едва ли не единственным мусульманским государем иранского происхождения, мечтавшим о всемирном владычестве; как Александру и впоследствии Тимуру, [7]) ему было приписано изречение: «все пространство земли слишком тесно для двух царей». [8]) Уже в XI в. Иран был завоеван с востока турецкой династией сельджукидов; с тех пор он почти всегда находился под властью династий турецкого или монгольского происхождения; династии иранского происхождения управляли только в отдельных областях; едва ли не самой могущественной из этих династий были музаффариды в Фарсе и Кермане в XVI веке. [9]) Из отдельных владетелей иранцев едва ли не самым сильным был Керим-хан (1751—1779), происходивший из курдского племени зендийцев и владевший всем Ираном кроме Хорасана.

---

[1]) Recueil de textes relatifs à l' histoire des Seldjoucides, II, 57; перевод, ibid., préface, VII.

[2]) Имеется в виду период господства сасанидов.

[3]) Tabari, II, 1636.

[4]) Ст. Лэн-Пуль, Мусульм. дин , 117.

[5]) The Eclipse of the Abbasid Caliphate, I, 317 (текст) IV, 358 (перевод), Ibn—el—Athir, VIII, 225.

[6]) Ст. Лэн-Пуль, 115 и сл.

[7]) О Тимуре В. Бартольд, Улугбек и его время, 33 и сл.

[8]) Eclipse etc. III, 39 (текст); VI, 36 (перевод).

[9]) Ст. Лэн-Пуль, 209.

Династии турецкого и монгольского происхождения, до современной Каджарской династии включительно, часто опирались на военную силу из своих соплеменников, но в гражданском управлении преимущественно пользовались услугами персов; многие из них оказывали покровительство персидской литературе и науке. Некоторые из этих династий, как сельджукиды в XII в., стояли во главе обширных империй, в которых Иран составлял только часть; но и в этих случаях трудно было бы установить связь, обычную в истории Европы, между могуществом государей и обширностью торговых оборотов их подданных. По замечанию историка Абу-Шуджа, жившего в лучшую эпоху династии сельджукидов, торговцы писали ассигновки на большие суммы и эти ассигновки могли быть реализованы быстрее, чем ассигновки на поступления из тех или иных государственных доходов. [1]) Из этих слов можно заключить, что для международной торговли существовал аппарат, созданный самими торговцами и не находившийся в зависимости от политических перемен. Во всяком случае мусульманские купцы проникали в страны, находившиеся совершенно вне сферы влияния мусульманских правительств. Торговля, повидимому, была главным образом меновая. Политические неустройства не могли не отражаться на порче монеты; от мусульманского завоевания до XI в. можно проследить постоянное ухудшение серебряных денег, вследствие чего в начале XI в. прекратился приток мусульманских серебряных монет (дирхемов) в восточную Европу; этот серебряный кризис постепенно распространялся с востока на запад и прекратился на западе гораздо раньше, чем на востоке. [2]) Значительно тщательнее чеканились золотые монеты-динары. В X в. в бывших византийских владениях еще оставалась золотая монетная система, в бывших сасанидских—серебряная; в начале XI в. Иран, вероятно, под влиянием серебряного кризиса, перешел к золотой монетной системе. Мусульманский динар, повидимому, унаследовал международное значение византийского золотого; высказывалось мнение, что „безант" Марко Поло есть на самом деле динар [3]) Но в монгольскую эпоху чеканка золотой мо-

[1]) Eclipse etc., III, 138 и сл. (текст); VI, 143 (перевод).
[2]) В. Бартольд, Культура мусульманства, 80.
[3]) Путешествие Марко Поло, перевод И. П. Минаева, стр. 75; ср. Yule, The book of Ser Marko Polo², II, 592.

неты снова прекратилась и возобновилась только в XVIII в. Снова установилась серебряная валюта; в XIV в. во всех трех монгольских государствах, в Иране, в восточной Европе и в Туркестане, постепенно установилась одна и та же монетная система, и самое слово „динар" сделалось названием крупной серебряной монеты, весом сначала в три, потом в два золотника. [1]) Насколько такое единство монетной системы способствовало развитию торговых сношений, еще не выяснено; вообще экономическая история мусульманского мира и в частности Ирана еще почти совсем не разработана. Что и в области денежных отношений Европа находилась под влиянием не только вообще мусульманского, но и иранского мира, об этом свидетельствует, напр., факт заимствования европейскими языками персидского слова чек.[2])

В мусульманскую эпоху Иран только один раз, при монгольском нашествии, был завоеван не-мусульманским народом; через 30 лет после смерти основателя монгольского государства в Персии завоеватели окончательно приняли ислам. В настоящее время Персия занимает особое место в мусульманском мире тем, что только в ней государственной религией является шиитство—учение, по которому законными преемниками пророка, в качестве руководителей мусульманской общины, являются только потомки его дочери Фатимы и ее мужа Алия.[3]) Европейскими исследователями эта связь шиитства и иранства часто переносилась в прошлое; утверждали, что шиитство с самого начала было персидской формой ислама.[4]) Такое мнение не вполне соответствует ни истории, ни даже современным условиям. Даже в настоящее время арабы в Месопотамии являются еще более фанатичными шиитами, чем персы;[5]) в средние века мы видим даже пример соединения в одной и той же династии, маз'ядидов (XI—XII вв.),[6]) шиитства с арабским нацио-

---

[1]) В. Бартольд, Персидск. надпись на стене анийской мечети, 18 и след.

[2]) В. Бартольд, Мусульманск. мир, 25.

[3]) Напр. В. Бартольд, Ислам, 45.

[4]) Напр., Gobineau, Les religions et les philosophies dans l' Asie Centrale, 57 и сл.

[5]) Напр. Th. Lyell, The Ins and Outs of Mesopotamia, 1923, 39 и сл.

[6]) Ст. Лэн-Пуль, 97.

нализмом. [1]) Тем не менее сближение шиитства с иранством произошло уже в первые века ислама; уже в IX в. существовала известная легенда о женитьбе Хусейна, сына Алия и Фатимы, на дочери последнего сасанидского царя. [2]) Помимо этой династической идеи, шиитство издавна было в нескольких местностях Персии религией народных масс; под знаменем шиитства произошло большое число народных движений; но только в начале XVI в. шиитство окончательно, за исключением кратковременного перерыва в XVIII в., сделалось государственной религией Персии.

Из других религиозных явлений также не был создан Ираном, но получил в нем наибольшее развитие, мистицизм или суфизм. [3]) По отзыву одного из современных исследователей, [4]) в виде общего правила можно установить, что в Персии вся лирическая поэзия проникнута мистицизмом, вся эпическая—национализмом и вся драматическая—(шиитским) религиозным чувством. Связь между шиитством и суфизмом установилась впоследствии и проявилась особенно в XVI в., при возникновении в Персии шиитской державы; [5]) первоначально такой связи не было, и главные поэты—суфии были суннитами [6]). Только на почве суфизма может быть понятно новейшее персидское религиозное движение, известное под названиями бабизма и бехаизма [7])

Возникновение в Персии в начале XVI в. великой державы не было только местным явлением; приблизительно, в то же время возникли другие мусульманские великие державы; сильная и прочная государственность вообще является существенным отличием новейшей истории мусульманского мира от средневековой. Отметивший это различие современный ученый [8]) указал только на одну возможную причину такого явления—на распространение в мусульманских странах, под влиянием Европы, огнестрельного

---

[1]) О титуле „царь арабов", напр. Recueil etc. Sedjoucides, II, 102.$_{10}$, 122 2; о национальном характере битвы 1123 г. St. Lane—Poole, Saladin, 37. О шиитстве G. Weil, Geschichte der Chalifen, III, 242, по Ибн-ал-Асиру, X, 439. О шиитском фанатизме в Хилле, бывшей столице маз'ядидов, В. Бартольд, Ист.-географич. обзор Ирана, 133.

[2]) Jaqubi, Hist., II, 293 и 363.

[3]) О нем, напр., В. Бартольд, Ислам, 55 и сл.

[4]) F Rosen в ZDMG, 76 (1922), 105.

[5]) В Бартольд, в „Мире Ислама", I, 369.

[6]) На это обратил внимание E G Browne, Lit. hist. of Persia, I, 437.

[7]) Мир Ислама, I, 423 и сл.

[8]) E Zachau в SPAW, 1922, 270 и 274.

оружия. Ни в этом отношении, ни в других мусульманский мир не мог остаться на уровне прогресса европейской техники, не говоря уже о прогрессе культуры вообще. Политическое возрождение ислама не предотвратило культурного застоя и регресса. Великодержавная и шиитская Персия не внесла почти никаких новых ценностей ни в мусульманскую, ни в общечеловеческую культуру, тогда как в том и другом отношении, по мере успехов науки, все выше ставятся заслуги средневекового Ирана, несмотря на его политическое бессилие и религиозные междуусобия. Все выше ценится участие людей персидского происхождения в создании научной литературы на арабском языке [1]) и влияние „багдадско-персидской" [2]) культуры на культуру западного, африканского ислама. Когда создалась персидская национальная литература, ею воспользовались далеко не одни персы; если арабский язык имел для мусульманского мира такое значение, как латинский в Европе, то значение персидского языка можно сравнить со значением французского [3]) или, по мнению одного из новейших исследователей, [4]) французского и итальянского вместе взятых. В Египте эпохи мамлюков, когда эта страна не находилась ни в какой политической зависимости от Персии, в государственном управлении арабские термины постепенно заменялись персидскими, [5]) в ту же эпоху, как и раньше, отмечается влияние персидского искусства на египетское. [6]) Персия дольше других областей ислама производила на европейцев впечатление высоко культурной страны, которая до некоторой степени могла выдержать сравнение с Европой. [7]) Мнение современной науки выражено в словах К. Беккера. [8]) что мусульманский Восток лучшими элементами своей культуры обязан грекам и персам. То, что более всего отличает мусульманскую образованность от греческой и сближает ее с современной европейской—уделение большего внимания, чем прежде, точным наукам сравнительно с гуманитарными [9]),—может быть об'яснено только влиянием Индии и Ирана.

---

[1]) Ср. Мир Ислама, I, 240.
[2]) Выражение C. H. Becker'a (ZA, XIX, 428).
[3]) В. Бартольд, Мусульманский мир, 48
[4]) F. Veit, в Stud. zur vergl. Literaturgeschichte, VII, 391.
[5]) C. H. Becker в EJ, II, 16.
[6]) M. van Berchem в Mélanges H. Derenbourg, (1909), 378.
[7]) Мир Ислама, I, 9; В. Бартольд, Культ. мусульм., 104.
[8]) Der Islam, III, 294.
[9]) В. Бартольд, Мусульманский мир, 22.

II.

География и этнография Ирана.

В состав „Grundriss der Iranischen Philologie“ [1]) вошел небольшой очерк географии Ирана, заключающий в себе 1) библиографию; 2) очерк физической географии; 3) очерк политической и экономической географии; в последнем отдельно рассматриваются современный Иран и античный Иран. Совершенно остается в стороне средневековый Иран, хотя источники дают о нем гораздо более подробные сведения, чем об античном. Изучение средневековой географии Ирана по источникам возможно и теперь только для ориенталистов, притом не столько для иранистов, сколько для арабистов, так как мусульманские географические сочинения, даже когда они писались персами, писались преимущественно на арабском языке. Но число пособий по этой отрасли знаний уже теперь довольно значительно. В библиографии „Grundriss'a“ упомянуты только две первых по времени работы, посвященные исторической топографии Персии, именно две работы В. Томашека, 1883 и 1885 гг. [2]) В основу первой работы [3]) положен античный источник—римская карта II в. по Р. Хр., сохранившаяся в копии XII в.; [4]) но и в этой работе гораздо больше места отводится сведениям арабских географов. Вторая статья [5]) рассматривает известия арабских географов о путях через центральную пустыню Ирана, отделяющую западные культурные области от восточных, и сопоставляет эти сведения с маршрутами новейших путешественников.

Уже эта, едва ли не первая, попытка сопоставить средневековые описания Ирана с современными привела исследователя к убеждению, что существенных перемен в физико-географических условиях со времени арабских географов не произошло и что, следовательно, для явлений жизни земной поверхности, в том чис-

---

[1]) Grundriss, II, 371 395 Об этом издании см. выше стр. 7.

[2]) Обе работы под общим заглавием „Zur historischen Topographie von Persien“ были напечатаны в „Sitzungsberichte“ венской академии наук SBW, т.т 102 и 108.

[3]) Die Strassenzüge der Tabula Peutingeriana.

[4]) A. Schäfer, Abriss der Quellenkunde der griechischen und römischen Geschichte², II, 178.

[5]) Die Wege durch die persische Wüste.

ле и для процесса высыхания, тысячелетие представляет ничтожный промежуток времени. Вследствие скудости и меньшей достоверности известий античных писателей распространение этого вывода на более ранние эпохи встречает некоторые затруднения. Более всего говорят в пользу такого предположения слова Полибия (X. 28, 3) о существовавшем в Персии еще при ахеменидах сети подземных каналов, проведенных на нашли из таких далеких мест, что сами жители точно не знали, где находится источник каждого канала. [1]) Эти каналы составляют и теперь характерную особенность Персии, где их называют „кяризами". Путешественниками описывается обычный для Персии вид, особенно около больших городов: ряд конических куч с колодцами по середине, тянущийся от гор к равнине, [2]) колодцы соединены между собой подземными галереями. Устройство таких каналов вызывается скудостью запасов влаги и необходимостью уменьшить площадь испарения. Существование еще при ахеменидах такой системы, крайне сложной и требующей огромного количества труда, [3]) показывает, что количество воды в Персии и тогда было столь же незначительно, как теперь, когда, по замечанию путешественника Ферье, [4]) на всем пространстве от Керманшахана, главного города персидского Курдистана, до пограничной на востоке реки Герируд приходится переправляться только через ручьи.

В такой стране, как Персия, где земледельческая культура, по крайней мере в равнине, возможна только при условии искусственного орошения, жизнь в равнине находится в тесной зависимости от запасов влаги в горах. Отсюда условия для расширения площади орошения благоприятнее всего в местностях, прилегающих к снеговым вершинам; таковы условия в местности к югу от цепи Эльбурс и вулкана Демавенд (5670 метров), где в настоящее время находится столица Персии, Тегеран, и где всегда был один из самых значительных городов (Рага в древности, Рей и потом Верамин в средние века). Большею частью ручьи разбираются на орошение почти тотчас после выхода из гор; оттого внутренняя

[1]) Л. Берг, в „Землеведении", 1911 г., 80; В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, 7.

[2]) A. H. S. Landore, Across coveted lands, 1902, I, 75.

[3]) Е. Е. Скорняков, в „Азиатской России", I, 240.

[4]) I. P. Ferrier, Voyages et aventures en Perse etc., 1870 (путешест. 1845 6 г.г.), I, 269.

часть иранского плоскогорья, наиболее отдаленная от гор, представляет безжизненную пустыню. Так как горы, прорезывающие западную часть иранского плоскогорья, тянутся с северо-запада на юго-восток, пустыня постепенно суживается по направлению с севера на юг.

В настоящее время такие пустынные пространства называются в Персии кевирами; об этимологии этого слова высказывались различные мнения.[1]) В античной географии только в кратких словах упоминается большая пустыня под названием „германской“ [2]) по имени области, прилегающей к ней с юго-запада; из европейских авторов первый дает подробное описание пустыни Марко Поло. [3]) Арабскими географами та же пустыня подробно описывается под названием „хорасанской“ по имени области, прилегающей к ней с северо-востока; арабские сведения о прорезывающих пустыню дорогах дают точное представление о ее пространстве и о ее значении в географии Ирана. На существовании такой пустыни основано деление Ирана на восточные и западные области, причем историко-культурное различие между ними определяется „двумя фактами, одинаково несомненными, хотя с первого взгляда они могут показаться трудно совместимыми: культурной отсталостью восточного Ирана сравнительно с западным, географически более близким к исконому очагу культуры—Месопотамии, и развитием в восточном Иране, под влиянием общения с Индией и Дальним Востоком, самостоятельной от Передней Азии культуры, оказывавшей потом влияние на передне-азиатские области“. [4])

В древности, особенно до Александра, когда сношений с дальним Востоком еще не было, а сношения с Индией были гораздо слабее, чем впоследствии, преимущественно сказывалась культурная отсталость востока, [5]) тем более обращающая на себя внимание, что физико географические условия в восточных областях в общем более благоприятны для развития культуры, чем в западных. Уже горы северо-западного Афганистана, извест-

[1]) В. Бартольд, Ист.-географ. обзор Ирана, 93.
[2]) A. Forbiger, Handbuch der alten Geographie ², II, 533 и 550. Выражение eremos tes Karmanias, напр., у Страбона, 724.
[3]) Перевод И. П. Минаева, 55.
[4]) В. Бартольд в Изв. АИМК, II, 361.
[5]) Ср особенно слова Страбона, 517, приведены у Бартольда. Истор.-географ. обзор Ирана, 4.

ные у греков под общим названием «Паропамис», в некоторых местах доходят до линии вечного снега; еще большей высоты достигает, дальше к востоку, Гиндукуш, составляющий водораздел между бассейнами Аму-дарьи и Инда. Вследствие этого современный Авганистан орошается более многоводными реками, чем Персия. Большая примитивность жизни сказывалась, может быть, также и в том, что здесь часто одно и то же название носили: река, область, главный город и население. Такие слова, как Baktros (река), Baktria или Baktriane (область), Baktra (город), Baktros, Baktrioi или Baktrianoi (народ) отличаются одно от другого, вероятно, только греческими окончаниями. В настоящее время к современному названию города Балх, для обозначения реки присоединяют слово *аб* «вода» (Балхаб); в живой речи это прибавление, повидимому, делалось не всегда, так как иногда утрачивалось. Древнее название Аму-дарьи-Вахш-сохранилось теперь в названии одного из ее главных притоков; в средние века Вахшем называлась область по нижнему течению Вахша (ныне Курган-тюбинская равнина); самая река называлась Вахшаб. Представление о бактрийцах, как этнографической единице, утратилось задолго до ислама. Средневековым географам было известно слово «Тохаристан» (с тех пор вышедшее из употребления), образованное от названия народа тохаров, т. е. упоминаемых греческими писателями завоевателей Бактрии. Под Тохаристаном в тесном смысле понимали область к востоку от Балха и к югу от Аму-дарьи, в обширном смысле-области верхних притоков Аму-дарьи по обе стороны от главного русла; у одного арабского историка[1]) о Балхе говорится как о «городе тохара», т. е. очевидно, тохаров; тем не менее представители арабской географической науки уже не имели понятия ни о тохарах, как народе, ни о первоначальном этнографическом значении термина «Тохаристан».

То же самое относится к большей части других географических терминов; в мусульманский период мы почти нигде не находим воспоминания о том, что название реки или местности имело прежде также этнографическое значение. Река Герируд (русс. *г* передает звук h; *руд* значит «река») есть древний Арий: то же самое слово Hari иногда употребляется для обозначения города Герата (Harat, от того же корня); в древности также назывался народ-

[1]) Beladsori, 408 (наверху).

ность» «арии» (Haraiva). Древняя Гиркания (Vehrkana) носила и в средине века название Гурган (по арабской транскрипции Джурджан); также назывался главный город; теперь это название сохранилось только в названии реки Гюрген (по туркменскому произношению). Слово «парфяне» (partava) имело только этнографическое значение; ни реки, ни города с этим названием не было. Мусульманам было известно слово «пехлевийский», как название средне-персидского литературного языка; упоминается и название Fahla или Fahlan (посредством *ф* арабами передается звук *п*), как географический термин, но этот термин относится исключительно к древней Мидии, а не к Парфии: [1]) арабам, таким образом, было известно только северное, но не восточное происхождение термина «пехлевийский». Как географический термин для обозначения древней Парфии употребляется слово «Хорасан»-единственный сохранившийся теперь остаток деления сасанидского государства по странам света на Апахтар (север), Нимруз (юг), Хорбаран (запад) и Хорасан (восток). Западная граница Хорасана подвергалась большим колебаниям, чем граница между Парфией и Мидией. Естественной границы здесь нет, так как дорога из Хорсана на запад проходит к северу от пустыни, вдоль южного склона гор; горный проход, называвшийся в древности «Каспийскими воротами» и считавшийся одним из важных стратегических пунктов, в средневековой военной истории не имел большого значения и редко упоминается. Пределы Хорасана на северо-востоке простирались гораздо дальше, чем теперь, и совпадали в до-мусульманский период с пределами сасанидской державы, при омейядах и аббасидах—с пределами халифата. В последнем случае от Хорасана в собственном смысле иногда отличали «Заречье» (по арабски Мавераннахр), т. е. области за Аму-дарьей.

«Югом» (Нимруз) иногда называли в мусульманский период древнюю Дрангиану, область низовьев Хильменда (в Авесте Haetumant, в средние века Хиндменд, Хидменд и Хирменд). [2]) самой многоводной реки между бассейнами Тигра и Инда, вытекающей из снеговых гор. Несмотря на обилие воды, Хильменд в своей дельте почти всецело разбирается на орошение и вместе с другими реками образует только небольшие водоемы, часто совершен-

[1]) Особенно Fihrist, 13,л. Ср. неубедительные доводы J. Marquart'a на основании других текстов в ZDMG, 49, 630.

[2]) Об этих названиях J. Marquart в Philologus, LV, 235.

но пересыхающие Название «Дрангиана» этнографического происхождения, население называется у греков дрангами или сарангами (в надписях Дария zaranka). в мусульманский период остатком этого названия было название главного города-Зерендж, к востоку от главного русла Хильменда; [1]) об этнографическом происхождении этого названия сведений, конечно, не было. Незадолго до Р. Хр. Дрангиана была завоевана кочевниками-саками и получила от них название Сакистан, ныне Сеистан (в средние века Седжистан); происхождение этого названия также было забыто уже в средние века. В древности между Дрангианой и Индией помещали Арахосию (в Авесте Harachvat, в надписях Дария Harauwatisch); у мусульман область Арруххадж или Аррухад упоминается только как часть Сеистана, в состав которого, как в древности в состав Арахосии, включали на востоке области до Инда, на юге северную часть современного Белуджистана В Арахосии жила тоже особая народность (у греков арахоты, название главной реки-Арахот, вероятно, современный Аргандаб, главный приток Хильменда).

Дрангиана и Арахосия граничили с Арией (естественной границы не было, как и в мусульманское время северная граница Сеистана определялась различно): но между ними и Бактрией помещали горную область Паропамис, население которой называлось паропамисиями или паропамисадами; эта область простиралась также до Инда. Мусульманские авторы говорят о горной области Гур, откуда вытекали Герируд и Хильменд; население этой области составляло особую этнографическую единицу и вследствие недоступности своей страны позже своих соседей подчинилось исламу. В XII в. из Гура вышла сильная мусульманская династия, завоевавшая соседние области и построившая в своих родных горах блестящую столицу Фирузкух (ныне, как полагают, развалины Тайвара на верхнем Хильменде). К северу от Гура, на верхнем Мургабе, находилась область Гарч или Гарчистан (от местных иранских слов *гар* «гора» и *гарча* «горец», отсюда современное гальча, как в Туркестане жители равнины называют горцев верховьев Заряфшана, припамирских областей и друг).

К востоку от бассейна Хильменда находится последний из внутренних бассейнов Ирана, бассейн озера Аб-и-Истадэ (букв.

[1]) О развалинах Зереджа (ныне Бина-и-Кай) Tate, Seistan, 1910, 199 и сл.

«стоячая вода»), на впадающей в это озеро речке Газне находится город того же имени, также бывший некоторое время, в XI и XII в., столицей могущественной династии, завоевавшей часть Индии. Соответствующая местность носит в персидских источниках название Забулистан, повидимому, по имени какой то впоследствии исчезнувшей народности; в арабской географической литературе это название не встречается. На востоке и на севере местность Газны примыкает к бассейну Инда, именно к горным областям западных притоков этой реки, родине афганского народа, впервые упоминаемого под этим названием в XI в. и приобревшего политическое значение только в XVIII в.

Сами афганцы никогда не называли себя этим именем, происхождение которого неизвестно; народное название афганцев-*паштун* или *пахтун*, во множественном числе *паштана* или *пахтана*. Их сближали с пактиями Геродота; против этого было сделано возражение, [1]) что в современном языке форма с *ш* древнее формы с *х*. Чередованием ш и х теперь определяется различие между диалектами южным (с *ш*) и северным (с *х* в долине Кабул-дарьи). Слово «Афганистан», как название страны афганцев, впервые встречается в XIV в. и по мере завоеваний афганцев постепенно получило то значение, которое имеет теперь. В средние века в пределах современного Афганистана иногда были столицы самостоятельных династий (Газна, Фирузкух, Герат); с XVI в. эти области были поделены между державами сефевидов Ирана, великих моголов Индии и узбеков Туркестана; еще историк Надир-шаха (1736-1747) проводит границу «царств иранского и индийского» между Кандагаром и Газной, в месте Мукур. [2]) Таким образом, афганское государство создано только событиями новейшей истории.

В противоположность термину «Афганистан», только географическое и этнографическое, а не политическое значение имеет также появляющийся только в новейшей истории термин «Белуджистан», собств. «Белучистан». Белуджи или белучи-южно-иранская народность, постепенно передвигавшаяся в средние века и в новое время с запада на восток. Географы X в. знают белуджей главным образом в западной части Кермана, между Керманом и Фар-

[1]) M. Longworth Dames в EI, 1, 158.

[2]) История Мехди-хана, тебр. изд., 115.

сом, где они жили в горах и постоянно упоминаются вместе с другим горным народом, куфичами (у арабов *куфс*), хотя есть также известие о белуджах на северо-западной границе современного Белуджистана. [1]) Впоследствии белуджи переселились на восток в большем числе и наложили на всю область свое название, хотя и теперь здесь рядом с белуджами живет народность дравидского происхождения, брахуи (к дравидскому племени принадлежит и туземное, до-арийское население Индии). Брахуи в X в. жили в северо-западной части Белуджистана, около города Кандабиля (ныне Гандава); в настоящее время они занимают всю среднюю часть с главным городом Келатом и составляют клин между двумя главными ветвями белуджей, северо-восточной и юго-западной. Владея главным городом, брахуи до утверждения в Белуджистане английского влияния были в этой области господствующим народом; теперь они из всего населения Белуджистана проявляют меньше всего привязанности к своей народности и языку, и окончательное исчезновение языка брахуев считается вопросом близкого будущего. [2]) В древности область к югу от Дрангианы и Арахосии до моря называлась Гедросией, в средние века—Мекраном: повидимому, первое название было дано по имени иранской, второе—по имени дравидской народности. [3])

Климатические условия всегда были, приблизительно, такие же, как теперь. Несмотря на свое приморское положение, Мекран почти не подвергается действию морских ветров и отличается сухостью климата; почти нет речек, в которых вода текла бы круглый год. Население всегда состояло из элементов иранских, дравидских и индийских; в новое время Мекран составлял в политическом отношении часть Индии до 1621 г., когда был завоеван персами. В новейшее время граница между Персией и Белуджистаном была проведена англичанами сначала комиссией Гольдсмида (1872—3), окончательно комиссией Хольдича (1895—96). Географически, однако, местность между южными границами Сеистана и морем едва ли и теперь может считаться достаточно исследо-

[1]) Именно у Ибн-Хордадбеха, BGA. VI, texte 55,6, trad. 37.

[2]) E. Hultzsch в ZDMG, 65 (1911), 149.

[3]) В. Бартольд, Истор.-географ. обзор Ирана, 99 и сл.

ванной.[1]) В средние века упоминается в Мекране только одна гавань, Тиз; развалины крепости Тиз сохранились и теперь рядом с гаванью Чахбар, уже в пределах Персии. Чахбар считается и теперь лучшей гаванью Мекрана и должен был быть конечным пунктом железной дороги, которую некогда предполагали провести через Персию русские.

История областей Ирана, расположенных к западу от великой пустыни, в древности определяется различием между севером и югом, между мидянами и персами. Это различие не имеет ничего общего с отмечаемым в арабской географической литературе климатическим различием между «холодными» областями, где возделывается пшеница, и «жаркими», где растет и приносит плоды финиковая пальма. Резкую границу между этими климатическими областями провести нельзя, так как климатические условия определяются не только географической широтой, но и положением над уровнем моря. Этнографическая или впоследствии, когда этнографическое различие успело сгладиться, административная граница между южными и северными областями всегда проходила значительно севернее климатической, причем в древности еще севернее, чем в средние века. К Персии в тесном смысле слова причислялся в древности округ современного Исфахана, в средние века никогда не входивший в состав Фарса.

В виде общего правила можно установить, что юг имел больше значения в политической истории Ирана, север—в культурной. Мы видели, что мидийская форма зороастризма постепенно сделалась государственной религией Ирана. Гораздо менее прочно и продолжительно было политическое могущество мидийских царей, в конце VII в. до Р. Хр. разрушивших ассирийское царство и уже через полвека с небольшим уступивших первенство вышедшей из Фарса ахеменидской династии. Государственность и в Мидии, как в Персии, сложилась под влиянием западных соседей Ирана. Характерно, что восточная столица Мидии, Рага (в средние века Рей, ныне развалины к юго-востоку от Тегерана), тесно связанная с именем Зороастра, не имела почти никакого

[1]) Ср. в новейшее время (1900—1) путешествие Н. А. Зарудного (ИГО, 38, 1902, 127—170); подробнее в Записках Геогр. Общ. по Общей Географии, 50 (1916), 74—369.

политического значения, тогда как построенная мидийскими царями западная столица, Hagmatana, у греков Агбатаны или Экбатаны, Хамадан, не упоминается в Авесте и не имела никакого религиозного значения. Название мидян (по ирански Mada) утратилось задолго до ислама: видоизменением его считается средневековый термин Мах (Mâh), но под ним понимали только один из западных округов древней Мидии, от Хульванского перевала до окрестностей Хамадана. [1])

Из областей, упоминаемых арабскими географами, более всего соответствует древней Мидии область Джибаль, собств. «горы». По названию она соответствует древней Паретакене, как назывались также горные области в Афганистане и Туркестане (от pourvata, санскр parvata, «горы»). Но греки понимали под Паретакеной только северную часть Фарса, иногда причислявшуюся к Мидии, арабы под Джибалем (в персидском переводе Кухистан, как называлась также область к востоку от пустыни, в юго-западном углу Хорасана)—почти всю Мидию. Впоследствии, когда в мусульманское время Рей и Исфахан сделались крупными городами, по величине, богатству и культурному значению мало уступавшими городам Вавилонии, Джибаль был признан вторым «Ираком» (арабское название Вавилонии) и в отличие от первоначального или арабского Ирака был назван (с XII в.) Ираком персидским (Ирак аджеми).

Северная часть древней Мидии со времен Александра была выделена в особую область, наместником которой был назначен мидянин Атропат, сделавшийся после Александра самостоятельным правителем и передавший власть своим потомкам. По имени Атропата эта область получила новое название—у греков Атропатена, в армянском Атрпатакан, теперь Азербайджан; мусульманским авторам такое происхождение этого названия уже не было известно. Впоследствии, как в до-мусульманский период, так и при исламе, Азербайджан занимал совершенно особое положение в истории Персии. К Азербайджану были приурочены рассказы о жизни Зороастра; в главном городе до-мусульманского Азербайджана, Ганзаке (ныне развалины Тахт-и-Сулейман, к югу от озера Урмии), находился главный храм зороастрийцев; об иранском наречии Азербайджана (азери) говорится, как об особенном

[1]) S Marquart, Eranschahr, 18.

языке, повидимому, литературном: было высказано мнение, [1]) что на этом языке был написан древнейший комментарий к Авесте. С XI в. в Азербайджане стали селиться турки, пришедшие из Средней Азии с династией сельджукидов, и постепенно эта область была совершенно отуречена. После монгольского нашествия город Тебриз, возникший уже при исламе, сделался одним из самых многолюдных городов Ирана; турки Азербайджана дали Персии несколько династий, в том числе династию сефевидов, создавших современную шиитскую Персию (современная династия Каджаров тоже турецкого происхождения); в XX в. из населения Азербайджана вышли главные деятели персидской революции. Турецкий азербайджанский язык сделался также главным языком мусульман Закавказья, вследствие чего после 1917 г. в пределах России возникла «азербайджанская» республика, в которую, однако, не вошел настоящий Азербайджан, остающийся персидской провинцией.

Родина персов, Фарс, до сих пор носит название этой народности (Pârsa; арабское *ф* передает звук *п*, которого в письменном арабском языке нет); под книжным влиянием арабская форма перешла и в живую речь, обыкновенно даже без прибавления суффикса *истан*; встречающаяся на картах форма «Фарсистан» почти не употребляется ни в живой речи, ни в литературе. Южная часть Фарса уже принадлежит к бассейну Индийского океана; но в истории всегда имели больше значения северные округа, принадлежащие к иранским внутренним бассейнам, именно к бассейнам озера Бахтеган, где находятся развалины древних столиц, Пасаргад и Персеполя, и озера Махалу, где находится возникший при арабах, в начале VIII в., нынешний главный город Фарса, Шираз.

Как и другие иранские народности, персы разделялись на несколько племен; племя, из которого происходили Кир и династия ахеменидов, называлось пасаргадами; то же самое название носил город, где находились дворец и гробница Кира. Местоположение этого города некоторое время считалось спорным; из некоторых известных источников выводили заключение, что Пасаргады находились южнее города Дария и его преемников, получившего от

[1]) S. Marquart, Eranschahr, 123, примеч. 5.

греков название «Персеполь»; [1]) но в настоящее время можно считать доказанным, что остатком города Кира являются развалины в северной части долины речки Пульвар или Мургаб, тогда как развалины Персеполя находятся в южной части той же долины. Эти развалины, особенно развалины Персеполя, бесспорно являются самыми грандиозными памятниками исторического прошлого Персии, сохранившимися на поверхности земли, и поэтому им придавалось большое значение как народным преданием, так и европейскими исследователями. [2]) Нет, однако, основания полагать, чтобы здесь когда-либо была столица государства в современном смысле, средоточие управления и культурной жизни. Постройки и барельефы ахеменидов, как и их гробницы, были данью внимания к их первоначальной родине и имели только декоративный характер; сами цари жили в Сузах и там же принимали иностранных послов, в том числе греческих: характерно, что греки до Александра, повидимому, даже не знали о существовании Персеполя. Таким же образом при сасанидах, несмотря на существование их барельефов и надписей рядом с ахеменидскими и их построек в некоторых других городах Фарса, единственной столицей государства был Ктесифон на Тигре. Несколько больше значения в жизни Персии имел мусульманский Шираз; два правителя, владевшие, если не всей Персией, то большей частью ее, Адуд-ад-дауля в X в. и Керим-хан в XVIII, сделали его своей столицей (современный Шираз есть, главным образом, создание Керим-хана); после монгольского нашествия Шираз, не подвергавшийся монгольским опустошениям, сделался на некоторое время главным центром персидской культуры. В общем, однако, города Фарса и вообще южных провинций по числу населения и торговому значению далеко уступают городам севера; на этом преимущественно основывалось мнение некоторых английских политических деятелей о невыгодности для Англии англо-русского

---

[1]) Отсюда противоречия между „Картой Персии" („развалины Пасаргад" к с. от „развалин Персеполя") и картой „персидской монархии" (Пасаргады к ю. от Персеполя) в Энциклопед. Слов Брокгауза и Ефрона, ст. „Персия".

[2]) Самое подробное исследование — Fr. Sarre и E. Herzfeld, Iranische Felsreliefs, Berl. 1910. О Пасаргадах раньше E. Herzfeld „Klio", VIII (1908), 1—68 О Персеполе еще напр Th. Noldeke в Aufsätze zur pers. Geschichte, 135—149.

соглашения 1907 г., с установлением в северной Персии сферы исключительно русского влияния. [1])

Берег Персидского залива, до Ормузского пролива включительно, имел в жизни Персии несколько больше значения, чем берег Индийского океана; здесь было несколько гаваней, имевших некоторое значение для морской торговли с Индией и Китаем, причем первенство, в зависимости от различных причин, переходило от одной гавани к другой. Из двух современных гаваней Бендер-Аббас возник только в XVII в., Бушир-в XVIII. С начала XVI в. до 1622 г. центром торговли был находившийся в руках португальцев остров Ормуз; построенная португальцами крепость является, по словам одного из новейших русских путешественников, «после дворца Дария в Персеполисе одним из самых величественных памятников старины в Персии». [2]) Памятники более отдаленного прошлого сохранились на островах: Хараге, [3]) некоторое время принадлежавшем голландцам, и Кайсе или Кише, который в средние века был одним из главных пунктов морской торговли и в течение 300 лет (X—XIII вв.) имел свою княжескую династию; [4]) тогда на этом острове был богатый город. В XIII и XIV вв. он находился под властью правителей Фарса; впоследствии он был покинут жителями, когда и по каким причинам это произошло, не могло быть установлено даже автором составленной в XIX в. истории Шираза. [5]) Вообще до сих пор не выяснено, почему после монгольского нашествия первенство в морской торговле в Персидском заливе и Индийском океане переходит от персов к арабам, тогда как в X в. даже гавань Сохар в Аравии была в руках персов. [6]) В новейшее время даже береговые пункты Персии, как Бендер-Аббас и Чахбар, часто переходили во власть арабов, и только при Насир-ад-дине (1848—1896) здесь снова утвердилась власть шаха.

---

[1]) Ср. карту этого разграничения у E. G. Browne, The Persian Revolution, 1910, к стр. 172, с характеристикой областей обеих сфер влияния.

[2]) Сборник геогр. матер. по Азии, LXV (Туманский, От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно), 1896, 111.

[3]) Iranische Felsreliefs, 64 и сл.

[4]) История Вассафа, литограф. изд., 170 и сл.; 175 ссылка на сочинение имама Са'д-ад-дина Аршади по истории этой династии.

[5]) Хурмуджи, Тарих-и-Шираз, 1276 (1859—60) г.

[6]) BGA, III, 92, 11 и 96, 11.

В состав Персии в тесном смысле слова первоначально входил и нынешний Керман, в первый раз упоминаемый, в качестве особой области, в известиях о походе Александра (Karmania). Полагают, что к этой области относятся слова бехистунской надписи Дария о местности Yutiya в Персии, где имел успех самозванец Вах'яздата и что население к этой местности были «утии» Геродота (III, 93), входившие вместе с жителями Мекрана, Драгианы и друг. в состав 14 ой сатрапии, причем исключение из состава Персии (не платившей податей) и присоединение к податным областям было наказанием за этот мятеж [1]). Может быть более правдоподобно, что в Гедросии и Кермане жили персидские племена, названные у Геродота (1,125) дерусеями и германиями. Как и в Фарсе, в Кермане северные округи отличались совершенно иными климатическими условиями, чем южные; жизнь обыкновенно сосредоточивалась, как и теперь, в северных округах; но иногда средневековый главный город южного Кермана, Джируфт, Камади Марко Поло (названный так по имени торгового предместья Камадина), считался самым большим городом всей области: [2]) теперь на месте его видны только кучи кирпичей и обломков посуды [3]). Менее затронута культурой, даже до настоящего времени, прибрежная полоса Кермана, особенно округ Бешакирд к востоку от дороги от Джируфта к морю. В средние века здесь жили куфичи (у арабов к у ф с), народность, повидимому, дравидского происхождения, Европейцам эта местность до второй половины XIX в. была даже географически мало известна. Даже на новейших картах речка Халиль (в средние века Дивруд), на которой стоит Джируфт, сливается с текущим из Белуджистана Бампуром и впадает в Индийский океан; в действительности эти реки впадают в озеро-болото Джаз-Мориан, отмеченное уже на карте, приложенной к статье Томашека, хотя размеры этого озера на карте Томашека гораздо меньше, чем в действительности: местность к югу от озера оставлена на той же карте совершенно пустой. Путешественник Сайкс [4]) называет себя первым европейцем, по-

[1]) J. Marquart, Eranschahr, 30

[2]) Так Ибн-Хордадбех (BGA, VI, 49, 2, текст, перевод, стр. 34); приведено у P. Schwarz, Iran im Mittelalter, III, 240.

[3]) P. M. Sykes, Ten thousand miles in Persia or eight years in Iran, (1902), 267.

[4]) P. M. Sykes, Ten thousand miles in Persia, 1902, 306.

сетившим (в 1898 г.) расположенное здесь селение Рамишк. В средние века Керман иногда составлял самостоятельное владение и управлялся особой династией, но на политическую жизнь других областей Ирана влияния не имел.

Расположенная к западу от Фарса пограничная область Ирана, Хузистан, никогда не была вполне иранской по составу населения. Древняя столица этой области носила у греков название Сузы (собств. Сусы), у арабов Сус; народ назывался у греков уксиями, в надписях Дария-Хуваджа, отсюда позднейшее х у з (звук *х*, собств. *h*, передавал начальное *с* иностранных слов, см. выше стр. 5). Хузистан еще до персов подвергся влиянию вавилонской культуры и принял ассиро-вавилонскую клинопись; здесь правили цари, оставившие надписи на языке не-семитском и не-арийском; тот же язык, как видно из надписей Кирх. Дария и их преемников, в более новом наречии был одним из трех литературных языков ахеменидской монархии и занимал второе место, ниже персидского и выше вавилонского. Повидимому, это объясняется тем, что Хузистан был первой культурной областью, завоеванной персами, еще до их победы над мидянами. Никаких надписей на этом языке от времен после Александра не осталось; но в качестве живого языка «хузийский» язык, «не-еврейский, не-сирийский и не-персидский» [1]), существовал еще в мусульманский период, в X в., хотя уже не было людей, говоривших только на этом языке; все говорили также по-персидски и по-арабски. Язык второй системы ахеменидских надписей принадлежит так называемой «яфетической» группе и находится в близком родстве с кавказскими [2]). Среди типов населения до сих пор сохранились, кроме иранского и семитского, также древне-эламский (Элам-семитское название Хузистана) и дравидский [3]). Греки называли уксиями только разбойников—горцев восточной пограничной полосы Хузистана, но, повидимому, это то же самое слово, как иранское х у з, в арабском множественном числе а х в а з. Так (первоначально Сук-ал-Ахваз, т. е «базар хузийцев») назывался

[1]) BGA, I, 91.

[2]) Н. Я. Марр, Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания (ЗВО, XXII, 31–106).

[3]) H. Grothe, Geographische Charakterbilder aus der Asiatischen Turkei, 1909, XCVI (№ 168) и XCVII (№ 169).

город на реке Каруне (ныне приток Шатт-ал-Араба, соединенного устья Тигра и Евфрата; прежде самостоятельно впадал в Персидский залив), считавшийся в X в. главным городом всей области; в начале XIII в., как и теперь, самым большим городом Хузистана был Тустер или Шустер, расположенный на той же реке.

В настоящее время весь Хузистан или по крайне мере его равнинная часть, прилегающая к Персидскому заливу, чаще называется Арабистаном. Поселившиеся здесь арабы большею частью принадлежат к числу бедуинов и много содействовали упадку культуры, процветавшей при сасанидах и в первые века ислама, когда здесь возделывался сахарный тростник, в городах существовала высоко развитая текстильная промышленность и были высшие учебные заведения с богатыми библиотеками. В политической жизни Ирана Хузистан после ахеменидов не имел большого значения: даже в столице ахеменидов, Сузах, не сохранилось на поверхности земли никаких построек и потому действительная столица персидских царей, в противоположность декоративной столице, Персеполю, была совершенно забыта народным преданием. В новейшее время Сузы были главным местом археологических раскопок французов, получивших от персидского правительства по договорам 1895, 1897 и 1900 гг «исключительное и вечное право» (droit exclusif et perpétuel) производить раскопки на всем пространстве Персии [1]). Целью раскопок было не столько дальнейшее исследование открытых раньше ахеменидских памятников (в том числе дворца Дария и Артаксеркса II, [2]) сколько новые открытия в области древнейшей культуры Передней Азии.

Первоначально, повидимому, не были иранцами кочевые и полукочевые горцы в областях вдоль прежней (до 1918 г.) границы между Турцией и Персией. В мусульманский период эти горцы уже говорили по ирански, и были известны у арабов под общим именем «к у р д», мн. число а к р а д. С точки зрения лингвиста и теперь являются курдами те горцы, которые живут исключительно в пределах Персии и сами себя курдами не называют, именно: луры и бахтиары. Из них луры упоминаются и в средние века: в их области, Луристане, иногда правили самостоятельные

[1]) Материалы по изучению Востока, изд. Мин. Иностр. Дел („секретно"), вып. 2, 1915, прилож. IV.

[2]) Б. Тураев, Ист. древн. Востока, [2], II, 214.

династии; династия хазараспидов (XII—XIV вв.) подчинила своей власти также некоторые соседние местности [1]). Слово «бахтиар» в средние века не встречается и когда оно упоминается впервые, еще не установлено. Бахтиары занимают самую восточную часть горной области, в средние века называвшуюся «Большим Луром». В средние века упоминается еще народное название шулы, теперь исчезнувшее; по имени шулов часть горной области, составлявшая один из пограничных округов Фарса, носила название Шулистан [2]). Страна курдов в собственном смысле слова называется Курдистаном; различают Курдистан турецкий, с главным городом Диярбекром, и Курдистан персидский, с главным городом Керманшаханом; небольшое число курдов живет в пределах России, главная масса—в пределах Турции. Из курдов, как из других воинственных кочевников, часто набирались отряды различными правителями; начальники этих отрядов иногда достигали политической власти и основывали династии [3]), но, как народ, курды политической жизни не имели. Писатели курдского происхождения только в редких случаях писали на своем родном языке; в литературе на других языках о курдах часто говорилось как о «воплощении всего некультурного» [4]). Отмечались однако, высокие достоинства курдской народной поэзии [5]) и выражалась надежда, что по мере развития среди курдов оседлости их несомненные природные дарования получат лучшее применение, чем до сих пор [6])

Остается еще упомянуть об областях по южному берегу Каспийского моря, во многом отличающихся от остальных областей Ирана как по климатическим условиям (вместо недостатка влаги излишек), так и по типу и одежде населения. Кроме гор, составляющих северную окраину иранского плоскогорья, доступ в эти области всегда затруднялся густыми лесами. С юга, через горы,

[1]) Ст. Лэн-Пуль, Мусульм. дин., перев. В. Бартольда, 147; в переводе есть пропуск (по недосмотру) против подлинника, отмеченный А. Крымским (История Персии, I, 1909, 12).

[2]) Упоминается у Марко Поло, перевод Минаева, 46.

[3]) Самой могущественной династией курдского происхождения была династия Эйюбидов (Ст. Лэн-Пуль, Мусульманск. династии, русский перевод, 58 и след.).

[4]) Nöldeke, Tabari, 12, прим. 1 (Inbegriff aller Uncultur). Н. Я. Марр в ЗВО, XX, 126.

[5]) Н. Я. Марр, ibid., 127 и сл.

[6]) D. Trietsch, Levante-Handbuch (1910), 21.

только в XVII в., при шахе Аббасе (1587—1628) была проведена шоссейная дорога, сделавшая прикаспийские области доступными во всякое время года; дорога впоследствии не поддерживалась, но все же после шаха Аббаса мы уже не видим существовавшей до-тех пор политической обособленности прикаспийских областей. Сравнительно легче был всегда доступ с востока, хотя и этот путь был загражден лесами, с востока всегда происходило успешное движение завоевателей, как в древности так и в средние века. До Александра прикаспийские области еще не составляли части Ирана ни в политическом, ни в этнографическом отношении; по-иранцами были, по всей вероятности, тапуры, западные соседи гирканцев. По имени этого народа современный Мазандеран и в то время, когда языком населения уже был иранский, назывался Тапуристан; в такой форме название области встречается на монете, даже из чеканенных уже при исламе. Тем не менее в арабской географической литературе то же самое название писалось и произносилось Табаристан и производилось от диалектического слова *табар* «гора». Менее ясно происхождение слова „Мазандеран“: повидимому, оно тоже было наследием до-мусульманского периода; в персидской поэзии оно встречается уже в XI в. (у Фирдауси), в арабской письменности даже Якуту, писавшему после 1220 г., не приходилось его встречать. Мазандеран долго оказывал сопротивление арабским завоевателям; правители его считали себя преемниками сасанидов, [1]) даже после установления господства ислама и халифата здесь продолжали жить сасанидские традиции, и вплоть до середины XIV в. почти все князья из местной династии Бавендидов [2]) носили старо-иранские имена; арабские имена среди них почти не встречаются. Таким же образом здесь раньше, чем в остальных областях Персии (за исключением отдельных городов и округов) утвердилось шиитство. Мазандеранское наречие является одним из немногих диалектов персидского языка, на которых имеется литература, хотя даже время жизни главного мазандеранского поэта, Амира Пазвари, не установлено [3]).

Еще позже, чем в Мазандеране, утвердился ислам (также в шиитском вероисповедании) в Гиляне, расположенном от Мазан-

[1]) Th. Nöldeke, Aufsätze zur pers. Geschichte, 134
[2]) Ст. Лэн-Пуль, русский перев. (в подл. нет), 290 и сл
[3]) Grundriss, I, 2, 346

дерана к западу. Гилян теперь рассматривается как одно целое; в первые века ислама он разделялся на части, равнинную или Гилян в тесном смысле, где жила народность, называвшаяся гилами (гелы античных географов), и горную или Дейлем. Даже в эпоху высшего могущества халифов, при Харуне-ар-Рашиде [1] (786—809) мусульманская политическая власть в этой части Ирана не доходила до Каспийского моря, и пограничным городом халифата был Казвин. Ислам получил господство в Дейлеме и Гиляне только в X в.; в том же столетии из среды дейлемцев вышла династия буидов первая мусульманская династия, восстановившая на своих монетах титул до-мусульманских царей Ирана, шаханшах (царь царей). С XI до XIII вв горная область к северу от Казвина была местопребыванием главы еретиков-исмаилитов. Монголы завоевали Гилян только в 1307 г., гораздо позже, чем остальную часть Ирана. После этого Гилян в политической жизни Персии больше не имел значения: местные династии прекратили свое существование, как и в Мазандеране, в XVII в.

Климатическими особенностями Мазандерана и Гиляна определяется и экономическое значение обоих областей. В прикаспийских областях преимущественно сосредоточивалось персидское шелководство, постепенно распространяясь от востока к западу; гилянский шелк сделался предметом вывоза только в XIII в. До второй половины XIX в., по словам одного из русских исследователей [2], богатство гилянцев было основано на шелководстве, как богатство мазандеранцев—на рисе и хлопке; пшеницы и ячменя ни в той, ни в другой области почти не сеяли. В Гиляне в XIX в впервые было введено табаководство, также дававшее населению обеспеченный заработок; шелководство несколько раз переживало кризис из-за мора на шелковичных червей.

Владения халифов на берегу Каспийского моря, как до них владения сасанидов и впоследствии владения мусульманских династий Ирана, доходили до Дербентского прохода. Непосредственно к северу от гилянцев, частью в Персии, частью в Ленкоранском уезде, живут родственные гилянцам талыши, [3] название, повиди-

[1] О действиях этого халифа в Казвине особенно Якут, IV, 89.

[2] С. Олферьева (управлявшего консульством в Реште); Сборн. конс. донес., год XI, вып. I, 60—77.

[3] Н. Я. Марр. Талыши. 1922 (Труды комиссии по изуч. плем. состава насел. России, 4)

мому, не встречающееся в средние века. Древняя Албания носила в мусульманское время названии Арран; впоследствии под Арраном понимали, главным образом, местность между Араксом и Курой, тогда как местности между Курой и Каспийским морем было присвоено название «Ширван» В истории было несколько династий (от до-мусульманского периода до XVI в.) правителей Ширвана или ширван-шахов [1]) Вместе с другими северо-западными областями эти области, окончательно отделенные от Ирана и перешедшие под власть России только в XIX в., еще в средние века подверглись отуречению. Граница распространения турецкого языка доходит на юг почти до Казвина. Эд. Броун еще во время своего путешествия 1887 г. установил, что первым селением, где преобладал персидский язык, было селение Кирашкин непосредственно перед Казвином; даже в самом Казвине почти все жители знали и по турецки [2]). Вообще отмечается факт, что персидский литературный язык, успешно вытесняя местные иранские наречия и даже самостоятельные иранские языки, как курдский, не может выдержать борьбу с турецким: «везде, где население, говорящее по персидски, живет рядом с населением, говорящим по турецки, первое сначала становится двуязычным, потом забывает свой природный язык» [3]).

Главные труды по средневековой географии Персии, преимущественно на основании арабских источников.

1 P. Schwarz, Iran im Mittelallter nach den arabischen geographen. I. 1896. II. 1910 (Quellen und Forschungen zur Erd-und Kulturkunde, Bd. III). III. 1912 (Quelén etc., Bd. VI). IV. 1921. Четыре выпуска (из них четвертый мне недоступен) обнимают Фарс, Керман, Хузистан и часть персидского Ирака. Рецензия E. Herzfeld в Der Islam. XII, 131—138.

2. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана 1903 г. Рец M Hartmann в OLZ. VI (1903 г.), 407—412.

3. G. Le Strange. The Lands of the Eastern Caliphate. 1905 г. (Cambridge Geographical Series). Рец. M. J. de Goeje в DL, 1905 г., № 45, col 2798—2800: В. Бартольда в ЗВО, XVII, 0102—0107

[1]) Ст. Лэн-Пуль, Мусульманск. дин., перев (в подл. нет), 295. Е А. Пахомов. Краткий курс истории Азербайджана с приложением экскурса по истории ширваншахов XI—XIV вв. Баку, 1923 (на правах рукописи)

[2]) E. G. Browne A year amongst the Persians (1893), 77 и сл.

[3]) W. Ivanow в JRAS, 1923, 10.

III

Историческая литература на персидском языке.

(С переводами и подражаниями)

До-мусульманский Иран, несмотря на свое политическое значение в истории древнего мира, не создал, как и до-мусульманская Индия, собственной исторической литературы. Несмотря на различие между характером иранцев и характером индийцев, различия, вследствие которых даже трудно верить, что эти два народа—близкие родственники, говорившие в древности одним языком и жившие вместе [1]), оба народа были одинаково равнодушны к реальной географии и реальной истории; то и другое заменялось у них мифами и сказаниями.

Единственным дошедшим до нас историческом рассказом, в настоящем смысле слова, на древне-персидском языке является бехистунская надпись Дария—«огромный памятник в 520 строк, начертанный на трех языках» [2]). Дарий выбрал для своей надписи местность на одном из главных путей, прорезывавших его государство, между Вавилонией и Мидией, несколько восточнее современного Керманшахана. Форма „Бехистун" встречающаяся и в арабской географичеекой литературе.—промежуточная между древним Багистан («место богов») и современным Бисутун; скала с надписями и рельефами видна на большое расстояние, так как возвышается на 500 метров над голой равниной [3]). Произошло ли название скалы от существовавшего здесь ранее религиозного культа [4]), или было дано ей под влиянием имеющих частью религиозный характер изваяний, неизвестно. В самой надписи ничего не говорится о горе; упоминается только местность Кампада, у греков Камбадене; здесь стояло некоторое время войско Дария, ожидая его прибытия из Вавилона.

Бехистунская надпись была открыта (в 1836 г.), списана, издана и переведена Ролинсоном; последним и наиболее совершен-

---

[1]) Б. А. Тураев, Истор. древн. Востока, [2], II, 206
[2]) Ibid., 178
[3]) Iran. Felsreliefs, 189 и сл.
[4]) Предположение Herzfeld'a (ibid. 190) о культе Митры ничем не доказано.

ным изданием и переводом является английское издание King, Thompson u Budge «The Sculptures and Insriptions of Darius the Great», 1907 г. [1]); экспедиция для проверки текста была снаряжена в 1904 г. Чтение и описывание надписи представляло большие трудности: надпись сделана на полированной поверхности скалы, поднимающейся почти отвесно. Вейсбах в Grundriss'e выражал мнение [2]), что необходимо подниматься к надписям посредством привязного аэростата: Кингу удалось соорудить и прикрепить к скале висячие подмостки; работа списывания надписи потребовала несколько недель.

Одним из важнейших результатов нового сличения, по словам Вейсбаха [3]) и Тураева [4]), было установление хронологии событий. Оказалось, что древне-персидский календарь отличался от вавилонского только названием месяцев. В надписях указывается месяц и число, но не год; при этом, однако, сказано, что все события произошли в одном и том же году, именно в год вступления его на престол, или, «вернее, в течение полутора года — с 29 сентября 522 по 10 марта 520 г. [5])», тогда как прежде эти события распределялись на шесть лет, до 516 г. [6]).

До нас дошло еще несколько надписей Дария, в Персеполе и его окрестностях, представляющих важный исторический источник: в них выражаются пожелания и наставления царя, перечисляются покоренные персами народы, на барельефах изображаются представители этих народов в их национальной одежде [7]) Но никаких рассказов о ходе исторических событий, с личными именами и географическими названиями, как в бехистунской надписи, мы в этих надписях не находим; их нет также в надписях мусульманского времени, делавшихся на скалах в горных проходах.

---

[1]) Рецензия напр. Прашека в OLZ, 11 (1908), 371 и сл., Weissbach в ZDMG, 61 (1907), 722 и сл.

[2]) Grundriss, II, 74

[3]) ZDMG, LXI, 723 и сл.

[4]) Тураев, Цит. соч., II, 83. Еще статьи Вейсбаха о хронологии надписей в OLZ, 11 (1908), 487 и сл., ZDMG, 62 (1908), 635 и сл.

[5]) Тураев, цит. мес о.

[6]) Так напр. J. Ménant, Les Achémenides, 1872, 106—115. Хронология, однако, и потом вызывала споры, ср. I. V. Prasek. Gesch. der Meder und Perser, 1910, II, 31 и сл.

[7]) Об этом Iran. Felsreliefs, 36 и сл., 251 и сл. F. H. Weissbach, Die Keilinschriften am Grabe des Darius Hystaspis, Lpz. 1911 (Abh. phil.-hist kl. der kin. Süchs Ges. der Wiss., XXIX, № I), 44 и сл.

в память о событиях, но без подробного рассказа о них, даже в XVI в [1]).

Один из греческих авторов (Ктесий в конце V и в начале IV вв.), уверял, что извлекает сведения по истории персов из «царских книг»: в действительности им приводятся, часто в произвольной обработке, иранские эпические сказания, слагавшиеся преимущественно в восточных провинциях государства [2]). Повидимому, Ктесий даже не знал, что бехистунская надпись сделана Дарием, и приписывал ее мифической ассирийской царице Семирамиде [3]) хотя принадлежность этого текста (сохранившегося у Диодора) Ктесию подвергается сомнению. Еще более фантастичные представления о бехистунской надписи были у мусульманских авторов [4]).

Как на древне-персидском, так и на средне-персидском или пехлевийском мы имеем только одну историческую надпись в настоящем смысле слова: эта надпись находится в местности Пан-Кули (букв. «подножие перевала») [5]), в бывшей персидско-турецкой пограничной полосе, между персидским городом Каср-и Ширином и турецким Сулеймание, недалеко от курдской деревни Бан-хейлан [6]). Дешифровка этой надписи, также открытой еще Ролинсоном, связана с большими трудностями, и в статье, напечатанной в 1921 г., могла быть только выражена надежда, что когда-нибудь удастся разобрать надпись и получить новые сведения о событиях, составляющих ее содержание и связанных с переходом власти от арсакидов к сасанидам. Надпись была сделана не на скале, а на каменных плитах, составлявших покрытие воздвигнутого здесь вероятно, тем же царем здания в память событий; такое назначение предполагается исследователем, Э. Херцфельдом, как видно из употребляемого им термина [7]) Denkmalsturm Здание обруши-

[1]) К началу XVI в. относится надпись узбецкого хана Шейбани в Болорском ущелии, на пути из Келата в Мешхед (C. E. Yate, Khurasan and Sistan, 1900, 153); к XV и XVI вв —известные надписи в Джизакском ущелье в Туркестане.

[2]) ЗВО, XXII, 258 и сл

[3]) Iran Felsr. 191. Forbiger. Handb. der alt Geographie, II, 593. По мнению Эд. Мейера (Gesch. des Alterthums [1], I, 617) источник Диодора-Клитарх.

[4]) E. Herzfeld в Der Islam, XII, 136.

[5]) Так по Херцфельду, Iran, Felsreliefs, 283 (Fuss des Passes).

[6]) О месте кроме Херцфельда еще В. Минорский в Матер. по изучению Востока, вып. 2, стр. 189.

[7]) Der Islam, XI, 155: там же о надписях и четырех царских бюстах.

лось и камни с надписями лежат в куче около восточной стороны его; Ролинсон в 1844 г. списал отдельные фрагменты, по которым нельзя было установить порядка строк. Требовалось новое, более подробное исследование, которое только в 1913 г. было произведено Херцфельдом [1]); но и это исследование не привело к полному восстановлению текста. Херцфельд мог только сообщить (в 1921 г.), что в надписи шесть раз упоминаются вместе персы и парфяне (Pârs ut Parthav), как в бехистунской надписи персы и мидяне, из восточных властителей упоминаются шахи хорезмийцев, кушанов и саков, также правители некоторых других областей, названия которых читаются менее ясно. Из текста не было видно, кто из них упоминается в качестве врага, кто в качестве союзника или вассала [2])

До нас дошло довольно значительное число надписей персидских царей с их именами и титулами; существуют барельефы и другие изваяния с их изображениями, также с изображением исторических событий, в том числе взятие в плен императора Валериана Шапуром I в 260 г. [3]); но рассказов об исторических событиях, в том числе и о борьбе между Персией и Римом, надписи не дают. Еще труднее использовать в качестве исторического источника и приурочить к определенным эпохам, народностям и лицам дошедшие до нас иранские царские гробницы без надписей и изваяний, хотя и были попытки дать точный список этих гробниц и точный ответ на вопрос, какие из них должны быть отнесены еще к мидийской эпохе [4]).

В противоположность эпохе ахеменидов, в эпоху сасанидов в царской библиотеке несомненно существовали исторические книги и несомненно с ними ознакомился сириец, переводчик Сергий, на которого ссылается византийский историк VI в. Агафий (Agathias) [5]). Со стороны персов Сергий не встретил никаких препятствий; персы находили, что для славы их царей только выгодно, чтобы и

[1]) APAW, 1914, phil.-hist. kl., № 1 «Die Aufnahme des sasanidischen Denkmals von Paikuli.» По копии Ролинсона надпись сообщена в JRAS 1868 (New Series. III), 278—300 (статья Thomas, Sassanian Inscriptions).

[2]) Der Islam, XI, 117 и сл.

[3]) Изображения перечислены в Grundriss, II, 519.

[4]) Iran. Felsreliefs, 7 и сл.; 61 и сл. Der Islam, XI, 130 и сл. Denkmal von Paikuli, 21. О тех же памятниках еще В. Минорский в ЗВО XXIV, 174—182.

[5]) Его труд составляет третий том в серии Corpus script. hist. Byzantinae.

римляне ознакомились с их историей [1]). Агафий подробно говорит только о династии сасанидов, но, по замечанию Нельдеке [2]), едва ли подлежит сомнению, что в тех же книгах рассказывалась история Ирана с древнейших времен. Из рассказа Агафия и рассказов армянских авторов можно вывести заключение, что персидское историческое предание уже тогда имело тот вид, в каком мы находим его потом у мусульманских авторов. Название ахеменидов было совершенно забыто; вместо этого были созданы две мифических династии, пишдадов и кейянидов. Пишдад—прозвание царя Хушенга первого установившего на земле справедливость (п и ш—впереди, д а д—справедливость) [3]), научившего людей воздвигать постройки, добывать металлы и т. п.; из его потомков наиболее известные—его внук Джемшид, собств. Джем (ш и д—царский титул [4]), происходящий, как и слово ш а х, от древнеперсидского к ш а я т ь я), в Авесте Йима, в Индии Яма, и Афридун, в Авесте Траэтаона, в Индии Траитана [5])—герои древнего арийского эпоса, общего индийцам и иранцам. Название второй династии происходит от слова Кей, в Авесте Kavay; так называются в древнейших гимнах Авесты князья, вообще враждебно отнесшиеся к учению Зороастра; исключение представлял принявший новое учение князь (Kavay) Вишпаспа (у греков Гистасп), Виштаспа (Биштапе или Гуштасп) и в эпосе является одним из представителей этой династии, хотя при его имени слово «Кей» ставится не так последовательно, как при именах его предшественников; при именах его потомков слово «кей» вообще никогда не употребляется. Внука Виштаспы, Бахмана, ученые, ознакомившиеся с греческим преданием, отождествили с Артаксерксом I Длинноруким (греч Макрохейр, перс. Дираздест). 465—424; после него упоминаются еще: его сын Дараб (Дарий) I и сын Дария I Дарий II, при котором произошло завоевание Персии Александром—первое действительно историческое событие известное персидскому преданию. Присоединение к именам мифических кейя-

[1]) Agathias. IV, 30.
[2]) Grundriss, II, 141.
[3]) Этимология у Табари, I, 171, 14.
[4]) Приставка к имени царского титула в такой древней форме, уже непонятной для мусульман, наглядно показывает, что персы—мусульмане получили свод предания в готовом виде от своих предков.
[5]) Grundriss, II, 131

нидских царей двух Дариев—единственный след существования ахеменидов в том же предании. К мифической древности и к мифическому лицу (кузнецу Kâveh) было отнесено и государственное знамя иранцев; взятое арабами в битве при Кадисии на Евфрате в 636 г., существовавшее, повидимому, у ахеменидов и оставшееся после них у правителей их родины, Фарса, так как мы встречаем его на изображении битвы Дария с Александром при Иссе (333) и потом на сасанидских монетах еще в то время, когда сасаниды были только князьями Фарса [1]).

О непосредственных предшественниках сасанидов в господстве над Ираном, арсакидах, предание дает очень скудные сведения; все же остался след самого существования династии Имя Арсак встречается в формах Ашк, Ашкан и Ашган, династия называется ашканидами. По хронологии персидского предания, ашканиды правили всего 266 лет; эта хронологическая ошибка была и в до мусульманских источниках, так как у Агафия говорится о 270 годах [2]) Столь же далеки от действительности сведения о воцарении ашканидов, о последовательности и продолжительности отдельных царствований.

Только с эпохи сасанидов начинается достоверная история персидского народа, с точными хронологическими данными; эти данные уже были в той хронике, которой, через посредство Сергия, пользовался Агафий [3]); те же сведения были заимствованы мусульманскими авторами из переведенной на арабский язык «царской книги» (Худай-Намэ), окончательная обработка которой относится к самому концу сасанидского периода [4]). Эта книга была не столько официальной историей, сколько официальным эпосом, эпические предания, как у греков в сочинениях александрийских ученых, были введены в точные хронологические рамки. Судя по ссылкам мусульманских авторов, даже в Авесте точно определялось число лет, месяцев и даже дней, прошедших от первого человека до конца династии сасанидов. История сасанидов в этой

[1]) Grundriss, II, 487 и 546; изображение в книге F. Justi, Geschichte der orientalischen Völker im Altertum, 1884, 453. Арабы сравнивали знамя с прикрепленной к палке дорожной сумкой (Tabari, I, 207). Есть известие, что знамя было сожжено Омаром (перс. Табари, каунпурское изд., 46; перевод Zotenberg, I, 119).

[2]) Agathias, II, 26

[3]) Ibid. IV, 24 и сл.

[4]) Ср. мою статью в ЗВО. XXII, 267 и сл.

книге тоже не имела характера вполне достоверной хроники; иногда даются ошибочные сведения о генеалогии царей; события их царствования иногда излагаются в эпическом освещении, с тенденцией в пользу рыцарской аристократии. Все династии, мифические и исторические, генеалогически связывались между собой, так что по преданию с древнейших времен был только один царский род. И в мусульманский период законными властителями Персии признавались только потомки до-мусульманских царей; чтобы обратить узурпаторов в законных государей, сочинялись фантастические родословные.

После падения иранского государства и установления господства ислама литературные традиции до-мусульманского Ирана поддерживались преимущественно в трех местностях: в западной части Фарса, где в особом учреждении, так называемом «гипсовом замке», из поколения в поколение передавались предания о прежних царях и их сподвижниках; в Исфахане, который при исламе сделался большим городом и центром умственной жизни Персии; в Хорасане, где в Мерве была библиотека пехлевийских рукописей, по преданию привезенных туда во время бегства последнего сасанидского царя Иездегерда III [1]) При этом заботились не столько о сохранении в неприкосновенности древнего предания, сколько о прославлении родной страны и о доказательствах культурного превосходства побежденных персов над победителями арабами. Эта цель отражалась не только на освещении предания, но и на его фактическом составе; передатчики не останавливались перед тенденциозным вымыслом как в пользу своего народа в целом, так, под влиянием местного патриотизма, в пользу своей родины в тесном смысле слова. Убеждать в культурных заслугах персов нужно было не столько самих персов, сколько арабов; мы имеем сведения о нескольких переводах Худай-Намэ и о переводе некоторых других сочинений, причем не делалось различия между историей и историческим романом. Преимущественно разрабатывалась история сасанидов: образованные персы сами вынуждены были признать, что в преданиях о более ранних веках много явно сказочных элементов [2]). Тем не менее эти предания сближались с преданиями других народов (напр., Джемшид

[1]) ZA, XXVI, 263. и сл ЗВО, XXII, 273
[2]) ЗВО, XXII, 270.

с Соломоном) и на этой почве создавались картины всемирной истории, представлявшие соединение преданий библейских, античных, древне-арабских и персидских, с преобладанием последних.

Эта работа производилась, конечно, не в местах хранения персидских преданий, но в центрах обще-мусульманской культурной жизни, особенно в Багдаде. В 923 г. в Багдаде умер, во время составления своего обширного труда по всемирной истории, историк Табари, перс по происхождению, но писавший на арабском языке и едва ли не исключительно по арабским источникам. В 963 г. труд Табари появился в Бухаре, столице династии саманидов, в крайне вольном и часто небрежном переводе, приписанном саманидскому везиру Абу-Али-Мухаммеду ибн-Мухаммеду Бал'ами [1]). Труд Бал'ами или, как его обыкновенно называют, «персидский Табари» теперь, после издания арабского подлинника, представляет интерес не столько как исторический источник, сколько как литературный памятник. В общем сокращая подлинник, переводчик в некоторых местах вставляет в него другие рассказы, преимущественно легендарного характера, причем ссылается на персидские письменные источники. Иногда делаются пояснения, предназначенные для читателей перевода; так, в рассказе о Моисее прибавлено, что Нилом разделяется на две части столица Египта, как бухарским каналом столица саманидов, но что Нил в десять раз шире и глубже бухарского канала. Исчерпывающий разбор «персидского Табари» как литературного памятника, пока еще невозможен; памятник доступен во французском переводе Зотанбера, но критического издания до сих пор нет; существует только несколько восточных изданий; так, в Индии, кроме упомянутого у Rieu более старого издания в Лакноу (Lucknow), еще было сделано издание в Каунпуре (1896). Сравнивая, например, перевод Зотанбера с каунпурским изданием, можно убедиться, что в последнем нет такого характерного для перевода места, как сравнение Нила с бухарским каналом [2]), с другой стороны во вставленном переводчиком рассказе о будто бы совершенной царем

[1]) Имя переводчика есть в переводе Зотанбера (I, 2), но его нет в рукописи Брит. Муз. Add. 7622 (Rieu. Pers. Man., 68 и сл.), где вместо этого сказано, что саманидский эмир Мансур передал повеление сделать перевод через своего вельможу Фаика (о нем в моей книге, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, 262 и сл.)

[2]) Zotenberg, I, 297 и сл.; каунп. изд., 122.

Кубадом податной реформе (488—531) в переводе Зотанбера пропущены слова, находящиеся в каунпурском издании, что переводчик вычитал этот рассказ в персидских исторических известиях [1]) В переводе Зотанбера, как во многих рукописях, сколько-нибудь подробное изложение доводится только до смерти халифа Мутасима (842): кратко, на двух страницах говорится еще о событиях до смерти Мутазза (869). В каунпурском издании, как в двух рукописях Британского Музея, перечисление халифов продолжено до смерти Мустазхира (1118), причем неизвестный продолжатель говорит, что перечисляет халифов до своего времени и предоставляет потомкам прибавить имена своих халифов и султанов. В самой старой рукописи Британского Музея переводчик говорит, что подлинник был доведен до 294 (909) [2]) и что при изложении событий этого года Табари был застигнут смертью: этого места нет ни в переводе Зотанбера, ни в каунпурском издании Существующие версии сильно отличаются друг от друга как по полноте изложения, так и по делению материала на томы: об этом упоминается и в переводе Зотанбера, но без подробностей. Отсутствие критического издания персидского Табари еще в 1895 г было отмечено, как один из существенных пробелов в науке [3]); пробел остается незаполненным и до сих пор

Еще менее выяснен ход развития персидской историографии от «персидского Табари» до позднейших исторических сочинений, которых, по выражению автора обзора персидской литературы в «Grundriss'e», так много, как песку морского. В самом „Grundriss'e“ очерк исторической литературы очень краток и составлен настолько небрежно, что продолжателями Бала'ми названы арабские авторы, сочинения которых в действительности были продолжением арабского подлинника. [4]) Трехтомная «Литературная история Персии» проф. Э. Г. Броуна заключает в себе только одну главу, специально посвященную исторической литературе, именно историкам монгольского периода (XIII—XIV вв.), золотого века персидской историографии [5]). Сведения об остальных

[1]) Zotenberg, II, 152; каунп. изд., 314 и сл.

[2]) Это место соответствует в арабском подлиннике III, 2273,16, где не сказано, что последующее уже не принадлежит самому Табари.

[3]) Восточные Заметки, 190 (статья бар. Розена).

[4]) Grundriss, II, 355

[5]) E. G Browne, A History of Persian literature under Tartar Dominion, Cambridge, 1920, 62—104.

историках разбросаны по всему сочинению, из них Балгами посвящено не более 10 строк [1]). Много сведений о персидской исторической литературе заключает в себе восьмитомная «История Индии, как она рассказана ее собственными историками»—предпринятое Эллиотом (Sir H. M. Elliot) и после его смерти изданное по его бумагам проф. Доусоном (J Dowson) собрание относящихся к истории Индии отрывков, преимущественно из сочинений на персидском языке, в английском переводе, со вступительными статьями об отдельных историках и их сочинениях [2]). По истории самой Персии такой хрестоматии до сих пор нет и составить ее, вследствие большого обилия материала, было бы гораздо труднее. Для получения более подробных сведений о персидских исторических сочинениях необходимо обращаться к каталогам больших европейских библиотек, из которых, вероятно навсегда сохранит первое место каталог Британского Музея [3]), составленный Ch. Rieu, хотя в настоящее время он нуждался бы в переиздании, в виду значительного обогащения как собрания Британского Музея, так и многих других, на которые в каталоге Rieu сделаны ссылки. На русском языке можно найти сведения по персидской историографии в выходившей несколькими изданиями «Истории Персии, ее литературы и дервишской теософии», А. Крымского [4]), именно в главах «Источники и пособия» (т. I) и особенно „Историография" (т. III); в последней рассматриваются историки от XIII до XVI вв. [5]).

„Для ученых труд Табари и потом оставался главным источником исторических сведений о до-мусульманском периоде и первых веках ислама; патриотические стремления персов не могли быть вполне удовлетворены им уже потому, что в нем арабам и

[1]) A Literary History of Persia, I (1902), 368 и сл.

[2]) A History of India as told by its own historians, 1867—1877.

[3]) Ch Rieu, Catalogue of Persian Manuscripts in the British Museum, 1879—1883, к этому «Supplement» 1895.

[4]) Труды по востоковедению, издав. Лазаревским Институтом Восточных языков, вып. XVI. Последнее издание тома I вышло в 1909—1914 г.г., т. III—в 1914—17; вместо тома II-го до сих пор появились только «предварительные издания» или «подготовительные материалы» (3-е издание 1912). В настоящее время предпринято новое издание на украинском языке, со значительными дополнениями: первая часть (IX—X в.в) вышла в 1923 году.

[5]) Ср. также отдел «История» в библиографии к «Краткой грамматике ново-перс. яз» К. Г. Залемана и В. А. Жуковского, 1890.

исламу все же отводится гораздо больше места, чем персам и их культуре. В каунпурском издании труд Бал'ами разделен на четыре тома, из которых Мухаммеду и халифам посвящен только один, четвертый, по размерам, однако, значительно превосходящий три первых вместе взятые. Персидскому обществу был нужен труд о родной старине на родном языке; такой труд и был составлен для современника Бал'ами, хорасанского наместника Абу Мансура Мухаммеда ибн-Абд-ар-Реззака (960—962), причем и в этом случае, как при составлении труда Бал'ами, в основу были положены не подлинные своды иранских преданий, а арабские переводы и переделки. В том же X в. этот труд был переложен в стихи, сначала уроженцем Балха, поэтом Дакики [1]), потом уроженцем Туса (близ современного Мешхеда), Фирдауси. Вместо термина „Худай-Намэ» при исламе (когда слово «Худай» утратило значение «царь» и сохранило только значение „бог") утвердился термин «Шах-Намэ». Стихи Фирдауси и даже Дакики показывают, что в то время уже существовал вполне выработанный эпический стиль [2]), следовательно, у них были предшественники; но произведение Фирдауси, «национальный эпос, какого нет в таком виде ни у одного другого народа», [3]) вытеснило все прежние попытки в том же направлении. По выражению Броуна, оно остается до сих пор «главным источником, откуда персы заимствуют свое представление о древней истории своего народа» [4]). Уже в словах, приписанных Махмуду Газневидскому (998—1030), обращенных к его врагу, буиду Меджд-ад-дауля (997—1029), Шах-Намэ, как «история персов», ставится рядом с трудом Табари, как «историей мусульман» [5]) В персидских эпических стихах, в подражание эпосу Фирдауси, впоследствии прославлялись мусульманские властители, не только персидские, до Фатх-Али-шаха (1797—1834) [6]), но и туркестанские, до вступившего на престол в первый раз в 1845 г. и низложенного в 1875 г. Худаяр-хана кокандского [7]).

---

[1]) ЗВО, XXII. 278 и сл. Grundriss, II, 143—152.
[2]) Grundriss, II, 149.
[3]) Слова Т. Нельдеке, приведены в ЗВО, XXII, 257.
[4]) A Liter. History of Persia, I, III.
[5]) Ibn el Athir, IX, 261.
[6]) Grundriss, II, 239.
[7]) ИАН, 1921 г., 55.

Эпос Фирдауси доведен до завоения Персии арабами Ни Бал'ами, ни Фирдауси не интересовались появившимися в Хорасане с IX в. мусульманскими династиями, которым приписывалось родство с древне-персидскими царями В то время уже существовал специальный труд по истории хорасанских правителей, но на арабском языке [1]). Арабский язык применялся историками—персами в сочинениях не только по всеобщей, но и по местной истории; когда появились сочинения по истории городов и т. п., написанные по персидски, то авторы их находились в такой же зависимости от своих предшественников, писавших по-арабски, как авторы всеобщих историй.

Древнейший, дошедший до нас оригинальный исторический труд на персидском языке, труд Гардизи, составленный в средине XI в., сохранился только в двух рукописях, из которых одна—копия другой, и до сих пор не издан. [2]). К до-мусульманской истории и истории халифов Гардизи присоединяет историю Хорасана до современной ему династии газневидов, в частности до 1041 года; при изложении событий до 955 г. он пользуется арабским трудом Селлами. К историческому труду Гардизи приложены главы историко-географического содержания, посвященные Индии и стране турок (в Средней Азии); в этих главах он также находится всецело в зависимости от арабских источников и довольно часто неверно переводит арабский текст [3]); тем не менее его труд имеет для нас большое значение, в виду утраты некоторых из его арабских источников [4]). То же самое относится к более раннему анонимному географическому труду на персидском языке, составленному в 982—3 гг. также в пределах современного Авганистана [5]).

---

[1]) О труде Селлами мой «Туркестан», II, 11; об имени поправка Orient Studien, Th. Noldeke gewidmet, 1906, I, 174. пр. 2. Упоминается еще (Якут, Иршад-ал-Ариб, изд. Margoliouth, 140) продолжатель труда Селлами также, повидимому, писавший на арабском языке, Абул-Хасан Мухаммед-ибн-Сулейман-ибн-Мухаммед.

[2]) В. Бартольд, Туркестан, II, 22 и 520. Там же (I, 1—18) отрывки из текста Гардизи.

[3]) Ср. выражение Маркварта (Osteurop. und ostasiat. Streifzuge, 1903, 31): «wimmelt von Uebersetzungsfehlern».

[4]) Текст и русский перевод главы о турках в моем «Отчете о поездке в Среднюю Азию», 1897, 80—126.

[5]) ЗВО, X, 121—137.

XI. в вообще был золотым веком персидской литературы, поэтому история первых правителей из династии газневидов нам известна сравнительно хорошо Современник султана Махмуда (998—1030), придворный историк Утби, писал по арабски, притом крайне изысканным слогом; его труд был переведен на персидский язык только в XIII в. уже в западной Персии, когда и в персидской историографии появился вкус к риторическому слогу; с персидского языка был сделан перевод на английский язык [1]). Труд Утби и в арабском подлиннике, и в персидском переводе пользовался большой популярностью; им пользовались многие историки, арабские и персидские, часто переписывая его буквально [2]). Совершенно иначе, почти обыденным разговорным языком, писали персидские историки XI в., кроме Гардизи также Абу-л-Фазл-Бейхаки, написавший историю газневидов с 1018 г. До нас дошла только часть его труда, посвященная царствованию султана Мас'уда (1030—1041 гг.); эта часть соответствует томам от 6-го до 10-го; всего томов было 30, из чего можно заключить, что автор довел свой труд почти до своей смерти, последовавшей в 1077 г (дошедшая до нас часть писалась в 1058 и 1059 гг.). Уже из этого видно, что изложение чрезвычайно подробно. Сочинение Бейхаки представляет не исторический труд в собственном смысле слова, а записки автора о современных ему событиях; как чиновник государственной канцелярии, он мог сообщить подробные сведения о действиях султанов и главных чиновников; в этом отношении его труд есть живое отражение его эпохи. Полного экземпляра не было уже в XII в.; встречаются ссылки, даже у автора XV в., на утраченные первые томы; ссылки на последние 20 томов до сих пор не отмечались. Ни критического издания [3]), ни перевода труда Бейхаки нет; есть довольно подробный конспект его содержания на французском языке [4])

Бейхаки только в одном месте ссылается на письменный источник, именно на собственноручную запись знаменитого ученого Абу-Рейхана Бируни [5]) о событиях в Хорезме. Книга Бируни поси-

[1]) Reynolds, The Kitabi Yamini, 1858.
[2]) В. Бартольд, Туркестан, II, 20 и сл.
[3]) О существующих изданиях В. Бартольд, Туркестан, II, 23 и сл., 521
[4]) A Biberstein—Kazimirski, Menoutchehri, Poète persan du 11—me siècle, 1887, 17—131.
[5]) О нем В. Бартольд, Мус. мир, 59.

ла заглавие «Известные люди Хорезма»; [1]) Бейхаки заимствует оттуда рассказ о столкновении между Махмудом газневидским и правителем Хорезма Мамуном, кончившемся убиением Мамуна в марте 1017 г. и завоеванием Хорезма Махмудом [2]) Из слов Бейхаки не видно, писал ли Бируни на арабском или на персидском языке; вообще труды Бируни написаны по арабски, причем среди них есть переводы с персидского и с санкритского Книга по истории Хорезма не упоминается в составленном самим Бируни списке его сочинений до 1040 г., [3]) но упоминается под несколько иным заглавием [4]) в биографии Бируни, вошедшей в биографический словарь Якута; там же упоминается другой исторический труд Бируни: «История правления султана Махмуда и известия о его отце».

На персидском языке, вероятно, был составлен труд приятеля Бейхаки. [5]) Махмуда Варрака, посвященный, по всей вероятности, всеобщей истории, так как обнимал историю «нескольких тысяч лет»; Махмуд Варрак остановился на 409 г. хиджры (1018—9) именно потому, что с этого года начинался труд Бейхаки; датой составления труда Махмуда был 450 г. хиджры (1058). Бейхаки ссылается на Махмуда Варрака в рассказе о событиях IX в. и называет его достоверным историком; тем не менее этот труд, повидимому, был рано утрачен так как нигде больше не упоминается.

В том же XI в. Хорасан был завоеван туркменским народом, во главе которого стояла династия сельджукидов; завоеватели тотчас двинулись на запад и быстро подчинили себе всю мусульманскую Азию, от границ Китая до Средиземного моря, на западе ими не только были остановлены успехи византийцев, с X в. вновь перешедших в наступление на ислам, но была прочно присоединена к мусульманскому миру Малая Азия, к чему тщетно стремились халифы. С распространением на запад сельджукидской империи распространилось и влияние восточно-иранской культуры; самое характерное явление—постепенное перенесение в Месопотамию.

---

[1]) Baihaki, ed Morley, 837.
[2]) В. Бартольд, Туркестан, II, 289—294.
[3]) Alberuni; Chronologie: ed. Sachau, введение.
[4]) Беседа об истории Хорезма (Якут, Иршад, изд. Margoliouth, VI. 311).
[5]) Baihaki, ed. Morley, 317: В. Бартольд, Туркестан, II, 22

Сирию, Египет и северную Африку выработанного в восточном Иране типа высшей богословской школы—медресе. [1]) В государственную терминологию проникают термины персидского происхождения, употребляемые даже историками, писавшими по арабски; кроме отмеченного мною в другом месте [2]) хорасанского термина «ходжа» в смысле «чиновник» сюда относится рассказ историка Абу-Шуджа продолжателя Ибн-Мискавейха. [3]) о введении при «турецкой державе», т. е. при сельджукидах, должности «эмира справедливости» (амир-и-дад), для принятия жалоб. [4])

С этим были связаны и успехи персидской историографии. Прежде, под властью пришлецов—буидов, в западной Персии историки писали, повидимому, только по арабски; теперь еще в XI в. персидский министр составил для своего турецкого государя, жившего преимущественно в западной Персии, руководство по управлению государством, причем теоретические положения иллюстрируются историческими рассказами, правда, не всегда достоверными. [5]) Этот труд доступен в европейском, хотя и недостаточно критическом издании, и во французском переводе также далеко не свободном от ошибок; [6]) в дополнительном томе издателем сообщены другие тексты (без перевода), исторические и географические, относящиеся к той же эпохе. Siasset Namèh. Traité de gouvernement composé pour le sultan Melik Chah par le vizir Nizam-oul-moulk. Texte persan édité par Ch. Schefer. 1891: Traduction, 1893: Supplément, 1897

Употребление персидского языка в исторической литературе западной Персии в эту эпоху еще не вполне упрочилось; составленные в XII в. на персидском языке записки министра Ануширвана ибн-Халида Кашани, обнимающие события от 1072 до 1134 г., дошли до нас только в изложении историка также пер-

---

[1]) В. Бартольд, Ислам, 1918, 52

[2]) Туркестан, II, 238. Ср. об'яснение слово «ходжа», как хорасанского (в смысле почтительного обращения к старцу), у Мас'уди, Prairies d'or, IX, 24

[3]) Мус. мир, 57. В настоящее время полностью изданы и переведены на английский язык не только оба тома Ибн-Мискавейха, имеющие для нас значение первоисточника (в виду утраты его источника, Сабита ибн-Синана), но и труд его продолжателя Абу-Шуджа, под общим заглавием „The Eclipse of the Abbasid Caliphate", Oxford, 1920—1.

[4]) Eclipse etc, III, 52 (текст); VI, 51 (перевод).

[5]) Nöldeke в ZDMD, XLVI, 767.

[6]) В. Бартольд, Туркестан, 249 и 328.

сидского происхождения, но писавшего по арабски, Имад-ад-дина Исфахани. [1]) В восточном Иране гораздо чаще встречаются примеры перевода с арабского языка на персидский, причем часто бывает, что написанный первоначально по арабски труд известен нам только в персидском переводе, обыкновенно сокращенном. Первоначально на арабском языка, в виду более богословского, чем исторического содержания этих трудов, [2]) писались и сочинения по истории иранских городов. Из них более всего ценного материала дает составленный в 332 (943—4 г.) труд Наршахи по истории Бухары, переведенный на персидский язык только в 522 (1028—9 г.), когда, по словам переводчика, «люди большею частью не питали склонности к чтению арабских книг». Дошедшая до нас версия, доступная в персидском издании [3]) и русском переводе, [4]) еще более сокращена и относится к первой половине XIII в. (последнее событие, упоминаемое в ней— взятие Бухары Чингиз ханом в 1220 г.); но и эта версия дошла до нас только в поздних рукописях, причем есть основание полагать, что еще в XVI в. существовал более полный текст труда Наршахи. [5]) Более искажена позднейшими прибавками и заключает в себе менее точных сведений дошедшая до нас, также в сокращенном персидском переводе и частью переведенная на русский язык, [6]) история Самарканда, первоначально составленная в XII веке на арабском языке богословом Абу-Хафсом Омаром Несефи.

К началу XIII века на персидском языке уже писались исторические сочинения на всем пространстве, на которое распространялось влияние персидской культуры, напр., в строительном искусстве, от Индии до Малой Азии. Приблизительно в одно и то же время, в первые годы XIII в., были составлены истори-

---

[1]) В. Бартольд, Туркестан. II, 28 и сл.

[2]) Мус. мир, 54.

[3]) Moh. Nerchakhi, Description topographique et historique de Boukhara publ. par Ch. Schefer, 1892. Рецензия В. Бартольда в ЗВО. IX, 313-316.

[4]) Мух Наршахи, История Бухары, перевод с персидского Н. Лыкошина, Ташкент, 1897. Рецензия Н. И. Веселовского в ЖМНП, 1897 дек. 416—468.

[5]) Ср. мою статью «Bukhara» в EJ, I, 815

[6]) В. Л. Вяткиным, в Справ. кн. Самаркандск. обл.; вып. VIII (1906). Рецензия В. Бартольда в ЗВО, XVIII, 0182 - 0189, где приводятся сведения о составных частях дошедшей до нас версии.

ческие труды Хасана Низами [1]) для правителя Дели и Мухаммеда Равенди [2]) для малоазиатского султана; последний труд был переведен в XV в. на турецкий язык. [3]) Большая часть этой литературы утрачена и известна нам только по заглавиям. Перечислять эти заглавия здесь едва ли представляется необходимым; отчасти это сделано в моей книге «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». За последние годы были найдены рукописи некоторых трудов, считавшихся утраченными; о других выяснились некоторые новые подробности. Так установлено, что написанная в XI в. Муфаддалем Мафаррухи монография о городе Исфахане, известная ранее только в персидском переводе, [4]) сохранилась также в арабском подлиннике, притом в нескольких экземплярах [5]). В 1912 г. частным лицом был приобретен экземпляр составленного в самом начале XIII в. сочинения Фахр-ад-дина Мерверруди, считавшегося утраченным и упоминавшегося в качестве «стихотворной хроники»; [6]) в действительности оно оказалось собранием генеалогий, притом написанным в прозе [7]). Бывают, однако, и обратные примеры—что уже найденное сочинение вновь становится утраченным. Издателем труда Равенди выяснено, что единственным письменным источником этого автора было «Сельджук-Намэ» Захир-ад-дина Нишапури, составленное при последнем сельджукидском султане Персии, Тогруле (1177—1194) [8]). Очень вероятно, что это сочинение имелось в рукописи Королевского Азиатского Общества в Лондоне № 138, в свое

---

[1]) О нем Ch. Rieu, Pers Man., p 239.

[2]) Теперь издан по единственной известной рукописи в серии Гибба (E.J.W. Gibb Memorial Series; New Series II): Muhammed ibn-Ali-ibn Sulayman ar Rawandi, The Rahat-us sudur wa Ayat-us-Surur, edited by Muhammad Iqbal, 1921. В предисловии даны подробные сведения об авторе и его сочинении.

[3]) Ср. мой „Туркестан", II, 30 и сл.

[4]) Об этом статьи E. G. Browne в JRAS, 1911, 411—446 и 661—704 и т. 1917, 676.

[5]) Об одном E. G. Browne в JRAS, 1917, 676; два других находятся в Брит. Музее, 6 г 3501 и 7952. Замечательно, что первый из них был приобретен еще в 1838 г; тем не менее он не вошел в дополнительный арабский каталог Rieu, вышедший в 1894 г.

[6]) В. Бартольд, Туркестан, II, 32.

[7]) E. D. Ross в A Volume of Orient. Studies presented to E. G. Browne, 1922, 392—413.

[8]) Rahat-us-Sudur, pref.: p. XXIX.

время описанной в каталоге Морлея (1854), но теперь она, как мне было сообщено в библиотеке Общества, считается утраченной

Из составленных в XII в. трудов по всеобщей истории можно назвать анонимное сочинение «Свод летописей и рассказов» (Муджмиль-ат-таварих уа-л-кысас), написаное в 1126 г. и сохранившееся только в одной рукописи (1410 г.), [1]) в конце прибавлен рассказ о событии 1153 г. В этом сочинении больше всего привлекали европейских исследователей извлеченные из арабских источников данные о персидском эпосе; [2]) кроме того, представляют интерес главы об Индии и о турецких народностях [3]) История мусульманской Персии излагается очень кратко. .

Последнее относится вообщее к персидской исторической литературе до-монгольского периода; едва ли не единственным исключением является труд Абу-л-Фазла Бейхаки. Написать историю Персии до монгольского нашествия по персидским сочинениям, не прибегая к арабским, было бы совершенно невозможно. Одинаковы кратки и неточны сведения об истории первых династий и сведения, относящиеся к культурной истории, напр. биографические сведения о литературных [4]) и религиозных деятелях. Несколько сочинений, относящихся к этой области, вошли в пять томов [5]) серии «Персидских исторических текстов», издававшейся в Англии в 1901 по 1907 г. и, насколько мне известно, не имевшей продолжения.

Совершенно иной характер получила персидская историческая литература с XIII в. Кроме событий царствования Мас'уда газневидского, походы Чингиз-хана—едва ли не первое событие мусульманской истории, о котором до нас дошли подробные рассказы на персидском языке. В одном и том же году (1260) были составлены: в Индии всеобщая история Минхадж-ад-дина

---

[1]) В Париже, Ancien Fonds Persan, № 62 — E. Blochet, Catalogue des manuscrits persans de la Bibl Nationale, № 245 (I, 194—196).

[2]) Бар. В. Р. Розен в «Восточных Заметках» (1895), 171—188.

[3]) Об этом (с указанием литературы) мой «Туркестан», II, 38; к литературе можно прибавить статью Катрмера в JA, 1839 (3, VII, 246—285).

[4]) См. мою статью «To the Question of Early Persian Poetry» (Bull of the School of Orient Studies, II, 836—838).

[5]) Именно антологии Даулетшаха (XV в.) и Ауфи (XIII в., ср. Grundriss, II, 213), всего 3 тома, и сочинение Ферид-ад-дина Аттара XIII в.) о мистиках, 2 тома (ibid. 286 и сл.).

Джузджани, под заглавием «Насировы таблицы» (Табакат-и-Насири; труд посвящен делийскому султану Насир-ад-дину Махмуд-шаху 1246—1275), и в западной Персии или Багдаде-история монгольского нашествия Ала-ад-дина Ата-Мелика Джувейни, под заглавием «История завоевателя мира» (Тарих-и-Джехан-Гушай). Первая [1]) издана и переведена только отчасти, причем переведена (на английский язык) более значительная часть, чем издана; о династиях мусульманской Персии даются такие же краткие сведения, как в других сочинениях; несколько подробнее сведения по истории той страны (Гур, в Афганистане), из которой происходил автор: еще подробнее говорится о монгольских завоеваниях, особенно в Афганистане The Tabakat-i-Nasiri, translated by Raverty. Lond. 1881.

Джувейни, находившийся уже тогда на службе у монгольских завоевателей Персии, специально посвятил свой труд истории монголов. Первый том заключает в себе историю Чингиз-хана, его двух первых преемников и начальную историю государств, находившихся под властью его двух старших сыновей, второй—историю государства хорезмшахов до завоевания монголами и монгольских правителей восточной части Ирана; третий—историю событий после 1251 г и историю завоевания монголами в 1256 г. государства исмаилитов; в некоторых рукописях прибавлена еще глава о взятии монголами Багдада (1258), будто бы составленная астрономом Насир-ад-дином Туси [2]) (умер в 1274 г., еще раньше Джувейни). Несмотря на нападки, которым подвергался Джувейни со стороны европейских исследователей за слишком цветистый слог и за лесть монгольским завоевателям, его труд по полноте и точности сведений безусловно превосходит все прежние труды персидских историков; для изучения монгольских завоеваний он является незаменимым источником; о действиях некоторых монгольских отрядов мы знаем только из труда Джувейни.

[1]) О ней (с указанием литературы) мой «Туркестан», II, 39. Ср. также Rieu, Catalogue of Pers. Man., 72, Elliot, Hist. of India, II, 259—383. Издание и перевод «Насировых таблиц» вошли в серию «Bibliotheca Indica».

[2]) Так сказано в статье Э. Г. Броуна (JRAS, 1904, 32), без ссылки на источник, впоследствии, в 1920 г. (Hist. of Persian literature etc., 66), сам Э. Г. Броун писал об этой главе только, что она «probably an addition by a later hand»; хотя во введении к изданию труда (introd., p. LXIII; перс. введ., стр. 83) эта дополнительная глава также приписывается Насир-ад-дину Туси.

О несправедливости нападок на Джувейни и о необходимости издать его труд писал, между прочим, Э. Г. Броун, посвятивший Джувейни, кроме отдельных страниц своей «Литературной истории Персии», [1]) особую статью [2]) и в то время предполагавший включить труд Джувейни в издававшуюся им серию «Персидских исторических текстов». Это намерение не осуществилось, но впоследствии труд Джувейни вошел в другую серию, именно в серию изданий в память ориенталиста Гибба (E. J W. Gibb Memorial Series ,vol XVI). Издатель (персидский ученый Мирза Мухаммед Казвини) тщательно собрал в предисловии (английский перевод его принадлежит Э. Г. Броуну) известия об авторе и его труде, тщательно сопоставил рукописные варианты, но для установления правильного чтения собственных имен, особенно монгольских, он не располагал необходимыми данными, и в этом отношении его труд не удовлетворяет требованиям предъявляемым к «критическому изданию». Перевода труда Джувейни, хотя бы сокращенного, до сих пор нет, переводились только отдельные главы

Продолжателем Джувейни был в XIV в. историк Вассаф, приступивший к составлению своего труда весной 1300 г., закончивший и представивший султану первые четыре части в 1312 г. и впоследствии, в 1328 г., присоединивший к ним пятую часть, весь труд доведен до 1319 г. [3]) Труд Вассафа написан еще гораздо более риторическим слогом, чем труд Джувейни, вследствие чего пользование им крайне тягостно для европейского читателя; в то же время он, однако, заключает в себе большое число интересных фактических сведений. По (несколько наивно выраженному) замечанию Э. Г. Броуна, [4]) «мы охотнее могли бы простить автора, если бы его труд был менее ценен, как первоисточник для того периода которому он посвящен; но в действительности он столь же важен, как неудобочитаем». Труд

[1]) Особенно II, 473; History of Pers. Lit., 65 и сл

[2]) JRAS, 1904, 27—43 Приведенные там сведения далеко не полны; так, автор полагал (28 и сл), что из труда Джувейни издан только один отрывок, в «Персидской хрестоматии» Шефера; между тем, в то время уже были изданы и даже переведены некоторые другие отрывки. Эти сведения потом были приведены в моей статье «Djuwaini» в EI, I, 1116.

[3]) В. Бартольд, Туркестан, II, 49 и сл

[4]) Hist of Persian Lit., 68.

Вассафа был полностью литографирован в Бомбее (1853), в европейском издании и переводе появилась только первая часть. Hammer—Purgstall, Geschichte Wassafs, Wien. 1856.

В пятой части своего труда Вассаф уже мог пользоваться «Сборником летописей» (Джами'-ат-теварих) Рашид-ад-дина, представляющим последнее слово персидской историографии. [1]) Врач по профессии, Рашид-ад-дин на шестом десятке жизни сделался историком для монгольского властителя Персии, Газан-хана (1295—1304), на седьмом—богословом для его брата и преемника, султана Улчжэйту (1304—1316); в то же время он фактически стоял во главе монгольской администрации в Персии; при следующем султане Абу-Саиде он был обвинен в отравлении Улчжэйту и в 1318 г. казнен. Составление истории монголов было поручено ему Газан-ханом; кроме персидских источников, в особенности труда Джувейни, он пользовался монгольской оффициальной хроникой, хранившейся в ханской сокровищнице и называвшейся «Золотой книгой» (Алтан-дептер). Доступ к ней имели только члены царствовавшего дома и знатнейшие монгольские вельможи; Рашид-ад-дин пользовался ею и другими монгольскими преданиями через посредство вельможи Пулада прибывшего из Китая в 1286 г. с поручением от своего государя и, вопреки воле последнего, оставшегося в Персии; Пулад считался лучшим знатоком монгольских преданий. Значительная часть сочинения посвящена современным автору и происходившим при его участии событиям, так как история доведена до смерти Газан-хана; автор поступил на государственную службу еще при хане Абаке (1265—1282). Там, где ему приходилось пользоваться персидскими письменными источниками, выписки делались для него другими лицами; один из этих сотрудников, Абдаллах Кашани, в другом труде называет автором «Сборника летописей» себя и обвиняет Рашид-ад-дина в присвоении чужого труда. Однако, слог Абдаллаха Кашани сходен со слогом Рашид-ад-дина только там, где оба пользуются письменными источниками, и по обычаю средневековых компиляторов, переписывают их текст почти без перемены выражений; там, где они говорят о современных им событиях, они пишут совершенно различным слогом. Абдаллах

[1]) Подробности об авторе и его труде изложены мною в «Мире Ислама» 1912 г., 73—104.

Кашани — историк по профессии, и слог его соответствует традициям персидской историографии XIII в.; Рашид-ад-дин и в тех случаях, когда пользуется монгольскими преданиями, и тогда, когда пишет о лично известных ему фактах, излагает их самым простым слогом, без всяких «украшений» в духе требований персидского красноречия. К истории монголов им потом была присоединена история Индии, турецких народов, Китая, евреев и франков (европейцев); эта часть была составлена с помощью сотрудников из представителей соответствующих народов, считавшихся знатоками истории своих соплеменников; из них называются: кашмирский отшельник Камалашри и два ученых китайца. К этому были прибавлены история секты исмаилитов, до завоевания их замков монголами в 1256 г., [1]) наконец, история Персии и мусульманского мира, по мусульманским письменным источникам; в этой части своего труда Рашид-ад-дин был, конечно, только компилятором. Такая последовательность составления «Сборника летописей» определяется датами, упомянутыми в тексте; при переписке сочинения было установлено, повидимому, несколько иное распределение частей, хотя как порядок глав, так даже порядок томов различен в различных рукописях, [2]) и по дошедшим до нас спискам трудно сказать, получил ли труд Рашид-ад-дина вообще окончательную отделку. Последний том должен был заключать в себе географическое приложение, с описанием всех торговых путей монгольской империи; есть основание полагать, что этот том вообще не был написан.

Как свод исторических материалов, труд Рашид-ад-дина — единственное в своем роде явление в мировой литературе; ни раньше, ни после не было такой попытки составить свод исторических сведений обо всех народах от Атлантического до Великого океана при сотрудничестве представителей отдельных народов. Подобный труд не мог не способствовать расширению исторического кругозора; сотрудником Рашид-ад-дина, Абдаллахом Кашани, выражен взгляд, что история арабов и персов есть только одна из рек,

[1]) Об этом, например, Мир Ислама, I, 74.

[2]) Сведения об этом, очень неполные (приняты в расчет только рукописи, находящиеся в Англии, Париже, Вене, Мюнхене, Константинополе и Калькутте), собраны Э. Г. Броуном в JRAS, 1908, 17—37; там же предложен план издания всего текста в семи томах, независимо от порядка, принятого в рукописях (ср. также Hist. of Pers. Lit., 74).

впадающих в море всемирной истории; между тем европейские ученые нередко и теперь склонны понимать под всемирной историей только историю романо-германского мира. О задачах исторической критики автор или, вернее, редактор «Сборника летописей» не имел представления; столь же мало он думал о воспроизведении общей картины мировой истории. Его целью было изложение преданий каждого народа в том виде, как их рассказывали представители этого народа; этой цели он оставался верен, не останавливаясь перед изложением преданий, находившихся в полном противоречии с мусульманским вероучением, и не делая никаких уступок литературным вкусам своей эпохи.

О «Сборнике летописей» уже существует довольно обширная литература; тем не менее мы до сих пор не имеем полного издания этого труда, и многие вопросы, связанные с ним, остаются недостаточно выясненными Так, Э. Г. Броун [1]) утверждает, что историк Бенакети, писавший в 1317 г., дополнил труд Рашид-ад-дина некоторыми новыми данными; как пример, приводятся сведения по истории Европы и рассказ о китайском книгопечатании: в действительности все это заимствована у Рашид-ад-дина, [2]) и труд Бенакети представляет только конспект «Сборника летописей».

Издание труда Рашид-ад-дина предпринималось несколько раз, но никогда не доводилось до конца. Часть истории монголов, именно история монгольского государства в Персии, должна была войти в роскошную серию, задуманную при короле Луи-Филиппе: «Collection Orientale Manuscrits inédits de la Bibliotèque Royale traduits et publiés par ordre du Roi». Выполнение этой работы было поручено Катрмеру; вышел (в 1836 г.) только первый том, заключающий в себе текст и перевод предисловия Рашид-ад-дина и истории царствования Хулагу (1256—1265); в начале тома помещено классическое, как все труды Катрмера, исследование о жизни и трудах Рашид-ад-дина Histoire des Mongols de la Perse écrite en persan par Raschid-eldin, publiée, traduite en français, accompagnée de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur par M Quatremère.

---

[1]) Hist. of Pers. Lit. 101 и сл.

[2]) Рассказ Рашид-ад-дина о китайском книгопечатании уже был опубликован бар. Розеном (Collections scientifiques de l' Inst des Langues Orientales, III, 108 и сл)

Из русских ученых проф. И. Н. Березин в 1850-х годах задумал издать и перевести «Историю монголов»; издание вошло в «Труды восточного отделения Русского Археологического Общества»; изданы были сначала перевод, потом текст введения (о турецких и монгольских племенах), потом вместе, в двух томах, текст и перевод истории Чингиз-хана; на этом издание и перевод остановились, хотя еще в 1870 г., в «Histoire des Orientalistes de l'Europe» Дюга в биографии Березина было заявлено, что им переведена вся история Чингиз-хана и его преемников до истории персидских монголов. „Сборник летописей. История монголов, сочинение Рашид-ад-дина". Труды Восточного отделения Русского Археологического Общества, части V (1858), VII (1861), XIII (1868) и XV (1888).

Наконец, в 1903 г. [1]) издание Рашид-ад-дина, на этот раз без перевода, вновь было поставлено на очередь редакторами серии в память Гибба. Издание было поручено Э. Блошэ, причем было решено издать сначала второй том (историю преемников Чингиз-хана в Монголии, Средней Азии и Китае до начала XIV в.), так как части, которые должны были составить первый том (введение и история Чингиз-хана) уже были изданы Березиным. К началу 1908 г. в корректуре был уже 21 лист этого тома; [2]) весь том (617 страниц текста, с подробными примечаниями, и 72 стр. приложения) вышел только в 1911 г (т. XVIII серии). Годом раньше издатель выпустил также в серии Гибба (т. XII), в качестве введения к изданию, не вполне удачное исследование об «Истории монголов». [3])

На этом предприятие остановилось; в настоящее время редакторами серии Гибба, как мне известно, предпринимаются меры для его возобновления, с поручением дела, в виду отказа Блошэ, другому лицу.

Для персидской историографии труд Рашид-ад-дина не мог пройти бесследно, но не имел и тех последствий, каких можно было ожидать. Слишком прочно утвердились к началу XIV в. литературные вкусы, при которых в исторических сочинениях забота о полноте и достоверности материала совершенно отходила

[1]) JRAS, 1908, 37.
[2]) Ibid, 29.
[3]) Ср. мою рецензию в «Мире Ислама», I, 56 и сл.

на задний план перед заботой о форме изложения. Особенно характерны упомянутые выше подражания «Шах-Намэ» Фирдауси, существовавшие и в до-монгольский период хотя и не дошедшие до нас; так, упоминается «Шаханшах Намэ» в честь хорезмшаха Мухаммеда (1200—1220) [1]. С XIV в. эти попытки становятся чаще; так труд Рашид-ад-дина вызвал не менее четырех рифмованных хроник, посвященных частью истории мусульманского мира до монголов включительно [2], частью специально истории монголов [3], и не обладающих никакими поэтическими достоинствами.

Автор одной из этих рифмованных хроник, Хамдаллах Казвини, является также автором двух других сочинений, исторического и географического. Его исторический труд «Избранная история» (Тарихи-Гузидэ) доведен до 1329 г.; Э. Г. Броун предполагал включить его в свою серию «Персидских исторических текстов», в качестве «превосходного исторического учебника» [4]; впоследствии он был включен в серию Гибба, причем на этот раз Э. Г. Броун называет его только «полезным сводом» (useful compendium) персидской и мусульманской истории. Хамдаллах Казвини находится в некоторой зависимости от Рашид ад-дина, но далеко не в такой степени, как Бенакети, с которым его в этом отношении сопоставляет Броун; при изложении истории до-монгольских династий он иногда руководствуется другими источниками: в главе о монголах он иногда, несмотря на краткость изложения, сообщает интересные данные, которых у Рашид-ад-дина нет Серия Гибба (т. XIV, части I и II), помимо издания текста, заключает в себе также сокращенный перевод; тем не менее, данные, сообщаемые Э. Г. Броуном об «Избранной истории», как в предисловии к его изданию и переводу, так впоследствии в его «Истории персидской литературы» [5] остаются

[1]) Muh Awfi, Lubabu-l'-Albab, ed. Browne, II, 345.

[2]) «Зафар-Наме» Хамдаллаха Казвини, в рукоп. Брит. Муз. Or. 2838; Hist of Pers Lit, 95 и сл.

[3]) Хроника Шемс-ад-дина Кашани, в рукоп. Парижской Национальной Библ. № 1443; Blochet, Introd. à l'hist. des Mongols, 94 и сл.— Шаханшах-Намэ" или „Чингиз-Намэ", Ахмеда Тебризского, в рукоп. Брит. Муз. Or. 2780. (Rieu, Supplément, p. 135); «Газан-Намэ», Нур-ад-дина ибн-Шемс-ад-дина Мухаммеда, в рукописи, принадлежащей Э. Г. Броуну (Hist. of Pers. Lit., 103.)

[4]) Excellent history manual, JRAS, 1909, 721.

[5]) Hist. of. Pers. Lit., 87-95.

неполными. Перечисляя главы, бывшие доступными в печатных изданиях до 1910 г., Броун не называет ни главы о саманидах, изданной Шефером [1]), ни главы о сельджукидах, переведенной Дефремери [2]); Броуну также осталось неизвестным, что Хамдаллах Казвини впоследствии продолжил свой труд до 741 (1340—1) года, а его сын Зейн-ад-дин продолжил труд отца до завоевания Персии Тимуром. Издавая текст, Э. Г. Броун ограничился воспроизведением, посредством факсимиле, одной рукописи, повидимому, далеко не лучшей, хотя число рукописей, по его собственным словам, довольно значительно; едва ли не лучшая из них (повидимому, единственная, заключающая в себе продолжение труда самим автором и его сыном) находится в библиотеке Ленинградского Университета (№ 153).

Еще больший интерес представляет историко географический труд того же автора, «Услада сердец» (Нузхат-ал-Кулюб), составленный в 1339 г. Подобно всем персидским географам, Хамдаллах Казвини широко пользуется арабской географической литературой X в., но, в отличие от многих других авторов, даже арабских, дополняет и исправляет текст своих предшественников на основании данных, относящихся к его времени. Большой интерес представляют сообщаемые им сведения о торговых путях и о доходности отдельных областей, как при монголах, так и в эпоху сельджукидов; он пользовался недошедшим до нас оффициальным описанием страны, составленным при султане Мелик-Шахе (1072—1092). [3]) Труд Хамдаллаха Казвини, подобно многим другим трудам (напр., труду арабского автора XIII в., Закарии Казвини), разделялся на две части, космографическую и географическую; текст и перевод географической части вошли в серию Гибба (т. XXIII, части I и II). Монетная система монгольского периода осталась для переводчика [4]) (G. Le Strange), как и в прежних его работах [5]), неясной, вследствие чего его примечания к переводу могут ввести в заблуждение читателя. Раньше текст был до-

[1]) В издании Нершахи (см. выше стр. 70), 99-111.

[2]) JA, 4, XI, XII, XIII (1848—9). Ср. мой «Туркестан», II, 51, где опущен т. XIII.

[3]) Ср. мое исследование «Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче", 1911 (Анийская серия, № 5), 20 и раньше ЗВО, XIX, 131.

[4]) Стр. 32 и сл. перевод.

[5]) Ср. Анийская серия, № 5, стр. 44.

ступен только в восточном литографированном издании; отдельные главы, относящиеся к Персии, кроме того были изданы Шефером в упомянутом выше (стр. 69) прибавлении к его изданию труда везира Низам-ал-мулька.

События конца XIV и начала XV в., связанные с образованием империи Тимура (Тамерлана) и его потомков, способствовали развитию персидской историографии. До нас дошли три версии официальной истории, составленной по распоряжению Тимура, причем последняя, окончательная, версия относится к несколько более позднему времени; автор этого труда, Шереф-ад-дин, писал более чем через 20 лет после смерти Тимура для его внука. Полностью издана в России (на западе она почти неизвестна [1]) только первая версия, причем в предисловиях издателя (покойного Л. А. Зимина) и редактора подробно рассмотрен вопрос о ее отношении к версиям второй и третьей [2]. «Книга о победе» (Зафар-Намэ) Шереф-ад-дина издана в Индии, без сделанного автором введения, посвященного обзору истории монгольского государства; существует устарелый французский перевод XVIII в. также без введения [3].

Кроме этой главной официальной истории, часто приобретающей, особенно в окончательной версии, характер панегирика, существует еще несколько других сочинений, написанных для первых потомков Тимура и большею частью сохранившихся каждое в одной или двух рукописях, причем даже имена авторов не всегда известны. Из всей этой литературы [4] больше всего значения имеют историко-географический (неоконченный, без заглавия) и исторический труды Хафизи-Абру, писавшиеся в течение второго и третьего десятилетий XV в. и до некоторой степени являющиеся, как в свое время труд Рашид-ад-дина, сводом всего исторического материала, бывшего известным в то время в Персии. На основании данных, приведенных в известность до настоя-

[1]) E. G. Browne (Hist. of. Pers. Lit., 361) о ней не упоминает.
[2]) Тексты по истории Средней Азии, вып. I, 1915.
[3]) Ср. мой «Туркестан», II, 55.
[4]) К ней мне приходилось возвращаться несколько раз; кроме «Текстов по истории Ср. Азии» см. ЗВО, XV, 225; XII, 64 и сл; XVIII, 0138 и сл.; XXIII, 20 и сл.; Сборник статей учеников бар. Розена, 1897, 1 и сл.; ИАН, 1914, 879 и сл.; 1915, 1365 и сл.; Улуг-бек и его время, 1918, 113 и сл., 159 и сл.

щего времени [1]), можно считать установленным, что Хафизи-Абру прежде всего, не позже 1414 г., написал хронику первых лет царствования Шахруха (1405—1413), причем во введении им дана также характеристика царствования Тимура. В 1414 или 1415 гг. ему было дано поручение перевести арабское географическое сочинение и дополнить его по другим источникам. Так возник его безымянный географический труд, в котором описываются области мусульманского мира, приблизительно, в том же порядке, какой принят большинством арабских географов X века: Аравия, Индийский океан, Африка, Испания, острова Средиземного моря, Египет, Сирия, и области Передней Азии и Персии в порядке с запада на восток. В четырех последних главах, о Фарсе, Кермане, Хорасане и Мавераннахре, к географическому описанию присоединено изложение истории соответствующей области.

Большая часть существующих рукописей заканчивается главой о Хорасане, писавшейся в 1420 г.; в одной рукописи (оксфордской) находится еще географическое описание Мавераннахра, составленное в том же году: за ним должен был следовать очерк истории Мавераннахра, но его в рукописи нет, и был ли он вообще написан, пока неизвестно

Во время составления этого труда [2]), в 1417 г автору было дано поручение составить сборник по всемирной истории; в этот сборник им были включены, т. е. буквально переписаны, труд Табари в переделке Бал'ами, доведенный до 908 г., отрывок из труда Рашид-ад-дина об аббасидских халифах с 908 г. до взятия Багдада монголами в 1258 г.; остальная часть сочинения Рашид-ад-дина, с разделением на два тома: 1) история монголов до 1304 г.; 2) всеобщая история, сначала история мусульманских династий, потом история турок, китайцев, евреев, франков и индийцев; наконец история Тимура во второй редакции, принадлежащей Низам-ад-дину Шами и доведенной до 1403 г К этому

[1]) Эти данные остались совершенно неизвестными Э. Г. Броуну (Hist. of Pers Lit., 424 и сл.), для которого в 1921 г. все сведения о Хафизи-Абру сводятся к данным, сообщенным в каталогах Rieu в 1879 и 1895 гг. Не говоря уже о работах, написанных на русском языке, им совершенно не использована даже статья о Хафизи-Абру в «Энциклопедии Ислама». Таким же образом в Grundriss (II, 576 и 579) обе неузнанные в каталоге E. Sachau и H. Ethé оксфордские рукописи отмечаются как труды „анонимов".

[2]) Оттого в рукописях часто соединены предисловия, иногда и целые главы из обоих трудов.

Хафизи-Абру присоединяет от себя: 1) в качестве продолжения труда Рашид-ад-дина-историю монгольского государства в Персии от 1304 г. до Тимура; 2) в качестве продолжения труда Низам-ад-дина—историю последних лет царствования Тимура и царствования Шахруха до 1446 г.

В 1423 г. Хафизи-Абру принялся за составление своего собственного труда по всеобщей истории для сына Шахруха, ученого царевича Байсункара, причем на этот раз для начального периода не ограничился персидским Табари, но воспользовался также другими источниками. Весь труд, получивший название «Сливки летописей» (Зубдат-ат-теварих), в ссылках также «Собрание летописей» (Маджм'а-ат-теварих), был разделен на четыре тома: первый заключал в себе до-мусульманскую историю, второй-историю Мухаммеда и халифов, третий-историю восточно-мусульманских и монгольских династий; четвертый—распадался на два отдела-историю Тимура и историю Шахруха. До сих пор [1]) совершенно не найдены томы третий и первый отдел четвертого. Наибольший интерес представляет второй отдел четвертого тома, сохранившийся только в одной, причем очень плохой, рукописи, оксфордской, из которой видно, что последним событием, о котором успел рассказать Хафизи-Абру (он умер в 1430 г.), было покушение на жизнь Шахруха 21 февраля 1427 г. Последние листы рукописи, в которых говорится о дальнейших событиях того же года (рассказ прерывается на полу-слове), принадлежат неизвестному продолжателю, писавшему также при жизни Шахруха, т. е. до 1447 г. Сочинение Хафизи-Абру было главным источником Абд-ар-Реззака самаркандского, автора составленного во второй половине XV в. труда «Место восхода двух счастливых созвездий и место соединения двух морей» (Матла-ас'-са'дейнуа маджма'-ал-бахрейн), в котором излагается история событий от 1304 до 1471 гг. с разделением на два тома, до смерти Тимура и после.

В хрониках XV века широко применяется система погодной летописи, составлявшая в до-мусульманский период одно из глав-

---

[1]) Э. Г. Броуну (Hist. of Pers. Lit., 425) известны только рукописи двух первых томов, причем ему лично принадлежит превосходный список второго тома, сделанный при жизни автора, в месте его жительства—Герате, в самый год составления этой части труда (1425).

ных отличий арабской историографии от персидской. Последующие персидские историки большею частью оставались верны этой системе, особенно авторы сочинений по истории отдельных царствований (в Персии, Индии и Средней Азии) Иногда события излагались не по годам мусульманской лунной эры, а по годам турецкого двенадцатилетнего (солнечного) животного цикла (порядок годов: года мыши, быка, барса, зайца, дракона, змеи, лошади, барана, обезьяны, курицы, собаки, свиньи), напр., в истории шаха Аббаса Великого (1587—1628), составленной Искендером Мунши [1]); по словам этого автора, счет по годам мусульманской эры в его время был непонятен большинству населения Персии [2]). Еще чаще эра цикла применялась в исторических трудах, писавшихся в Туркестане. Иногда приводятся даты по обоим эрам; если между ними оказывается противоречие, то приходится предполагать ошибку в мусульманской дате, так как с эрой по циклу население гораздо лучше знакомо.

Реже писались в форме погодной летописи сочинения по всеобщей истории. Исключение представляет коллективный труд [3]), составленный в Индии по повелению императора Акбара (1556—1605) по случаю приближавшегося окончания первого тысячелетия ислама и получивший по этому название «Тарихи Альфи» («Тысячелетняя история»). События излагаются не по эре от бегства Мухаммеда из Мекки в Медину, но по введенной Акбаром, как полагают, в связи с его планами религиозной реформы и вызванной ими враждой к исламу [4]), эрой от года смерти пророка. По этой эре изложение доведено до 974 г. (по лунному летосчислению), т. е. до 984 г. хиджры (1576—7); тысячелетие ислама закончилось только в 1592 г.; оставление хроники было начато в 1585 г.

Большею частью в сочинениях по всеобщей истории события излагались по-прежнему не в строго-летописной форме, но в порядке династий. Из таких сочинений самое широкое распространение как на Востоке, так и в Европе получил труд Мирхонда (умер в 1498 г.) «Сад чистоты относительно жизни пророков, ца-

[1]) О ней, например, Rieu, Pers. Man., 185 и сл.
[2]) Иск. Мунши, перс. литогр. изд., II, 251.
[3]) О нем Grundriss, II, 357; Rieu. Fers. Man., 117 и сл.; Supplement, № 424; Elliot, Hist of India, V, 115 и сл.
[4]) R. Garbe, Kaiser Akbar von Indien, 1909, 36.

рей и халифов» (Раузат-ас-сафа фи сиреть-ль-анбия уа-л-мулюк уа-л-хулафа). Сочинение разделено на семь томов: 1) до-мусульманская история; 2) Мухаммед и четыре первых халифа; 3) 12 шиитских имамов, омейяды и аббасиды; 4) династии современные аббасидам, преимущественно в Персии и Индии; 5) монгольская империя; 6) Тимур и тимуриды до 1469 г.; 7) царствование современника Мирхонда, Султан-Хусейна (1469—1506); в конце помещено географическое приложение. По мнению Rieu [1]), раньше всего был написан шестой том, где в двух местах указан 879 г. (1474—5), как дата составления. Седьмой том был только начат Мирхондом и большею частью принадлежит его внуку Хондемиру; рука Хондемира коснулась и географического приложения, писавшегося Мирхондом в 900 г. (1494—5).

Труд Мирхонда был несколько раз (в Тегеране, Бомбее и Лакнау) литографирован на Востоке. Полного издания и перевода в Европе сделано не было; список европейских изданий и переводов отдельных глав составлен Эллиотом; [2]) из этого списка видно, что некоторые главы издавались и переводилось дважды, напр., глава о саманидах на латинский язык в 1808 и на французский в 1845 г., хотя французским переводчиком отмечается крайне поверхностное отношение Мирхонда к обязанностям историка [3]).

Вообще в европейской литературе ссылки на Мирхонда встречаются очень часто и только за последнее время, после издания некоторых из его источников, начинают заменяться ссылками на более ранних авторов. Компиляция Мирхонда, однако, сохраняет и теперь некоторое значение, так как некоторые источники, которыми он мог пользоваться, с тех пор утрачены; так, мы ни у одного из более ранних авторов не находим такого подробного, как у Мирхонда, рассказа о походе Улугбека против монголов в 1425 году [4]). О популярности труда Мирхонда на Востоке еще в XIX веке свидетельствует факт, что он был переведен на турецко-

---

[1]) Rieu, Pers Man., 92.

[2]) Hist. of India, IV, 132 и сл.

[3]) Mirkhond, Histoire des Samanides, texte persan, trad. par M. Defrémery, 247.

[4]) Текст напечатан мною в приложении к исследованию „Улугбек и его время".

османский и на среднеазиатско—турецкий язык [1]). Из современных персидских историков к труду Мирхонда примкнул Риза-Кули-хан Лалабаши, написавший «Насиров сад чистоты» (Раузат ас-сафа-и-Насири) для шаха Насир-ад-дина (1848—1896); это продолжение труда Мирхонда заключает в себе три тома (8-й, 9-й и 10-й) и доведено до 1853 г.

Не так часто, как труд Мирхонда, но все же очень часто питуются труды внука Хондемира [2]). Из них один: «Лучшая часть известий в об'яснение обстоятельств добродетельных людей» (Хулясат-ал-ахбар-фи беян-и-ахваль-ал-ахьяр) было написано автором в молодости, в 909 г. (1499—1500) и представляет сокращение труда его деда [3]); разделено на вступление, десять отделов (макаля) и заключение; последнее заключает в себе описание Герата, где тогда жил автор, и биографические сведения о его современниках. Одну из глав этого труда, посвященную истории монголов, перевел в дни своей молодости на русский язык будущий проф. Григорьев [4]). Большое значение имеет другой труд Хондемира «Друг биографий в известиях об исключительных людях» (Хабиб ассияр фи ахбар-и-афради ль-башар), разделенный на три тома (муджаллад), каждый том на четыре части (джуз); в конце помещено географическое приложение. Первый том доведен до истории первых четырех халифов, второй—до появления монголов, третий—до 1524 г. Главный интерес этого труда, литографированного в Персии и Индии [5]), заключается, действительно, в биографических сведениях о литературных и других деятелях каждого царствования. Из других компилятивных трудов по всемирной истории можно назвать «Сердцевину летописей» (Любб-ат-теварих) эмира Яхьи Казвини, написанную в 1542 г. и доведенную до той же даты; она разделена на четыре части: 1) Мухаммед и 12 шиитских имамов;

---

[1]) Об этом переводе говорится в неизданной хивинской истории (рук. Аз. Муз. 5900 b., л. 194 b). Над этим, повидимому, работали и в XX в., ср. сообщение А. Д. Калмыкова в Проток. Турк. кр. люб. арх., XII, 57.

[2]) Что Хондемир был не сыном, как полагали раньше, а внуком Мирхонда, отмечено у Rieu, Pers. Man., 96.

[3]) В Hist. of India, IV, 144 о труде Хондемира говорится как о most able compendium of Asiatic history.

[4]) В. Григорьев, История монголов от древнейших времен до Тамерлана. Перевод с персидского. Спб. 1834.

[5]) Ср. ссылки на эти литографии в моем труде «Улугбек и его время», указ., слово «Хондемир», 157 и 160.

2) до-мусульманские цари; 3) мусульманские правители; 4) сефевиды. Это сочинение было одним из первых, если не первым персидским трудом, сделавшимся известным в Европе; уже Пьетро делла Валле, бывший в Персии с 1617 до 1623 гг. перевел его на итальянский язык под заглавием Midolla delle istorie[1]); в 1783 г он появился в латинском переводе под заглавием Medulla Historiarum [2]).

Столь же обширны и многочисленны и столь же мало приведены в систему и изучены источники по истории Персии с XVI по XIX в. [3]) только несколько лет тому назад было установлено существование трехтомного труда Мухаммед-Казима, «везира столичного города Мерва», по истории Надир-шаха (1736—1747); между тем этот труд [4]), составленный современником шаха, по богатству материала значительно превосходит все другие сочинения по истории этого царствования, в том числе и наиболее известное из них сочинение Мехди-хана, переведенное в XVIII в. на французский и английский языки [5]). Из сочинений по истории современной, каджарской династии переведено на английский язык сочинение Абд-ар-Реззак-бека «Достославные действия султанские» (Ма'асир-и-султанийе); подлинник, изданный в 1241-1825—26 г. (до того же года доведен самый труд), был первой книгой, напечатанной в Персии [6]).

На персидскую историографию до сих пор имела мало влияния европейская. [7]) Из авторов новейших персидских трудов по истории и географии больше всего, повидимому считался с требованиями европейской науки умерший в 1896 г. Мухаммед-Хасан-хан, носивший раньше титул Сани-ад-дауля, в конце своей жизни-

---

[1]) Viaggi di Pietro della Valle il Fellegr no, II, 183, ссылки на то же сочинение ibid. 262, 265 и 330 О делла Валле и его путешествиях см. мой труд «История изучения Востока», 1911, 102 и сл.

[2]) Rieu, Pers. Man , 104.

[3]) Из них заслуживает отдельного упоминания по сравнительной широте взглядов автора и обилию материалов «Тарихи Хайдери», труд Хайдера Рази Ср. о нем особенно берлинский каталог Перча (Verzeichniss), № 418 и мою статью Haidar Razi в EI, II, 231.

[4]) О нем ИАН, 1919, 927 и сл.

[5]) Rieu, Pers. Man , 192.

[6]) Rieu, Supplement, № 68—69. О других сочинениях по истории каджарской династии Grundriss, II, 604.

[7]) О переводах сочинений по истории Наполеона I Comte A. de Gobineau, Trois ans en Asie, 160.

титул И'тимад-ас-салтанэ. Ему принадлежат труды [1]) 1) „Приведенная в порядок Насирова история“ (Тарихи мунтазами-Насири)—повествование по годам, причем события каждого года разделяются на две рубрики, азиатские и европейские; из европейских приводятся только важнейшие; 2) „Насирово зерцало городов (Мират-ал-булдан-и-Насири) —географический словарь с историческими сведениями; 3) „Восход солнца“ (Матл'а-аш шемс)—историко-географический труд о Хорасане, куда автор путешествовал вместе с шахом Насир-ад-дином. Покойный проф. В. А. Жуковский называет это сочинение капитальным, [2]), кроме географических сведений оно заключает в себе ценный археологический материал: старые городища и здания описываются довольно подробно, с указанием размеров. Много историко-географических сведений заключает в себе и дневник „Путешествия в Хорасан“ (Сефер-и-Хорасан), написанный от имени самого шаха.

Описаний путешествий, являющихся, конечно, и ценными историческими источниками, особенно по культурной истории, в персидской литературе вообще немного: из них, может быть, самое важное—путешествие поэта и религиозного пропагандиста Насири-Хусрау из Мерва до Аравии и Египта и обратно в Балх между 1046 и 1052 гг. Оно издано и переведено Ш. Шефером (кроме того есть тегеранское издание 1312-1894—5 г.). Sefer Namèh. Relation du voyage de Nassiri Khosrau etc , publié, traduit et annoté par Ch. Schefer Paris. 1881.

Довольно значительно число сочинений по географии и истории отдельных областей Персии. Акад. Дорном с 1850 по 1858 г. была выпущена серия изданий, относящихся к прикаспийским областям, под общим заглавием: „Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meeres“. В серию Гибба (т. II) вошло (только в сокращенном переводе, без текста) сочинение Ибн-Исфендияра (XIII в) по истории тех же областей (в издании Э. Г. Броуна) и впоследствии (1921, новая серия, т. I) сочинение Ибн-ал-Балхи (XII в.) о Фарсе (только текст, в издании Ле-Стрэнджа) [3]).

[1]) Сведения о нем и полный список его трудов в статье В. А. Жуковского в ЗВО, X 184—191. Отрицательный отзыв о Мухаммед-Хасане у E. G. Browne, The Persian Revolution, 1910, 405.

[2]) ЗВО. X, 189, пр. 4.

[3]) Перевод географической части напечатан Ле-Стрэнджем в JRAS, 1912 (1—30, 311—339, 865—889) и отдельно в Asiatic Monographs, vol. XIV.

Персидский язык был также главным литературным языком независимых от Персии курдов на западе, авганцев и средневековых таджиков, впоследствии даже средне-азиатских турок на востоке, не говоря уже об Индии, где исторических сочинений на персидском языке писалось едва ли не больше, чем в самой Персии. Главный труд по истории курдов—законченное в 1597 г Шереф-Намэ, сочинение бидлисского (Бидлис—город к западу от озера Ван) князя Шереф-хана или Шереф-ад дина, изданное в России В.В. Вельяминовым-Зерновым и переведенное на французский язык Шармуа Chèref Nameh ou fastes de la nation kourde par Chèref-ou'ddine, Prince de Bidlis. Traduits du Persan et commentés par F. B. Charmoy. St-P. 1868—75 г. [1]).

По истории авганцев в 1613 г., задолго до основания авганского государства, в государстве великих моголов, которым принадлежала главная часть современного Авганистана с городом Кабулом, была написана «Авганская сокровищница» (Махзен-и Афгани) ходжи Ниметуллаха; сокращенную редакцию этого сочинения перевел на английский язык акад. Дорн. B. Dorn, History of the Afghans, translated from the Persian of Neamat Ullah, Lond. 1829—1836. Это-единственное из «многих» сочинений, посвященных истории авганцев, названное в «Grundriss der Iranishen Philologie» В «Энциклопедии ислама [2])» названы еще два сочинения по истории основателя авганского государства, Ахмед-шаха Дурани (1747-1773); из них одно «Тарихи Ахмед» Абд-ал-Керима, написанное в XIX в., представляет только перифраз составленного в конце XVIII в. «Хусейн-шахи» Имам-ад-дина Чишти [3]), другое—«Тарихи-Султани[4])», компиляцию, составленную во второй половине XIX в. Более значения, повидимому, имеет труд современника Ахмедшаха, Махмуда ал-Хусейни, «Тарихи Ахмед-шахи», сохранившийся только в одной рукописи Британского Музея [5]). Некоторый интерес, даже среди большой публики, вызвала автобиография Абдуррахман-хана (1880—1901), английский перевод которой составляет первый том книги Sultan Muhammed Khan, Life of Abdur Rahman, Lond. 1900 [6]).

[1]) Ср. еще Grundriss, II, 362, где говорится о существовании автографа автора в Бодлеянской (Оксфордской) библиотеке.
[2]) Статьи «Afghanistan»; и «Ahmed Shah»; EI, I, 183 и 216
[3]) Oskar Mann, в ZDMG, LII, 109 и сл
[4]) Имя автора приводится у O. Mann'a (ib.d., 113) иначе, чем в EI.
[5]) ZDMG, LII, 99 и сл.
[6]) EI. I, 65.

В Средней Азии историческая литература получила значительное развитие только с XVI в.; история более ранних событий, происходивших в Средней Азии до эпохи Тимура и тимуридов включительно, нам известна преимущественно по сочинениям, написанным в Персии. При последних тимуридах и первых узбецких ханах господствовало стремление писать на турецком языке, отражавшееся и на исторической литературе. Для Кункунчи-хана (1512—1531) Мухаммед-Али ибн-Дервиш-Али бухарский перевел историю монголов Рашид-ад-дина и историю Тимура Шереф-ад дина[1]).

На турецком же языке писались сочинения по истории самого Шейбани-хана[2]) и его ближайших преемников[3]); по турецки же написал свои воспоминания противник Шейбани, потомок Тимура Бабур (родился в 1482, умер в 1530 г.), едва ли не самый замечательный памятник среднеазиатской турецкой литературы; обо всем, что он слышал и испытал, автор рассказывает правдиво, просто и ясно, без всяких риторических украшений в духе современных ему персидских историков; вошедшие в его записки географические описания, напр., описание Ферганы и Самарканда с его округом, справедливо признаются классическими. Сочинение Бабура сначала было издано в России (в 1857 г.) Н. И. Ильминским; попытки перевести его делались в России несколько раз[4]), но не доводились до конца. В 1905 г. в Англии было издано факсимиле другой, более исправной рукописи (оно составило первый том серии Гибба); издательницей впоследствии (в 1921 г.) был выпущен английский перевод с подробными примечаниями и дополнениями по другим источникам. A. S Beveridge. The Memoirs of Babur. A new translation of the Babur-nama, incorporating Leyden and Erskine's[5]) of 1826 A. D. Персидский язык, однако, довольно широко употреблялся в среднеазиатской исторической литературе даже при жизни Шейбани и Бабура; после их смерти он получил в этой отрасли снова полное

[1]) ЗВО, XV, 257.

[2]) Ibid, 183.

[3]) Ibid, 187—205.

[4]) О них А. Н. Самойлович в ЗВО, XVII, 074 и сл. Там же о французском переводе Pavet de Courteille (1871), также сделанном по русскому изданию.

[5]) Этот перевод был сделан с персидского перевода Абд-ар-Рахима. Ср. еще Elliot, Hist. of India, IV, 218, где о записках Бабура сказано, что они ни в каком отношении не уступают запискам Ксенофонта и только немногим ниже записок Цезаря.

преобладание над туренким. Сочиненная по приказу Шейбани оффициальная история еще при его жизни была переложена в персидские стихи в духе подражаний Шах-Нам, т. е. рифмованных хроник [1]). Главные памятники исторической литературы Бухарского ханства все, от XVI до XIX в. включительно, написаны на персидском языке. Попытку определить состояние науки по данному вопросу сделал в 1884 г. F. Teufel [2]); им приняты во внимание источники XVI, XVIII и XIX вв., приведенные в известность русскими учеными, Вельяминовым-Зерновым [3]). Сенковским [4]) и Григорьевым [5]): Абдулла-Намэ, Хафиз-и Таныша, Тезкере и Мукимхани, Мухаммед-Юсуфа балхского и «Записки» мирзы Шемса бухарского. Из них только Григорьев полностью издал текст и перевод своего источника; кроме того, Ш. Шефер издал и перевел составленный в Константинополе небольшой труд эмигранта из Бухары Абдулкерима, где кроме известий по истории Бухары приводятся также известия по истории Авганистана, Хивы (после Надир-шаха) и Коканда [6]). Наконец, сам Тейфель изложил содержание открытого им, в рукописи Петроградского университета, нового источника, истории царствования Убейдуллы II бухарского (1702—1711), составленной Мир-Мухаммед-Эмином; Тейфель указал также на важность для истории XVI в., записок выходца из Персии Васыфи [7]). С тех пор открыт целый ряд новых источников; из них самый богатый содержанием-составленный в 1630 годах в Балхе труд Махмуда-ибн-Вели: «Море тайн относительно высоких качеств добродетельных людей» (Бахр-ал-асрар фи менакиби-л-ахьяр) или (в другой рукописи): «Море тайн относительно познания (ма'рифат) добродетельных людей». Как выяснено теперь, автором был задуман обширный труд в семи томах: 1) космография и астрология; 2) до-мусульманская эпоха; 3) Мухаммед; 4) халифы; 5) восточно-мусульманские династии до-монгольского периода; 6) Чингиз-хан и его потомки до Надир-Мухаммед-хана (в то время правил в Балхе.

---

[1]) ЗВО, XV, 176—187.

[2]) ZDMG, XXXIII, 235 и сл.

[3]) Особенно в его работе о бухарских и хивинских монетах (Труды вост. отд. Р. Арх. Общ., IV, 328 и сл.)

[4]) J. Senkov·ki, Supplément à l' histoire générale des Huns etc, 1824.

[5]) О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шемса Бухари 1861 (Ученые Зап. Каз. Унив.).

[6]) Histoire de l' Asie Centrale par Abdul-Kerim Boukhary. 1876.

[7]) О них еще ЗВО, XV, 216 и 257.

потом в Бухаре); 7) Тимур и его потомки в Средней Азии и Индии до Шах Джехана (1628—1659). Каждый том разделен на четыре отдела. В западной Европе известен только четвертый отдел 6-го тома, по единственной рукописи (лондонской, в библиотеке India Office) [1]); рукописи трех первых отделов того же тома были найдены в Ташкенте [2]) и Коканде [3]), неполный экземпляр первого тома в Бухаре [4]).

Больше применения получил турецкий язык в хивинской исторической литературе На турецком языке написан и труд хивинского хана Абулгази (родился в 1603, умер в 1663 г.) «Родословное древо турок» (Шеджере и-турк), хотя Абулгази, проживший десять лет в Персии, надеялся впоследствии перевести свой труд на персидский язык. Это сочинение заключает в себе историю турок и монголов, в том числе историю среднеазиатских ханств, особенно хивинского, до времени автора; последние страницы написал сын и преемник Абулгази, Ануша-хан (1663—1687), который довел рассказ до смерти своего отца. Aboul-Ghazi Behadour Khan, Histoire des Mogols et des Tatares. Publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons. T. I. Texte. St-P. 1871. T.II. Traduction. 1874 [5]).

Абулгази уверяет [6]), что по истории своих предков начиная с внука Чингиз хана Шейбан-хана, он не располагал никакими письменными источниками. Мы знаем, однако, что в Хиве в XVI в. были записи исторических преданий; одно из них „Чингиз-Намэ", Утемиша Хаджи, дошло до нас в двух рукописях, из которых одна находится в Ташкенте, в Ср.-Аз. госуд. библиотеке [7]), а другая, несравненно более полная, принадлежала Ахмед-Закию Валидову [8]).

---

[1]) Grundriss, II, 362. Отрывок из этого тома издан мною в тексте и переводе в Зап. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., XXXIV (Сборник в честь Г. Н. Потанина, 1909), 293 308.

[2]) ЗВО, XV, 272 и сл.

[3]) Ibid, XXII, 306.

[4]) Ib d., XXIII, 255 и сл.; там же оглавление всего труда.

[5]) Другое сочинение Абулгази, «Родословное древо туркмен» (Шеджере-и-Теракиме), переведено А. Г. Туманским (Абуль-Гази-Бохадур-хан. Родословная туркмен. Перевод А. Туманского Асхабад 1897). О рукописях подлинника А. Н. Самойлович в ЗВО, XVIII, 0161

[6]) Издание Демезона, текст 72, перевод 78.

[7]) ЗВО, XV, 225—232

[8]) Ibid., XXII, 320.

Вопреки обычаю, хану Абулгази пришлось приняться самому за составление истории, так как в его государстве не было образованного человека, на которого могло бы быть возложено такое поручение. Хан предназначал свое сочинение для широкого круга читателей и старался писать так, чтобы его мог понять и пятилетний ребенок, не употребляя никаких иностранных слов [1]). В общем он остается верен своему обещанию, хотя, конечно, не обходится без иностранных слов, персидских и арабских. В ином положении находилась Хива в начале XIX века, когда основатель новой династии Ильтезер-хан, принявший ханский титул в 1804 г., поручил мирабу (чиновник, заведывающий ирригацией) Шир Мухаммеду, известному под литературным прозванием «Мунис», написать историю ханства под заглавием «Райский сад счастья» (Фирдаус-ал-икбаль). Мунис продолжал свой труд и при преемнике Ильтезера (погибшего в 1806 г. в войне с Бухарой), Мухаммед-Рахим-хане (1806—1825), и довел его до 1812 г. После этого он по поручению хана должен был заняться переводом труда Мирхонда и трудился над этой работой до своей смерти, последовавшей в 1829 г., причем не успел закончить и второго тома. Только через 11 лет, в 1840 г., хан Аллакуль (1825—1840) поручил племяннику Муниса, Мухаммед-Ризе, по литературному прозвищу «Огехи», также занимавшему должность мираба, закончить труд Муниса по истории Хивы. Огехи выполнил это поручение, доведя труд своего предшественника до смерти Мухаммед-Рахим-хана (1825), и потом продолжил его до 1872 г., посвящая особое сочинение, под особым заглавием, каждому царствованию. Мунис и Огехи писали по турецки, менее безыскусственным слогом, чем Абулгази, но все-таки их труды читаются без особенных затруднений. Сочинения Муниса и Огехи, до сих пор остающиеся в рукописи, были использованы мною в нескольких работах [2]).

По поводу третьего узбецкого государства, кокандского ханства, образовавшегося в XVIII и усилившегося в XIX в., Тейфель замечает, что по истории этого ханства до обнародования труда Абдулкерима бухарского не было никаких туземных источников.

---

[1]) Изд. Демезона, текст 37, перевод 36.

[2]) Статья «События перед хивинским походом 1373 года по рассказу хивинского историка» (Кауфманский сборник, 1910, 1—19). «К истории орошения Туркестана», 1914.

Теперь выяснено, что этих источников было довольно много, причем языком кокандской исторической литературы, как и бухарской, был персидский. Одно из этих сочинений, едва ли не главное, «Избранная из летописей» (Мунтахаб-ат-теварих) Хаджи-Мухаммед-Хакима, доведенное до 1842 г., существует как на персидском, так и на турецком языке, причем, однако, покойный В. Д Смирнов доказывает, что языком подлинника был персидский [1]). Из всех источников по истории Кокандского ханства до настоящего времени издан полностью (без перевода) только один, далеко не лучший [2]); об остальных собрано довольно много сведений, разбросанных по различным изданиям [3]).

Бабур писал свои записки в Индии на турецком языке, но его преемники должны были принять литературный язык индийских мусульман, персидский. Так поступил уже ближайший преемник Бабура Хумаюн (1530—1556), хотя носящее его имя сочинение (Хумаюн Намэ) написано не им самим [4]), а по его поручению историком Хондемиром. На персидском языке писали и в отдаленной Кашгарии, где историческая литература, может быть, из всех мусульманских стран получила наименьшее развитие. Замечателен написанный в Кашмире и законченный в 1547 г. труд выходца из Кашгарии мирзы Мухаммед-Хайдера или Хайдер-мирзы «Тарихи Рашиди» содержащий личные воспоминания автора и историю монгольских ханов Средней Азии с 1347 г. Труд Хайдер-мирзы, хотя и написан на другом языке, во многом напоминает записки его двоюродного брата Бабура, с которыми он был знаком; историческое повествование Хайдер-мирзы отличается такой же правдивостью и беспристрастием, главы географического содержания—такой же ясностью и наглядностью. Его труд был дважды переведен в Кашгарии на турецкий язык и получил распространение также в Индии, Туркестане и Персии; европейским читателям он доступен

---

[1]) Collections scientifiques de l' Institut des affaires étrangères, VIII, Manuscrits Turcs, 1897, 154 и сл.

[2]) Таарих Шахрохи, соч. моллы Ниязи Мухаммеда etc., изд. Н.Н. Пантусовым, Казань 1885. Отрывки из этого сочинения приведены мною в Турк. Вед. 1898 г. (статья „Туземец о русском завоевании", № 13, 14, 35, 37 и 40) и в ЗВО, XI, 105—114.

[3]) ЗВО, XV, 272 и сл.; XXII, 303—320; Проток. Кружка любит. арх., XVIII (на обложке XVII), 31 и сл., и друг.

[4]) Как, повидимому, полагает F Rosen (ZDMG, LXXVI, 104. schon sein Sohn und Nachfolger Humayun bediente sich zum gleichen Zweck des Persischen). Ср. Hist. of India, V, 116 и след.; Grundriss. II, 357.

по английскому переводу: The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat, A history of the Moghuls of Central Asia an english versia, edited by N. Elias; the translation by E. Denison Ross. London. 1895 [1])

На персидском языке была написана во второй половине XVII в Мирзой Шах-Махмуд-Чурасом история Кашгарии от второй половины XV в. до времени автора с использованием Тарихи-Рашиди; но, в противоположность сочинению Хайдер-мирзы, сочинение Шах-Махмуда написано очень дурным, часто неправильным языком [2]). Более поздние сочинения по истории Кашгарии писались уже по турецки; из них в печатном издании (без перевода) доступно одно, новейшее [3]), а два других сочинения (XVIII в.) остаются в рукописи, но содержание их излагалось довольно подробно [4]).

Помимо исторических сочинений в собственном смысле слова, значение исторических источников имеют также сочинения по истории литературы, т. е. сборники биографических сведений о поэтах с приложением образцов их произведений, и по истории мусульманских религиозных орденов. Из тех и других довольно значительное число [5]) доступно в печатных изданиях, европейских и восточных, но на европейские языки они почти никогда не переводились. Одно из редких исключений-вошедший в серию имени Гибба (г. XVII, 1911) сокращенный перевод одного из ранних (XI в.) сочинений по истории мусульманского мистицизма «Открытия сокровенного» (Кешф-ал-махджуб) Джуллаби [6]).

В настоящем очерке перечислены далеко не все памятники персидской исторической литературы, бывшие у меня в руках и цитованные в моих прежних работах; еще меньше я мог задаваться целью перечислить все вообще существующие памятники Как при

[1]) Рецензия В. Бартольда в ЗВО, X, 215—226. Об авторе и его труде еще Hist. of India, V, 127 и сл. Rieu, Pers Man., 164 и сл. EI. II,232.

[2]) ЗВО, XXII, 313—319. Снимки с соответствующей рукописи находятся в Азиатском музее Академии.

[3]) Тарихи Эмеине, изд. Пантусова, 1905. ср. мою рецензию в ЗВО, XVII, 0188—0195.

[4]) ЗВО, XV, 235—254; XXII, 319. В. В. Григорьев Китайский или Восточный Туркестан, II, 355 и сл. Collections scientifiques etc., VIII, 156 и сл.; Mitt. des Seminars für Or. Sprachen, VII. Westas. Stud., 18 и сл ; M Hartmann, Der islamische Orient., I, Heft 6—10, 1905.

[5]) Сведения о них (кроме упомянутой выше, стр. 72, серии Э. Г. Броуна) Grundriss, II, 213 и сл., 354 и сл. Mitt. des Seminars etc., VII, Westas. Stud., 87 и сл. ЗВО, XV, 235 и сл., 212 и сл.; XIX, 0198 и сл.; XXIII, 252 и сл. и друг.

[6]) О нем еще ЗВО, XVII, стр. XXIII; XXV, 408.

составлении очерка арабской историографии [1]), моей целью было только составить руководство, в котором неориенталисты и начинающие ориенталисты могли бы найти сведения, необходимые им для дальнейших самостоятельных занятий.

IV

Европейские исследования по истории Ирана и иранской культуры.

Для европейских источников Персия всегда должна была представлять интерес уже по тому значению, которое имели греко-персидские войны в истории античного мира. Под влиянием традиций античной культуры византийские и средневековые европейские историки видели в истории государства сасанидов, даже халифата и мусульманского Ирана прежде всего продолжение истории древней Персии. Агафий [2]) в VI в. писал, что современный ему царь Хосрой Ануширван превзошел славой всех царей Персии, даже Кира. Для франкских летописцев IX в. Харун-ар-Рашид был «царем персов» [3]); в XII в. о поражении султана Санджара (1141) писали как о поражении «братьев Сампардов, царей персов и мидян» [4]). Для европейских путешественников XV в. Тебриз был Экбатанами, Шираз—Персеполем.

При таких условиях в эпоху гуманизма должно было явиться стремление собрать из античной литературы сведения о древней Персии и сблизить их с теми скудными сведениями о позднейших судьбах этой страны, которые тогда имелись. В „Литературной истории Персии [5])“ Э. Г. Броуна приводятся заглавия некоторых из давно забытых теперь сочинений XVII в.; отмечается также значение обнародованного в 1700 г. на латинском языке труда Томаса Хайда (Hyde) о «религии древних персов, парфян и мидян», где уже предвосхищены некоторые из взглядов, впоследствии уста-

[1]) Мусульманский мир, 50—66; о цели еще 92.

[2]) Agathias, IV, 29.

[3]) Христ. Восток, I, 76 и сл.

[4]) У Оттона Фрейзингенского: «Persarum et Medorum reges fratres, Samiardos dictos». Текст цитируется у F. Zarncke, Der Priester Iohannes, I, 21 по Mon. Germ., hist. Script XX, 266.

[5]) Lit. Hist. of Persia, I, 42 и сл.

новившиеся в науке, хотя Хаид еще не имел понятия ни о языке Авесты, ни о древне-персидском, ни о средне-персидском.

Впечатления путешественников XVII в. от современной им Персии в общем были благоприятны [1]; Персия тогда переживала эпоху внешнего блеска под властью династии сефевидов; оттого столица сефевидов, Исфахан, названа у д'Эрбело «самым большим и великолепным городом Азии после китайских» [2]. В словаре д'Эрбело отводится довольно много места материалу, извлеченному из персидских исторических сочинений: даже война между Хосроем II (590—628) и императором Ираклием рассказывается по Хондемиру [3]; но общего обзора истории персов он не дает. Ему было известно, что создатель новой, шиитской, Персии, Исмаил, основатель династии сефевидов, «положил прочные основы новой монархии [4]».

Из событий XVIII в. только победы Надир-шаха (1736—1747) могли вызвать в европейцах некоторый интерес к современной им Персии [5]. Зато к XVIII в. относится одно из важнейших событий в истории изучения древнего Ирана—первая попытка европейца научиться языку священного писания зороастрийцев—Авесты и первый опыт перевода Авесты на европейский язык. Молодой Anquetil du Perron (родился в 1731 г.), ознакомившийся в 1754 г. с несколькими листами Авесты по оксфордской рукописи, решил отправиться в Индию, чтобы добыть от индийских зороастрийцев ключ к чтению непонятного древнего текста. Подробности его романтического путешествия и его пребывания в Индии (1755—1761), где ему после долгих усилий удалось найти трех учителей, описывались с его слов много раз [6]; через десять лет после возвращения в Европу, в 1771 г., ему удалось напечатать свой перевод «Zend—Avesta, ouvrage de Zoroastre».

Труд Анкетиля вызвал обширную литературу [7], сначала по вопросу о подлинности привезенных им текстов, потом по вопросу

[1]) Литература путешествий подробнее всего рассмотрена Ш. Шефером во введении к его изданию труда Raphael du Mans, Etat de la Perse en 1660, Paris 1890.

[2]) Bibliotèque Orientale, s. v. Esfahan.

[3]) Ibid s. v. Khosrou.

[4]) Ibid., s. v. Ismael.

[5]) Заглавия европейских трудов XVIII в. о Надир-шахе приведены в Grundriss, II, 592

[6]) E. G. Browne, Lit. Hist of Persia, I, 46 и сл.

[7]) О ней Browne, op cit , 49 - 59.

о степени доверия которое заслуживает воспринятое Анкетилем от своих индийских учителей традиционное толкование текстов. Первый вопрос давно решен в утвердительном смысле: второй до сих пор продолжает вызывать споры. Анкетилем, не обладавшим филологической подготовкой, этот вопрос еще не мог быть поставлен; возникновение его тесно связано с установлением родства между языком Авесты и санскритским и с успехами европейского санскритоведения. Первый применил требования европейской филологической критики к изданию и толкованию Авесты Евгений Бюрнуф, в труде, вышедшем в 1833 г., гораздо раньше уже с первых лет XIX века, начались, по замечанию Бюрнуфа, попытки немецких ученых, пользовавшихся только переводом Анкетиля, «воспроизвести картину древней персидской цивилизации [1])». Несмотря, однако, на отсутствие критического издания и на недостаточное знание языка Анкетилем, его перевод, по отзыву новейшего ученого, правильно передавал общий дух и идеи Авесты; его примечания и приведенные им сведения о зороастрийских обрядах, основанные на добросовестном непосредственном наблюдении, на устной традиции зороастрийцев и на личном общении с ними, остаются поучительными и теперь и по своей полноте превосходят сведения позднейших наблюдателей [2]).

Со второй половины XIX в. начинаются попытки критического издания и перевода полного текста Авесты в том виде, как он дошел до нас, вместе с тем продолжалась разработка поднятых Бюрнуфом вопросов о пехлевийском толковании и санскритских переводах и о сведениях пехлевийской литературы об Авесте и Зороастре. Установлено, что до нас дошла только небольшая часть текста, существовавшего при сасанидах и разделявшегося на 21 книгу [3]); уже в IX веке одна из этих книг (II-я) считалась совершенно утраченной, кроме того, от 5-й книги тогда существовал только текст, без пехлевийского комментария. До нас полностью дошла только одна книга (19-я, Вендидад); все остальное—отрывки из различных книг. По языку выделяются, как особая и, вероятно, древнейшая часть Авесты, религиозные гимны-гаты.

Несмотря на выяснение такого состава Авесты, продолжались попытки рассматривать священное писание зороастрийцев, как одно

[1]) E. Burnouf, Commentaire sur le Yaçna, p. II.
[2]) Grundriss, II, 41.
[3]) Оглавление в Grundriss, II, 18

целое, как памятник определенной эпохи и определенной исторической среды. Таково содержание книги В. Гейгера (Wilhelm Geiger) «Ostiranische Kultur im Altertum» (Erlangen, 1882). Цель этой книги-дать характеристику культуры «народа Авесты» (des Awestavolkes), причем предполагается, что Авеста полностью сложилась в восточной части Ирана в до-ахеменидский период. Время, в течение которого слагалась Авеста, было довольно продолжительным; народ за это время передвигался из одной области в другую и переживал несколько стадий своего культурного развития. Первоначальной родиной народа Авесты были верховья Сыр-дарьи и Аму-дарьи и расположенная между ними долина Заряфшана, причем из бассейна Сыр-дарьи он спустился в бассейн Заряфшана и оттуда в бассейн Аму-дарьи. К югу от Аму-дарьи, вдоль северных склонов Гиндукуша, народ Авесты нашел свою вторую родину; оттуда он двинулся частью на юг, частью на запад; вызванное этим разделение иранского народа на две ветви определяет собой третью эпоху его странствований. Распространение зороастризма было связано с переходом от кочевой жизни к оседлости, вследствие чего религиозная борьба сопровождалась экономической; гаты являются отголоском этой эпохи ожесточенных религиозных и экономических войн, во время которых совершенно отходил на задний план элемент национальности, вследствие чего даже слово «арийцы» в гатах не встречается [1]) По словам Гейгера, гаты-единственная часть Авесты, черпающая материал всецело из окружающей жизни [2]); тем не менее для об'яснения жизни «народа Авесты» привлекаются и другие тексты. Все тексты слагались в восточно-иранских областях, но авторы их, миссионеры новой веры, пришли с запада, из Мидии.

Это последнее мнение было основано не на священных текстах, а на утвердившейся среди парсов, т е. современных зороастрийцев, традиции. Как в санскритоведении, так и при изучении древне-иранской религии, вопрос о степени доверия, которое должно быть оказано туземной ученой традиции, вызывал ожесточеные споры [3]). Вопрос не может считаться вполне разрешенным и в

[1]) Ostir. Kultur, 169

[2]) Ibid., 177· «ich beginne mit dem Gathas, dem einzigen Teil des Awesta, der so recht eigentlich aus der Gegenwart schöpft und die gegenwärtigen Verhaltnisse schildert».

[3]) Имена представителей различных направлений в Grundriss, II, 43.

настоящее время: даже хронологическая система парсов, с точным определением времени жизни Зороастра, несмотря на ее заведомо позднее происхождение и явную искусственность, до сих пор пользуется незаслуженным доверием; с нею одинаково считаются все три сотрудника «Grundriss der iranischen Philologie», которым приходилось касаться этого вопроса — авторы статей о литературе Авесты об истории до-мусульманского Ирана и об иранской религии [1].

Одновременно с вопросом о религиозной традиции парсов, во второй половине XVIII века, возник для европейской науки вопрос о персидской исторической традиции: насколько персидские предания о династиях до-александровского периода могут служить дополнением к известиям античных писателей. Попытки отождествить героев эпоса с историческими царями — ассирийскими, мидийскими и персидскими, делались еще в XVII в. сэром Вильямом Джонсом (1746—1794 [2]) и с тех пор повторялись много раз; таким же стремлением проникнута относящаяся к древнему Ирану часть книги Малькольма-первой попытки европейского ученого изложить историю Персии с древнейших эпох до своего времени по персидским источникам. Труд Малькольма [3] в настоящее время, конечно, давно устарел: достаточно сказать, что при изложении древней истории он еще не имел возможности пользоваться ахеменидскими надписями; при изложении истории мусульманского периода он не делает никакого различия между компиляциями и первоисточниками, чаще всего им цитуются только заглавия сочинений, причем не указываются ни время, ни имя автора.

История разбора древне-персидских надписей, начиная с первой удачной попытки, принадлежащей Гротефенду (1802), рассказывалась много раз [4]; главная заслуга принадлежит Генри Роулинсону, открывшему (в 1836 г.) и разобравшему бехистунскую надпись. Ахеменидскими надписями пользовались потом все историки, писавшие о древней Персии, причем ошибочные чтения иногда при-

---

[1]) Ibid., II, 37, 410 и 622. К этому вполне могут быть отнесены слова Эд. Мейера (Ursprung und Anfänge des Christentums, II, 71, прим. 1 об «Unbegreiflichkeiten, die sich auf diesem Gebiet besonders stark und verhängnissvoll geltend gemacht haben».

[2]) Об этом E. G. Browne, Lit. Hist., I, 55.

[3]) Sir. J. Malcolm, History of Persia, 1815, ср., напр., сближение Кай-Кубада с Дейоком I, 215 и 247.

[4]) Grundriss, II, 66—71; Lit. Hist., I, 59—64, по русски Е. Тураев, Ист. древн. Востока,[2] I, 34 и сл, В. П. Бузескул, Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира, 1923, I, 115—119.

водили к неверным историческим выводам; так, существовало мнение, от которого потом пришлось отказаться, что в надписи Дария упоминается Авеста [1]). История древней Персии чаще всего рассматривалась в связи с историей других стран древнего Востока: прогрессом истории древнего Востока, как науки, тесно связан и прогресс в изучении истории древней Персии, если не в смысле открытия новых памятников (в этом отношении, если не ошибаюсь, не было сделано ничего существенного после открытия в 1855 г. супругами Dieulafoy дворца ахеменидов в Сузах [2]), то в смысле освещения материала. Классический труд Эд. Мейера «Geschihte des Altertums», первое издание которого вышло в 1884 г., по выражению Б. А. Тураева [3]), «составляет эпоху в истории науки»; держава ахеменидов также нашла в нем наиболее яркую и, повидимому, научно обоснованную оценку.

Делались также попытки подойти к истории древней Персии с другой стороны, и рассматривать ее как часть истории Востока вообще и иранского мира в особенности. Среди этих работ выдаются работы Th. Nöldeke. В 1885 г. им была напечатана [4]) статья по поводу 5-го тома «Римской истории» Моммсена, в котором рассматриваются римское господство и римская политика на Востоке. Сам Нельдеке называет себя в этой статье „диллетантом в древней истории“ и рассматривает исторические вопросы с точки зрения ориенталиста, для которого нет существенного различия в жизни одних и тех же восточных народов в разные периоды. С этой же точки зрения написаны его статьи в «Encyclopaedia Britannica», немецкий подлинник которых был напечатан им особо в 1887 г. [5]) Статьи посвящены: 1) государствам мидийскому и ахеменидскому; 2) государству сасанидов; 3) городу Персеполю. В предисловии автор говорит об отсутствии у него пристрастия к восточным народам и о своей симпатии к грекам, только развивавшейся по мере озна-

---

[1]) Б. А. Тураев, История древн. Востока,[2] II, 210. Прежнее мнение напр. у Justi, Geschichte der orientalischen Völker im Altertum (1884), 396.

[2]) О других раскопках в Сузах тех же Dieulafoy и вообще о литературе до 1893 г. Grundriss, II, 457.

[3]) Ист. древн. Востока[2], I, 52.

[4]) ZDMG, XXXIX, 331—351.

[5]) Aufsätze zur persischen Geschichte.

комления с Востоком [1]). Еще более характерно, что специалист по истории античного мира, Эдуард Мейер, в своем отзыве о труде Нельдеке [2]) упрекает ориенталиста в том, что он видит слишком много тени на персидской стороне и слишком много света на греческой. Более всего обоснованы возражения Эд. Мейера против характеристики Кира, как «дикого завоевателя»[3]), тогда как Кир не разрушил ни одного из завоеванных им городов, не исключая мятежных Сард. Менее прав, может быть, Эд. Мейер, когда старается об'яснить глубокими политическими соображениями поход Дария на скифов, в котором Нельдеке видит только обычное стремление к завоеванию неизвестных стран [4]). По мнению Эд. Мейера, целью похода было нападение с тыла на опустошавших его владения туранских кочевников; поход не удался потому, что был предпринят «с недостаточными географическими познаниями». Нет, однако, никаких доказательств, чтобы Дарию и его советникам вообще было известно существование пути к северу от Черного и Каспийского морей в туранские степи [5]).

Особого упоминания заслуживают труды путешественника и дипломата графа Arthur de Gobineau. Кроме попыток сопоставления современого Ирана с древним в трудах, вызванных его путешествиями [6]), ему принадлежит также труд по истории Персии [7]), доведенный только до воцарения сасанидской династии (в III в. по Р. Хр.). Для Гобино с этим событием связано торжество в Иране «низшей», по его мнению, семитской культуры. Ненаучная расовая теория составляет существенный недостаток книги Гобино; с другой

---

[1]) Aufsätze, VI:«Mich haben eben meine orientalischen Studien immer mehr zum Griechenfreunde gemacht».

[2]) ZDMG, 43 (1889), 550—554.

[3]) «Wilder Eroberer» (Aufsätze, 20).

[4]) Aufsätze, 34 и сл.

[5]) В новейшее время мнение Эд. Мейера было повторено, с некоторыми преувеличениями, М. И. Ростовцевым (Эллинство и иранство на юге России, 1918, 41), приписывающим Дарию намерение «пройти двумя армиями побережье Черного моря с востока и с запада и вернуться, в случае успеха этого предприятия, через Кавказ». Источников, где бы говорилось о таком намерении Дария, если не ошибаюсь, нет.

[6]) Trois ans en Asie, 1859 (2-ое изд. 1905).—Les Religions et les Philosophies dans l'Asie Centrale, 1865 (3-е изд. 1900). Особенно неудачна в последнем труде попытка доказать тесную зависимость шиитства от парсизма.

[7]) Histoire des Perses, 1869.

стороны, отношение иранцев к ассиро-вавилонской культуре удачно сопоставляется им с отношением германцев к римской.

Рядом с трудом Малькольма иногда [1]) ставится вышедший более полвека спустя труд Маркхема [2]). «Общий обзор истории Персии» (в одном большом томе). От труда Малькольма этот труд, однако, отличается уже тем, что автор его не был ориенталистом и пользовался только восточными сочинениями, переведенными на европейские языки, и сочинениями европейских путешественников. Ни о критике источников, ни о восхождении к первоисточникам, при таких условиях, не могло быть речи; для автора лучший историк периода от арабского завоевания до воцарения сефевидов-Мирхонд.

Никакого самостоятельного значения не имеет, но, как компиляция, небесполезен очерк Louis Dubeux (первого переводчика «персидского Табари»), «La Perse», вошедший в издание L'univers, ou histoire et description de tous les peuples, de leurs religions, moeurs, industries, costumes etc.» (1841) и вторично изданный, без перемен, в 1881 г. В географическом очерке обращается особенное внимание на памятники древности: о персепольских и бехистунских памятниках говорится по путешествию Кер-Портера (1817—1820); оттуда же заимствуются изображения. История Персии до Александра включительно отдельно рассказывается по греческим источникам и по персидским; также поступает автор при изложении истории арсакидов и даже сасанидов, хотя в последнем случае вполне было возможно соединить известия всех источников в один рассказ. Персидские известия о сасанидах передаются по Мирхонду, на основании перевода Silvestre de Sacy (1793), автору казалось, что избрать другого историка, чем тот, кому отдал предпочтение знаменитый ученый, serait afficher une prétention aussi ridicule qu'elle est éloignée de nos sentiments de reconnaissance et d'admiration» Очерк истории мусульманской Персии доводится до смерти Фатх-Али-шаха (1834). Характеристика правителей до Ага-Мухаммеда (убит в 1797 г.) делается преимущественно по Малькольму. Небесполезны заимствованные из сочинений старых путешественников изображения построек и археологических памятников, портреты и рисунки этнографического характера.

[1]) Напр. Browne, Lit. Hist. I, 212.
[2]) C. Markham, A general sketch of the History of Persia, 1874.

Едва ли не лучшим трудом по истории Ирана от Александра Великого до воцарения сасанидов остается до сих пор небольшая книжка (172 стр.) Alfred von Gutschmid, «Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden», 1888.

При издании в последние годы XIX и в первые годы XX в. «Grundriss der Iranischen Philologie» составление очерка истории до-мусульманского Ирана было поручено Фердинанду Юсти (Ferd. Justi, 1837—1907), написавшему раньше очерк истории древней Персии для серии Онкена [1]) (1879) и очерк истории древнего Востока для другой, более популярной, серии «Allgemeine Weltgechichte» (1884). Освещение событий в очерке Юсти оставляет желать многого, но в нем привлечен едва ли не весь фактический материал, которым вообще располагает наука, как известия письменных источников, так и материал археологический и этнографический.

В XX веке нового фактического материала по истории до-мусульманской Персии почти не прибавилось, так что в этом отношении «Grundriss» и до сих пор удовлетворяет своему назначению. Когда Эд. Мейер выпустил в свет, без перемен, второе издание соответствующего тома своего труда [2]), через 11 лет после первого, он в качестве нового материала, который следовало бы привлечь, упоминал только об арамейских папирусах, открытых в 1907 г. на острове Элефантине в Египте, и об открытом, также в Египте, отрывке из «Hellenika» Феопомпа (IV в. до Р. Хр.). Элефантинским папирусам Эд. Мейер тогда же (в 1912 г.) посвятил особую работу [3]) из которой видно, что находка имеет больше значения для истории евреев, чем для истории персидской монархии; в последнем отношении наибольший интерес представляет арамейский перевод бехистунской надписи, подтверждающий и дополняющий слова надписи об отправлении копий в провинции.

---

[1]) Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen.

[2]) Geschichte des Alterthums. III, Teil I

[3]) Der Papyrusfund von Elephantine Там же литература предмета.

Кроме материала, упомянутого Эд. Мейером[1]), некоторый интерес представляет опубликованный в 1908 г. астрологический текст, дошедшей до нас в сочинении греческого автора (Тевкра вавилонского), писавшего, по всей вероятности, не позже I в. по Р. Хр.: оригинал, повидимому, принадлежит египтянину персидской эпохи. Текст издал и комментировал F. Cumont[2]); из него видно, что крайним пределом географического кругозора египетского автора была Италия.

Как памятник арсакидской эпохи, представляют интерес два греческих документа I в. до Р. Хр., открытые в 1909 г. в персидском Курдистане, близ турецкой границы. Документы относятся к продаже земельных участков и интересны, как памятник господства греческой культуры при арсакидах. Вместе с греческими документами был найден и документ, написанный арамейским шрифтом, до сих пор, насколько мне известно, еще не вполне разобранный [3]).

Если, таким образом, число подлежащих изучению источников после появления Grundriss'a почти не увеличилось, то более внимательное изучение прежних источников дало возможность установить ряд новых фактов, имеющих большое научное значение. Сюда относится прежде всего, установление факта, что на гробнице Дария, около Персеполя, изображены, в своих национальных одеждах, представители главных народностей, входивших в состав ахеменидской монархии, и что по надписям может быть точно определено, какой народности соответствует каждое изображение. Об этом «своеобразном и драгоценном этнологическом музее [4])» и

---

[1]) Как мне сообщил С. А. Жебелев, Эд. Мейер называет отрывком из «Hellenika» Феопомпа анонимную историческую рукопись, автор которой, по месту находки (1906), известен в науке также под названием «оксиринхский аноним» (Оксиринх—город в верхнем Египте). Против принадлежности этого отрывка Феопомпу говорят, по словам С. А. Жебелева, отзывы древних о Феопомпе, как блестящем стилисте, что совершенно незаметно в оксиринхской рукописи. Те же фрагменты были приписаны другими ученым Кратиппу, потом было высказано мнение о принадлежности их Эфору; о последнем см. С А. Жебелев, Др. Греция, I, 27 и сл. Об оксиринхском анониме Hellenica Oxyrhynchia cum Theopompi et Cratippi fragmentis, recogn. B. P. Grenfell and A. S. Hunt, 1909 (Scriptorum class. Bibliotheca Oxoniensis); Egypt Exploration Fund Graeco-Roman Branch. The Oxyrinchus Papyri part XIII, 1919

[2]) Klio, IX (1909), 268—273.

[3]) E. H. Minns, Parchements of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan. (из Hellenic studies, XXXV, 1915).

[4]) Выражение Вейсбаха (F. H Weissbach, Die Keilinschriften am Grabe des Darius Hystaspis, 46): eigenartiges und wertvolles ethnologisches Museum.

очерке Юсти еще не упоминается [1]). Были сделаны также попытки дать более полную и всестороннюю оценку сасанидской монархии, чем это мог сделать Юсти, положивший в основу своего очерка вышедший в 1879 г. труд Нельдеке. Такую попытку представляет небольшой труд А. Кристенсена (Christensen) «L'empire des Sassanides Le peuple, l'état,la cour», 1907; книжка Кристенсена рекомендуется во втором издании известного [2]) «Einleitung in die Altertumswissenschaft» (A. Gercke u. E. Norden, 1914) [3]), как лучшее введение в изучение сасанидской эпохи, основу которому положил Nöldeke. Эти слова принадлежат E. Kornemann'y, составителю очерка истории римской империи, в состав которого им включена глава «Neurom und Neupersien» [4]). Вопрос в этой главе ставится шире, чем можно было бы заключить по ее заглавию, борьба между новым Римом и новой Персией рассматривается как часть той борьбы между (западной) Азией и Европой, которую еще Геродот сделал основной темой своего труда; несколько раз употребляется термин «иранизм», созданный Ф. Кюмоном (исследователем восточных религий и в особенности культа Митры) в противоположность созданному Дройзеном [5]) термину «эллинизм». «Иранизм» возвышается по мере падения эллинизма «в бурях ужасного 3-го века» (по Р. Хр.) Вопреки мнению Нельдеке, влияние новой Персии на новый Рим было сильнее обратного влияния. Слияние эллинизма с иранизмом, к которому преждевременно стремился Александр, совершилось в эпоху халифата, но на этот раз с преобладанием иранизма. Прочный фундамент для исследований в этой области будет создан, когда будет выполнена задача, поставленная на очередь Фр. Заррe (F. Sarre) и его сотрудниками — подробное изучение всех персидских построек [6]).

---

[1]) Попытка использовать для этнографических целей формы голов представителей различных национальностей была сделана еще в 1866 г. Ханыковым в его «Mémoire sur l'ethnographie de la Perse» (о нем см. ниже), где (стр. 68) даже встречается уже выражение «véritable galerie ethnographique».

[2]) О нем С. А. Жебелев, Древний Рим. ч. II. Императорская эпоха (1923), 121.

[3]) Einleitung etc, III², 301· das zur Einfuhrung empfohlen werden kann.

[4]) Einleitung, etc. III²,298—306.

[5]) О его «Истории эллинизма» С. А. Жебелев, Древняя Греция, ч II Эллинизм (1922), 101 и сл.

[6]) Einleitung etc, III², 303: «Die Aufnahme aller persischen Bauten».

Э. Корнеманн не обратил внимания на другое препятствие к строго-научному изучению поставленных им вопросов, на крайне слабые успехи науки в области изучения письменности мусульманского Ирана, сравнительно с Ираном до-мусульманским. Даже для не-ориенталиста это могло быть ясным после появления Grundriss'a, где истории до-мусульманского Ирана посвящено 155 страниц, истории Ирана в мусульманский период—всего 54, хотя источники во втором случае дают несравненно более обильный материал. Автор очерка (составленного в 1898 г.) истории мусульманского Ирана, Paul Horn (1863—1908) справедливо замечает, что составить подробную историю Персии, которая могла бы заменить труд Малькольма, в настоящее время еще невозможно: нет необходимых подготовительных исследований, очень важные источники остаются неизданными. Автор, поэтому, ограничился составлением краткого очерка, стараясь только дать представление об общем ходе событий и не вдаваясь в подробности. Очерк, однако, написан так поверхностно, что во многом уступает даже соответствующим главам истории ислама А. Мюллера (1887). Полезны приведенные в конце отдельных глав библиографические справки, большею частью заимствованные из каталогов европейских библиотек; но и эти справки не всегда отличаются надлежащей полнотой (достаточно сказать, что называется только устарелый, XVIII в., французский перевод истории Тимура Шереф ад-дина, без упоминания о калькуттском издании подлинника). Ошибки каталогов остаются неисправленными; делаются и новые ошибки,—так, об одном из анонимных сочинений по истории Тимура говорится, что оно написано „для Тимура", хотя история Тимура доведена до его смерти и написана лет через восемь после этого события[1]).

Без подробного изучения письменных источников едва ли может быть выполнена и та задача, о которой упоминает E. Kornemann—научное описание архитектурных памятников. При отсутствии современных памятникам письменных известий исследователь, естественно, пользуется для об'яснения памятников прошлого своими наблюдениями над современной жизнью; в Персии этот способ исследования применялся, благодаря существованию и в наше время общин, хотя и немногочисленных,

[1]) Grundriss, II, 579

приверженцев религии Зороастра даже при изучении ахеменидских памятников. Один из двух авторов труда, в котором были даны лучшие, до изобретения фотографии, изображения персепольских памятников, E. Flandin, описывает виденную им сцену выполнения двумя персами у гробниц Персеполя своих религиозных обрядов; сцена оказалась совершенно сходной с изображением над фасадом гробницы [1]) Тот же способ применялся, не всегда удачно, при изучении вопросов материальной культуры. Известную «Ка'бу Зороастра» близ Персеполя E. Herzfeld, главный сотрудник F Sarre, признает гробницей, тип которой, будто бы, возник в связи с типом виденных им жилых домов; против этого мнения решительно высказался сам F. Sarre, считающий, вместе с Юсти и Джексоном, «Ка'бу Зороастра» храмом огня;[2]) тем не менее Herzfeld остался при своем мнении и повторил его в статье, напечатанной в 1921 г [3]) Довольно многочисленные ошибки этой статьи, отмеченные мною в другом месте.[4]) в значительной степени об'ясняются недостаточным знакомством с письменными источниками. То же самое относится, еще в большей степени, к трудам Эрнста Дица (E. Diez). [5]) При ином состоянии науки, как в смысле доступности письменных известий, так и в смысле полноты сведений об архитектурных памятниках, несомненно, получил бы несколько иной вид большой труд F. Sarre, [6]) обнимающий памятники «персидской» архитектуры в обширном смысле слова, т. е. по представлению автора, от Коньи до Самарканда; в действительности область распространения «персидской культуры», особенно в сфере строительного искусства, простиралась на восток гораздо дальше. В персидском стиле построены, например, мечеть к северо-востоку от Кульджи [7]) и даже мечеть около развалин Хара-хото, исследованных в 1908 и 1909 гг. экспедицией

[1]) E. Flandin et P. Coste, Voyage en Perse pendant 1840—1 (1843—54), II, 203, цитуется у J Ménant, Les Achéménides et les inscriptions de la Perse, (1872), 90, где по ошибке I, 230.

[2]) F. Sarre und E. Herzfeld, Iranische Felsreliefs, 4.

[3]) Der Islam. XI. 133.

[4]) Изв. АИМК, II. 371 и сл.

[5]) Die Kunst der islamischen Völker, 1915; Churasanische Baudenkmäler, 1918

[6]) Denkmäler persischer Baukunst, 1910

[7]) Кауфманский Сборник. 1910. 161—170 (статья Н. Н. Пантусова).

И. К Козлова. [1]) Ряд важных вопросов по истории персидской архитектуры затронул в своем отзыве [2]) о труде F. Sarre Max van Berchem, но многое высказывается им только ввиде предположения, в виду недостаточности материала. Кроме необходимости скорейшего изучения быстро разрушающихся без призора построек им отмечается еще другая задача: «il faudrait dépouiller avec soin les sources orientales». [3])

Неоконченная «Литературная история Персии» [4]) Э. Г. Брауна до некоторой степени может быть признана трудом по истории Ирана, не только культурной, но и политической. Автор включил в свой обзор все, написанное персами не на персидском языке, и исключил из него все, написанное по персидски не персами (напр., индийцами). Исходя из литературы автор хотел написать историю не персидских династий, но персидского народа. Размеры труда, распределение материала, деление на периоды, характерные черты каждого периода—все это выяснялось для него только в процессе работы. Первоначально предполагалось изложить всю историю персидской литературы в одном томе, потом—довести первый том до монгольского завоевания; выпущенный в свет первый том был доведен только до начала XI в. и потому, по замечанию самого автора, заключает в себе только «Prolegomena» к истории персидской литературы; истории литературы в собственном смысле слова должен был быть посвящен второй том. В действительности, однако, второй том был доведен только до середины XIII в.: к этому периоду, несмотря на его сравнительную кратковременность, принадлежит большая часть величайших поэтов и писателей Персии, вследствие чего о писателях этого периода приходилось говорить подробнее; предполагалось изложить историю остальных шести с половиной столетий в одном томе такого же об'ема. Когда, однако, появился этот том (через 14 лет после второго, под другим заглавием [5])

[1]) Изображение мечети было опубликовано несколько раз, напр. в труде С. Ф. Ольденбурга, Материалы по буддийской иконографии Харахото. 1914, 5.

[2]) Journal des Savants, févr. 1911, 54- 69.

[3]) Ibid., 3, прим. 3

[4]) A Literary History of Persia. Первые два тома (1. From the Earliest Times until Firdawsi, 1902. 2. From Firdawsi to Sa'di 1906) вошли в серию «The Library of Literary History»

[5]) A History of Persian Literature under Tartar Dominion. Cambridge. 1920.

и в другом издании), он, подобно второму, обнимал только историю двух с половиной столетий; автор надеется посвятить четырем последним столетиям особый том, под заглавием «История персидской литературы в новое время» (in Modern Times). [1]) Отступлением от прежних взглядов является, по замечанию самого автора, [2]) его попытка доказать, что первые века ислама были в истории Персии во многих отношениях самым интересным и в области умственной культуры самым плодотворным периодом. Менее ясно и более проникнуто традиционными взглядами отношение автора к вопросу о значении в истории Персии монгольского нашествия. Первые два тома [3]) всецело проникнуты взглядом на это событие, как на катастрофу не только для политической, но и для культурной жизни Персии. В третьем томе в общем проводится тот же взгляд, но со значительными оговорками; признается, что, несмотря на произведенные монголами опустошения, период монгольского владычества был удивительно богат литературными достижениями. [4]) В сборнике, посвященном Э. Г. Броуну, E. Herzfeld приводит эти слова в подтверждение своего собственного мнения, что присоединение Передней Азии к главной части материка вызвало во многих областях высокий расцвет культуры (einen hohen Aufschwung). [5]) По отношению к архитектуре, к которой прежде всего относится замечание Herzfeld'a, то же самое наблюдение сделал еще Гобино, [6]) хотя и трудно согласиться с его об'яснением этих фактов, в которых он видит прежде всего заслугу самих монголов или, по крайней мере, их государей. Гораздо важнее был тот фактор, к которому Т. Линднер [7]) сводит всю пользу, принесенную монгольским нашествием Западу, расширение географических познаний и в связи с этим общего кругозора. Линднер ограничивается заме-

[1]) О новейшей персидской литературе Броун выпустил особую работу в 1914 г.: «Press and Poetry of Modern Persia». До новейшего времени доведена небольшая книжка R. Levy «Persian Literature» (Oxf. 1923), в общем составленная по Броуну, см. отзыв F. Rosen в OLZ, 26 (1923), 509—511.

[2]) I, 212.

[3]) Ср. особенно I, 210 и сл.; II, 426 и сл.

[4]) History of. Pers. Lit., 17.

[5]) A volume of orient. studies etc., 198.

[6]) Trois ans en Asie, 157.

[7]) Th. Lindner. Weltgeschichte, II, 98. Об этом сочинении см. Мусульм. мир 86 и сл.

чанием, что значение этого фактора нельзя недооценивать, и отводит гораздо больше места произведенным монголами опустошениям. Между тем для культурной жизни народа степень общения с другими народами имеет едва ли не главное значение, и «единственная польза», принесенная Персии монгольским нашествием, в значительной степени уравновешивает весь вред, причиненный монголами стране, гораздо больше пострадавшей при разрушении монгольской империи, чем при ее образовании.

Выше были отмечены отдельные неточности и пробелы книги Броуна по отношению к персидской исторической литературе, есть в ней и другие ошибки и промахи: тем не менее научное значение этого труда, как по количеству собранного в нем материала, так и по проведенным в нем взглядам, чрезвычайно велико. Автор вполне признает недостатки своей книги и видит главную цель ее в расчищении пути для появления более совершенного труда: этой цели книга достигает вполне, и не вина ее автора, что движение науки, особенно на его родине, шло медленнее, чем можно было ожидать. Сведения о начале персидской литературы поэтической и прозаической, приведенные в первом томе книги Броуна в 1902 г., были повторены другим ученым двадцать лет спустя без всяких дополнений. [1]

Столь же мало свидетельствует о прогрессе науки попытка, сделанная в 1915 г., ровно через сто лет после появления труда Малькольма,—заменить этот устарелый труд книгой, которая бы больше соответствовала современным требованиям. [2] В рецензии на этот двухтомный труд[3] мною указаны многочисленные промахи автора, свидетельствующие о его полной неподготовленности к взятой им на себя задаче.

В «Энциклопедии Ислама» [4] под словом Iran (соответствующий выпуск издан в 1921 г.) сделана только ссылка на слово «Persien» (Perse, Persia); до буквы P «Энциклопедия», несомненно, будет доведена еще не скоро. Статьи под словами «Afghanistan» и «Balocistan« составлены одним и тем же ученым, (M. Longworth Dames), которому принадлежит также большая

[1] Ср мою заметку в Bulletin of the School of Oriental Studies, II, 836.
[2] P. M. Sykes, A History of Persia.
[3] Изв. Р. Геогр. Общ., L III (1917), 182—186. Рецензия была напечатана без моей корректуры и искажена многочисленными опечатками.
[4] Ср. Мусульм. мир, 80.

часть статей о восточно иранских городах и династиях: приложенные к этим статьям библиографические обзоры, особенно в той части, которая относится к истории и исторической географии наглядно показывают, как мало еще сделано в этой области науки. Так, в статье о Газне (1914) автор при упоминании о гробнице султана Махмуда газневидского ссылается только на описание Вайна (Vigne), бывшего в Газне в 1836 г. Надпись на дверях гробницы была издана только в 1918 г [1] по фотографиям и эстампажам [2])

Еще слабее разработана до сих пор в Европе история той части иранского (если не по языку, то по характеру и происхождению культуры) мира, которая не входит в состав политического и географического Ирана, т. е., главным образом, история Туркестана. О современном состоянии и важнейших задачах западноевропейской науки в этой области мною в 1914 г была напечатана статья в журнале «Die Geisteswissenschaften». [3]) История Туркестана редко рассматривалась европейскими учеными в связи с историей Ирана (исключение—упомянутая выше книга F. Sarre по истории архитектуры); чаще ее рассматривали в связи с историей среднеазиатских кочевников; в виду характера источников, синологи в этой области выступали продолжателями трудов мусульманистов и наоборот. Лучшим сочинением по истории монгольской империи остается до сих пор труд «Д'Оссона (1834). [4]) хотя в нем преимущественно говорится о монгольских государствах в Китае и Персии и не сообщается почти никаких сведений ни о средневековом монгольском государстве, ни о Золотой Орде. За последнее время изучение китайских источников по истории монголов предпринято синологом П. Пеллио; [5]) им же, отчасти

[1]) Der Islam, VIII, 214—227 (статья *S.* Flury).

[2]) Не имеет большого научного значения напечатанная в 1922 г статья Fr. Rosen «Der Einfluss geistiger Strömungen auf die politische Geschichte Persiens». (ZDMG, LXXVI, 101—125). По новейшей политической истории Персии можно еще указать на книгу Броуна The Persian Revolution of 1905—1909; Cambridge, 1910.

[3]) Stand und Aufgaben der Geschichtsforschung in Turkestan (Die Geisteswiss., 1075- 1080).

[4]) C. d'Ohsson, Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan. Первый том вышел первым изданием еще в 1824 г Об этом труде и об отношении к нему последующих см. мой «Туркестан», II, 60 и сл.

[5]) См. особенно его статью в JA, 11, XV (1920), 130 и сл.

вместе с покойным Э. Шаванном, в связи с новейшими археологическими открытиями в Средней Азии, рассматривался вопрос об иранских культурных влияниях на Китай. [1]) Как мало интересовались в западной Европе новой историей Туркестана, видно хотя бы из того факта, что задачи, намеченные незадолго до своей смерти (1844) немецким ученым F. Teufel'ем,[2]) остаются невыполненными до сих пор.

V.

Русские исследования.

Изучению языков и литературы Ирана принадлежит видное место в истории русского востоковедения: гораздо меньше число работ русских востоковедов в области истории: в значительной степени остаются справедливыми и теперь слова, сказанные в 1858 г. представителем кафедры персидской словесности в Петербургском университете, проф. Казем-Беком, что история востока „русскими учеными почти вовсе не разработана“ [3]) Даже книга Мальколь̀ма не была полностью переведена на русский язык: в 1835 г. появился перевод только ее заключительной части (о царствовании Ага-Мухаммеда и последующих событиях [4]).

Даже введение истории Востока, как особого предмета, в круг университетского преподавания отразилось на успехах науки меньше, чем можно было ожидать.

Введение в университете кафедры истории Востока намечалось уже проектами 1829 и 1832 гг., но было осуществлено только уставом 1863 года; при этом имелись в виду, главным образом, потребности лингвистического преподавания, чем и об'ясняется деление исторической кафедры по лингвистическим группам на историю семитических народов, историю северо восточной Азии и историю арийских народов Азии. Это деление оказалось нежизненным и не имело почти никакого влияния ни на ход научной работы, ни даже на программы университетского преподавания, хотя оно

[1]) Ср выше прим. 4 ое, на стр. 13
[2]) ZDMG, XXXVIII, 235 и сл.
[3]) Материалы для ист. фак. Вост. яз., I, 337.
[4]) Сын Отечества и Сев. Архив, п. XLIX (1835), 271—290, 332—348, 383—404.

вошло в положение об испытаниях на ученые степени 1864 г., действовавшее до первых лет XX века.

Раньше история Востока читалась несколько лет (1835—1843) в учебном отделении восточных языков при министерстве иностранных дел Б. А. Дорном (с 1839 г. академиком), впоследствии специально занимавшимся историей прикаспийских областей. Кроме изданий и переводов, упомянутых выше, Дорн посвятил истории этой части Прана несколько исследований; сюда относятся его статьи о ширваншахах[1]) и о наместниках и ханах ширванских[2]), не вполне устаревшие и до сих пор; только часть первой статьи (до XIV в.) может быть признана устаревшей после новейшей работы Е. А. Пахомова[3]), не привлекшего к исследованию новых письменных источников, но имевшего в своем распоряжении новый нумизматический материал. Дорну принадлежит также исследование „Caspia"[4]), по русски—„Каспии"[5]), главным образом посвященное русским набегом (в X веке) на местности по берегам Каспийского моря. К исследованию прикаспийских областей и их истории он привлек своего ученика Г. В. Мельгунова, принимавшего участие в 1860 г. в его путешествии в прикаспийские местности; книга Мельгунова „О южном береге Каспийского моря" вышла по русски в 1863 г.[6]), по немецки (с дополнениями) в 1868 г.[7]). Мельгунов с 1868 г. до своей смерти (1873) был в университете доцентом истории арийских народов, после чего эта доцентура больше не замещалась.

На факультете восточных языков до введения кафедры истории Востока история Персии читалась сначала проф. А. К. Казем-Беком (1855—1858), потом доцентом Л. З. Будаговым (1858—1860), потом снова проф. Казем-Беком (1860—1863)[8]). О характере преподавания Будагова дает некоторое понятие программа

---

[1]) Versuch einer Geschichte der Schirwanschahe (Mém. de l'Acad. etc., sciences politiques etc., 6-me série t. IV, livre 6, 1841).

[2]) Geschichte Shirwáns unter den Statthaltern und Chanen von 1538—1620, vorzüglich nach persischen Quellen (ibid., t. V, livr. 3 et 4).

[3]) Краткий курс истории Азербайджана с прилож. экскурса по истории ширваншахов XI—XIV вв. Баку 1923 (на правах рукописи).

[4]) Mém. etc, 7-me série, t. X—XIII, № 1 1875.

[5]) Зап. Акад. Наук, т. XXVI, прилож. № 1 (1875).

[6]) Ibid, т. III, прилож. № 5.

[7]) Das südliche Ufer des Kaspischen Meeres. Lpz. 1868.

[8]) Матер. по ист. фак., I, 335 и сл.

испытаний студентов за 1859 г.[1]). Занимавший кафедру истории Востока с 1863 до 1878 г.г. проф. В. В. Григорьев читал, кроме вводного курса, только историю Средней Азии; в 1878 г. преподавание истории Персии было восстановлено и поручено профессору армянской словесности К. П. Патканову, еще раньше занимавшемуся историей Ирана, преимущественно по армянским источникам. Ему принадлежит исследование „Опыт истории династии сасанидов по сведениям, сообщенным армянскими писателями" (1863), в 1866 г. вышедшее во французском переводе[2]). На петербургском (3-м, 1876 г.) международном с'езде ориенталистов им был прочтен доклад, впоследствии напечатанный в „Трудах с'езда"[3]) „О мнимом походе Таклат-Паласара к берегам Инда", опровергавший существовавшее тогда мнение о походах ассирийских царей через весь Иран до его восточных окраин. Имеется студенческое (по записи С. Ф. Ольденбурга) литографированное издание курсов Патканова: „Общий обзор истории Персии со вторжения арабов" (1883—4) и „Новейшая история Персии с XVIII по XIX в." (1884—5).

Изучению истории древнего Ирана принесли существенную пользу, хотя были предприняты только с филологическими целями, издания профессора-санскритиста К. А. Коссовича, занимавшегося также древне-иранскими языками, именно его издания и переводы отрывков из Авесты[4]) (преимущественно гат) и древне-персидских надписей. Изданный им сборник надписей „Inscriptiones Palaeo-persicae Achaemenidarum quot hucusqae repertae sunt" (1872) был признан устаревшим только лет через двадцать[5]), но цитируется иногда и после[6]). Коссович был одним из сторонников мнения о Зороастре, как исторической личности[7]).

Еще более филологом и еще более далеким от исторических исследований был ученик Коссовича, К. Г. Залеман, бесспорно

---

[1]) Ibid., 343 и сл.
[2]) JA, 6, VII (1866), 101 - 238.
[3]) Труды 3-го Междун. с'езда ориент., I (1879—80), 33—70.
[4]) Они перечислены, напр., С. Ф. Ольденбургом в биографии Коссовича (Биогр. словарь проф. Спб. унив. 1869—1894, I, 352 и сл.).
[5]) Ср. замечания Эд. Мейера, Geschichte des Alterthums, I, 497 (§ 410) и III, 4 (§ 1).
[6]) Неоднократно в Grundriss, см. указатель.
[7]) Напр. Saratustricae Gatae posteriores tres, 1871, praef., p. XVIII, где автором, впрочем, только повторяются доводы Шпигеля.

лучший из работавших в России иранистов и один из лучших в Европе; но напечатанные им в 1880 г. в популярной „Всеобщей истории литературы" Корша и Кирпичникова[1]) очерки до-мусульманской литературы Ирана как древней, так средне-персидской или пехлевийской, дают такую яркую характеристику этих памятников иранской культурной жизни, что имеют значение и для историков. Первым из этих очерков воспользовался, более 30 лет спустя, Б. А. Тураев, автор единственного на русском языке общего обзора истории древнего Востока, имеющего характер самостоятельного научного труда[2]).

Б. А. Тураев был египтологом и ассириологом, но не иранистом: поэтому главы его труда, посвященные Ирану, именно царствам мидийскому и ахеменидскому (об арсакидах особой главы нет, сасанидская эпоха осталась „за пределами"[3]) труда), по научному значению несколько уступают главам, посвященным Египту и Передней Азии. Все же ознакомление с трудом Тураева безусловно необходимо для всякого русского исследователя истории древнего Ирана. Тураев не упоминает о представляющей теперь, действительно, только исторический интерес, хотя в свое время имевшей некоторый успех[4]), статье академика А. А. Куника: „О влиянии Иранского племени на судьбы семитических народов. Опыт приложения этнологического взгляда к разработке древней истории[5])".

Некоторым дополнением к „Истории древнего Востока" Тураева может служить статья В. Ф. Минорского: „Келяшин, стела у Топузавá и древнейшие памятники вблизи Урмийского озера"[6]), где, помимо описания археологических памятников, посещенных самим автором, использованы археологические открытия Моргана,

[1]) Характерно, что очерка истории новоперсидской литературы в этом издании нет, хотя, есть очерки истории литературы арабской и турецкой (османской).

[2]) Б. А. Тураев, Ист. древн. Востока², II, (1914), 213.

[3]) Ibid., 205.

[4]) О ее влиянии на П. И. Лерха см. Биогр. слов. проф. Петерб. Унив. 1869–1 94, I, 392.

[5]) ЖМНП, ч. XC (1856), отд. V, 59—140. Статья первоначально была напечатана по французски в 1852 г. в Bulletin hist.-phil., t. IX, № 15: «Essai pour éclaircir, au moyen de l'histoire comparée, la question de l'influence des Iraniens sur les destinées de la race sémitique». К русскому переводу сделаны обширные прибавления (97—140). Упоминается (124 и сл.) о влиянии этой статьи на взгляды Ренана.

[6]) ЗВО, XXIV, 145—193.

Херцфельда, Вейсбаха и друг. Минорский был также продолжателем прежних деятелей министерства иностранных дел, пользовавшихся своими командировками, своим участием в разграничительных комиссиях и т. п. для производства историко-географических работ. Самым выдающимся деятелем этого типа был Н. В Ханыков, еще в ранней молодости (он родился в 1822 г.) издавший классическое „Описание Бухарского ханства" (1843), не утратившее своего значения и до сих пор (Ханыков был в Бухаре в 1841 г.). Результатом его путешествия в Персию (1858—59) были работы „Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale" (1861); (Ханыков, как Гобино, причислял Иран к Средней Азии) и „Mémoire sur l'Ethnographie de la Perse" (1866); обе были изданы в Париже и вошли в „Recueil de voyages et de mémoires publiés par la Société de Géographie», т.т. VII и VIII. Еще раньше, в 1850-х годах, Ханыковым был напечатан ряд статей [1]) о пограничных местностях исторического Ирана, именно о Дербенте и Баку, преимущественно эпиграфического характера; главная из этих статей „О некоторых арабских надписях в Дербенте и Баку" вошла в „Труды восточного отделения Русского Археологического Общества" [2]); более обширная статья о том же предмете „Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase" напечатана им в 1862 г. в Париже [3]).

Ханыков, таким образом, был вполне подготовлен к задаче, возложенной на него Русским Географическим Обществом и относившейся к предпринятому Обществом, на счет капитала, пожертвованного П. В. Голубковым, изданию русского перевода „Erdkunde" Риттера, с необходимыми поправками и дополнениями. Вышла только первая часть этого издания [4]), теперь устаревшая почти в той же степени, как немецкий подлинник книги Риттера.

---

[1]) Ср. биографию Ханыкова, составленную Н. И Веселовским, в Энциклоп Словаре Брокгауза и Эфрона; список статей Ханыкова в 6-ой серии JA (tt II—IX, XI—XIII) помещен в указателе к этой серии: JA, 6, XX (1872). 394 и сл. См. еще Bibliographie analytique des ouvrages de M.F. Erosset, указатель под словом «Khanykof», и Е. И. Козуоский. Памятн. кн. Дагестанской области (1875), указатель.

[2]) Труды etc., II, 168—176.

[3]) JA 5, XX, 57—155.

[4]) Иран, К. Риттера, ч. I, перевел и дополнил Н. В. Ханыков, Спб. 1874.

Из занятий разграничительных комиссий больше всего пользы науке принесла деятельность комиссии 1849—52 г.г.; составленный Е. И. Чириковым путевой журнал, заключающий в себе множество ценного историко-географического материала, был издан в 1875 г. Кавказским отделом Русского Географического Общества под редакцией М. А. Гамазова[1]). Гамазовым были также переведены отчеты членов той же комиссии со стороны Турции и Персии[2]). Пограничные споры между Турцией и Персией возобновлялись несколько раз, причем представители России принимали участие в разрешении этих споров и в XX в., до начала 1914 г. Историко-географические результаты работ последних комиссий изложены в двух томах „секретных" „Материалов по изучению Востока", изданных в 1909 г. и 1915 г. министерством иностранных дел под редакцией И. А. Персиани и В. Ф. Минорского.

Значительное число сведений, преимущественно об экономической жизни Ирана в настоящее время и в недавнем прошлом, можно найти в различных выпусках „Сборника консульских донесений", также в выпусках издававшегося в 1870-х годах Военно-ученым Комитетом Главного Штаба „секретного" (в действительности не заключавшего в себе никаких государственных тайн) „Сборника географических, топографических и статистических материалов по Азии". Между прочим, в этот сборник (вып. 65, 1896) вошло описание путешествия А. Г. Туманского (1894 г.) „от Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно" На обширной литературе путешествий, имеющей значение и для историка, в особенности по описаниям памятников прошлого, мы не имеем возможности здесь останавливаться. К числу наиболее поучительных произведений этой литературы принадлежит „Путешествие по Востоку" Березина (1849—52; самое путешествие в той части, которая описана в двух вышедших томах, относится к 1842 г.).

Отчасти древнему Ирану, но преимущественно Ирану сасанидскому посвящены культурно-исторические исследования К. А. Ино-

[1]) Путевой журнал по турецко-персидскому разграничению 1849—1852.

[2]) Сияхэт-намэ-и-худуд. Описание путешествия по турецко-персидской границе, составил Хуршид-Эфенди, бывший секретарь турецкого комиссара по разграничению между Турциею и Персиею. С приложением отчета персидского комиссара о том же путешествии. Издание Военно-уч. ком. Главного Штаба, 1877.

странцева, занимающие особое место в истории русского востоковедения[1]). Главные из этих работ — „Материалы из арабских источников для культурной истории Сасанидской Персии. Приметы и поверья" (1907)[2]); „Сасанидские этюды" (1909); „Переселение парсов в Индию и мусульманский мир в половине VIII века" (1915)[3]). Небольшая статья его же „Средне-азиатский термин в сасанидском судебнике"[4]) вызвала возражение проф. А. А. Фреймана „Существует ли „средне-азиатский" термин в сасанидском судебнике"[5]). Ряд статей, посвященных вопросам древне-иранской культуры был помещен К. А. Иностранцевым в „Известиях Академии Наук"[6]), в „Записках Восточного Отделения Русского Археологического Общества"[7]) и в „Журнале Министерства Народного Просвещения"[8]).

Присоединение в России нескольких культурных областей, входивших в состав частью Ирана непосредственно, частью мира иранской культуры, поставило перед русской наукой ряд новых задач. К этим задачам можно было подойти как с точки зрения специалиста по истории Средней Азии, так и с точки зрения иранист а. В деле изучения новой истории мусульманской Средней Азии, как и в деле изучения географии тех же областей, русская наука уже в первой половине XIX века была впереди западноевропейской; этой исторической дисциплине было положено начало в 1824 г., трудом Сенковского „Supplément à l'histoire générale des Turks et des Mogols". По замечанию Ферд. Тейфеля[9]), первый пошел дальше Сенковского также русский ученый, В. В. Вельяминов-Зернов, в особенности своей работой „Монеты бухарские и хивинские"[10]); экскурсам в области истории Средней Азии при-

[1]) Об этом ЗВО, XXII, стр. XXV и сл.

[2]) ЗВО, XVIII, 113—232.

[3]) ЗВО, XXIII, 133—166.

[4]) ЗВО, XXIV, 29—32.

[5]) ИАН, 1918, 311 и сл.

[6]) ИАН, 1917, 891—895. «Река Иран—Вэджа в парсийской традиции».

[7]) О первых статьях см. указатель к т. XX; в т. XXIV, 133—144: «К истории до-мусульманской культуры Средней Азии».

[8]) В особенности: «О древне-иранских погребальных обычаях и постройках» (1909, март); «О до-мусульманской культуре Хивинского оазиса» (1911, февр.).

[9]) ZDMG, XXXVIII, 235.

[10]) Труды вост. отд. Р. Арх. Общ., ч. IV.

надлежит также значительное место во втором томе его „Исследований о Касимовских царях и царевичах“[1]).

Тотчас после присоединения Туркестана к России начались работы в этой области П. И. Лерха, раньше занимавшегося главным образом языком и литературой курдов, но уже в 1858 г. совершившего путешествие в Хиву и Бухару. В самый год образования Туркестанского генерал-губернаторства Лерхом была совершена по поручению Археологический Комиссии поездка с археологической целью к берегам Сыр-дарьи, описание которой появилось в 1870 г.[2]). В 1873—74 х появились в „Русском Энциклопедическом Словаре“ Березина статьи Лерха: „Азия“, „Бухара“[3]) и „Мавераннахр“, в 1873 г., накануне хивинского похода, Лерхом было напечатано историко-географическое исследование о Хорезме, которым потом отчасти воспользовался[4]) Н. И. Веселовский в своем „Очерке историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего“ (1877). Впоследствии Веселовский неразрывно связал свое имя с изучением памятников древности в Средней Азии, в особенности в Самарканде и его окрестностях[5]).

Особое место не только в русской, но и в обще-европейской литературе по истории Ирана занимает книга В. А. Жуковского „Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва“[6]). Ни о каком иранском городе нет такой обстоятельной монографии, в которой были бы исследованы как письменные известия о прошлом, так и сохранившиеся на поверхности земли остатки этого прошлого. Жуковский предполагал издать такую же монографию о других персидских городах Закаспийской (ныне Туркменской) области, но это намерение осталось невыполненным.[7])

---

[1]) Ibid., ч. X.

[2]) Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году.

[3]) Кроме этой статьи Лерхом в Трудах 3-го (петербургского) съезда ориенталистов была написана статья о монетах до-мусульманских князей Бухары, бухар-худатов (sur les monnaies des Boukhar—Khoudahs. Travaux de la III-me session etc., II, 417—430). Более подробная (неоконченная) статья Лерха о том же в Труд. вост. отд. Р. Арх. Общ., ч. XVIII (вышла только в 1909 г. через 25 лет после смерти Лерха).

[4]) Ср. ЗВО, XXV, 346 и сл.

[5]) Ibid., 348—352.

[6]) Материалы по археологии России, издаваемые Имп. Археологической Комм., № 16, 1894. Дополнения к этой книге в ЗВО, IX, 303—333; XI, 327—333; XIX, 115—138.

[7]) Ср. ЗВО, XXV, 407.

Первый в России специалист по изучению мусульманской Персии[1]), Жуковский был в этой области не столько историком, сколько исследователем языка и литературы. Из отраслей народной жизни его особенно интересовали религиозные верования. Вместе с другими русскими учеными[2]), особенно Туманским, он принял участие[3]) в работах, составляющих одну из лучших страниц в истории русского востоковедения, по изучению возникшей в 1840-х годах секты бабидов; кроме того ему принадлежит статья[5]) о широко распространенной секте „Людей истины", о которой впоследствии был добыт новый материал В. Ф. Минорским[4]). В последнее время русскими учеными были напечатаны несколько статей о современных остатках когда-то могущественной секты исмаилитов[6]). Жуковский, частью непосредственно, частью через своих учеников собирал также материал о происходивших или готовившихся в Персии политических движениях, закончившихся установлением конституционного строя; доклады, читавшиеся им в восточном отделении Археологического Общества, в свое время не могли быть напечатаны по политическим причинам[7]). К числу лиц, работавших под руководством Жуковского, принадлежал и анонимный автор двух выпусков (первый составлен „по рассказам персов-тегеранцев", второй—„по персидским газетам") книжки „Последнее политическое движение в Персии" (1906 и 1907).

Много ценного материала в особенности по истории и археологии Туркестана, появлялось в периодических изданиях, выходивших в Ташкенте, Самарканде и других городах, особенно в „Протоколах Туркестанского Кружка Любителей Археологии" (основан в 1895 г.) и в „Справочной Книжке Самаркандской Обла

---

[1]) Ibid., 399.

[2] Ср. об этом Мир Ислама, I (1912), 425 и сл. Еще в 1865 г. появилась работа А. К. Казем-Бека «Баб и Бабиды», переведенная в следующем году на французский язык (JA 6, VII и VIII).

[3]) ЗВО, IX, 321-327; XXIV, 33—90.

[4]) Ibid., II, 1—24

[5]) Материалы для изучения персидской секты «Люди истины» или Али Илахи, ч. I, 1911 (Тр. по востоковед., издав. Лазар. инст. в. яз., вып. 33) V. Minorsky, Notes sur la secte des Ahlé—Haqq. I—II (изд. Revue du Monde Musulman 1920-21).

[6]) А. А. Бобринской. в Этногр. Обозр. 1902, № 2, 1—20; А. А. Семенов в Мире Ислама. 1912, 523-551; И. И. Зарубин в Сбор. Муз. антроп. и этногр. т. V, вып. I (1918), 97—143, В. А. Иванов в Memoirs of the Asiat. Soc. of Bengal, vol. VIII, № 1 (1922), 1—76.

[7]) ЗВО, XXV, 410, 413 и сл.

сти“ В выпуске VII последнего органа помещена едва ли не самая важная из работ этой категории—„Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета“, В. Л. Вяткина (1902)[1]. Тот же исследователь принимал участие в относившихся к Самарканду работах основанного в 1903 г. „Русского Комитета по изучению Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях“. Отчеты о его работах печатались в „Известиях“ Комитета[2].

Настоящий краткий обзор русских работ по истории Ирана и областей иранской культуры (т.-е., прежде всего, Закавказья[3]) и Туркестана) не заключает в себе исчерпывающих сведений[4]); интересующиеся найдут много других сведений, хотя бы в главном органе русского научного востоковедения—„Записках восточного отделения Русского Археологического Общества“. За последнее десятилетие и в этой области, как во всех других, замечается некоторый упадок научной производительности; для восстановления правильной научной работы прежде всего было бы необходимо обеспечить дальнейшее существование научного органа по востоковедению вообще; кроме того, в виду обширности задач ирановедения, было бы крайне желательно основать специальный орган для этой отрасли востоковедения, какого нет до сих пор ни в России, ни в западной Европе.

---

[1]) Ср. мою рецензию в ЗВО, XV, 250—256.

[2]) Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1905 г. (Изв. Русск. Ком. etc., № 8, 22—36); Отчет о раскопках обсерватории Мирзы Улуг бека в 1908 и 1909 гг. (ibid., серия II, № 1, 76—93).

[3]) Кроме ЗВО, значительное число материалов по кавказоведению, относящихся к политической и культурной истории Ирана, можно найти в «Христианском Востоке», издававшемся с 1912 г. при Академии Наук, и в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», издававшемся в Тифлисе с 1881 г. Указатель к первым 20 выпускам «Сборника» (1881—1894) составлен Е. И. Козубским; ему же принадлежит «Опыт библиографии Дагестанской области» (Пам. кн. Дагест. обл., 1895) и его продолжение «Опыт библиогр. Дагест обл. 1895—1902 гг.» (Дагест. Сборн., вып. I) и «Материалы для библиогр. Дагест. обл.» (ibid., вып. II). Менее удовлетворительна составленная Е. И. Козубским юбилейная «История города Дербента», 1906

[4]) Автор настоящей книжки не мог, конечно, останавливаться на своих собственных работах и определить их место среди других. Список работ до 1913 г. напечатан в Материалах для биогр. слов. действ. членов Акад. Наук, I, 20—24.

Список сокращений.

ЖМНП—Журнал Министерства Народного Просвещения.

ЗВО—Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества.

ИАН—Известия Императорской (с 1917 г. Российской) Академии Наук.

Ибн-ал-Асир—Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur ed C J. Tornberg. Lugd Batav. 1851—76.

ИГО—Известия Русского Географического Общества.

Изв.АИМК—Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры.

APAW—Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften.

BGA—Bibliotheca Geographorum Arabicorum

DL—Deutsche Litteraturzeitung.

EI—Enzyklopaedie des Islam (есть также издание французское и английское).

Fihrist—Kitab-al-Fihrist, mit Anmerkungen herausgegeben von G. Flügel. Erster Band, den Text enthaltend, von Dr. J. Roediger. Lpz. 1871.

GN—Nachrichten der K. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen Philologisch-historische Klasse

JA—Journal Asiatique.

Ja'qubi.-Hist. Ibn-Wadhih qui dicitur al Ja'qubi Historiae, Ed. M.-Th. Houtsma Lugd. Batav. 1883.

JRAS—Journal of the Royal Asiatic Society.

OLZ—Orientalistische Litteratur Zeitung (позже Literatturzeitung).

SbW—Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der Kais. Akademie der Wissenschaften. Wien.

SPAW—Sitzungsberichte der K. Preussischen Akademie der Wissenschaften.

Tabari—Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari, Cum aliis edidit M. J. de Goeje. Lugd. Bat. 1879—1901.

ZA—Zeitschrift fur Assyriologie und verwandte Gebiete.

ZDMG—Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

Опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано	Следует
10	2 снизу	Indiche	Indische
11	11 »	Volkernanderung	Volkerwanderung
12	1 »	fur	für
14	13 »	Eranische	Iranische
»	8	Anfange	Anfänge
15	5	Sachs . . . Wist.	Sachs . . . Wiss.
16	15 »	сделалить	сделались
18	6 »	Fr Felsr.	Ir. Felsr.,
21	1 »	zu	zu
22	2 «	LDMG	ZDMG.
24	13 сверху	европейских	еврейских
28	8 снизу	unaufhaltsenner	unaufhaltsamer
29	3 »	Адзене	Адене
»	9 сверху	»верхиим Ираном«	»верхним Ираном«
34	5 снизу	с EJ	в EI
35	5 «	SBW	SbW
37	18	исконому	исконному
50	17 »	»kclusif	exclusif
54	14 «	Qnelen	Quellen
56	1 »	kl. der kin Suchs	Kl. der kön Sachs.
60	4 сверху	знамя иранцев, взятое	знамя иранцев, взятое
70	4 снизу	EJ,	EI,
79	5 «	Supplémemt	Supplement
«	11 «	Lubabu-L'-Albab	Libabu'L-Albab
83	10 «	(Матла-ас'-са'дейнуа	Матла'-ас-са'дейн-уа
97	7	Bibliotéque	Bibliothéque
99	4—5 сверху	(des Awesta—volkes)	(des Awesta-Volkes
105	3 »	дошедшей	дошедший
107	6—7 «	странец	страниц
109	11 «	Персами не на	Персами на
111	10 «	пе отношению	по отношению
113	2 снизу	п. XLIX	т. XLIX
114	16 сверху	набегом	набегам
117	6 снизу	Козуоский	Козубский